

И.Ф. Медведев

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ СЕЛА
НАЦИОНАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ
СИБИРИ
(1960-1985 гг.)**

Медведев И. Ф. Социально-экономическое развитие села национальных образований Сибири (1960—1985 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 220 с. 1000 экз 0503020800.

В монографии исследуются проблемы развития села национальных образований Сибири: республик Бурятия, Тува, Саха (Якутия), Алтай, Хакасия, Агинского и Усть-Ордынского Бурятских автономных округов в 1960—1985 гг.

На основе большого фактического материала сделана попытка проанализировать результаты работы колхозов и совхозов, птице- и свинофабрик, личных подсобных хозяйств, выявить причины имевшихся недостатков и достижений.

С новых позиций, связанных с гласностью и перестройкой в обществе, показать в этом процессе роль общественных (прежде всего партийных), хозяйственных и государственных органов власти.

Для широкого круга читателей, краеведов, специалистов, научных работников, занимающихся вопросами села, межнациональных отношений, культуры, народного образования.

Рецензенты: докт. ист. наук,
профессор Ф. Я. Володарский,
докт. ист. наук, профессор В. М. Суверов

ISBN 5—7511—0696—2

М 0503020800 _____
177(012)—94

© Медведев И. Ф., 1994

От автора

Проблемы развития села в самом широком контексте являлись основной темой научных исследований автора на протяжении последних 30 лет. Постепенно уточнялась хронология (1960—1980-е гг.) и география научных интересов. В круг изучаемых вошли народы юга Сибири и Республика Саха (Якутия), традиционные занятия которых связаны с животноводством и (в рассматриваемые годы) земледелием.

Развитие сельскохозяйственного производства автономий Сибири автор стремился рассматривать через призму решения межнациональных проблем, укрепления интернациональных уз дружбы и сотрудничества, взаимоотношений коренных и некоренных жителей села в процессе труда и повседневной жизни, решения вопросов культуры, школьного образования, благоустройства села.

В работе ставятся и по возможности освещаются вопросы отношений рабочего класса и крестьянства, местных и центральных органов власти, проблемы перестройки на селе.

Автор искренне благодарен своим коллегам, познакомившимся с рукописью и высказавшим критические замечания. Особая признательность — доктору исторических наук, профессору В. А. Демидову и научному руководителю, редактору книги, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, доктору исторических наук, профессору М. С. Кузнецову.

Введение

Сельское хозяйство — одна из основных отраслей экономики Сибирского региона. Традиционно оно не только обеспечивало потребности населения Сибири, но и вносило большой вклад в снабжение продовольствием других районов, а также в формирование экспортных ресурсов Советского Союза. В рассматриваемый период удельный вес сельскохозяйственной продукции в общесоюзном продовольственном комплексе несколько сократился, однако Сибирь по-прежнему оставалась одним из важнейших сельскохозяйственных районов страны. В 1982—1985 гг. ее удельный вес в производстве зерна в РСФСР составлял около 20%, молока и мяса примерно 18%¹.

В Сибири существенный вклад в производство сельскохозяйственной продукции, особенно животноводческой отрасли, вносили национальные районы. Успешно развиваясь в промышленном отношении, автономии Сибири во многом продолжали оставаться территориями с преимущественно сельскохозяйственной направленностью экономики. Большинство населения этих районов, исключая Хакасию, проживало и трудилось на селе. В Бурятской АССР на начало 1960 г. доля сельского населения составляла 59% от общего населения республики, в Тувинской АССР — 66,3%, в Якутской АССР — 50,9%, в Горно-Алтайской автономной области — 81%, в Хакасской автономной области — 43%. Более 80% населения Агинского и Усть-Ордынского Бурятских автономных округов было занято в сельскохозяйственном производстве. В сельской местности проживало большинство коренного населения автономий Сибири. Так, в Бурятии из 178660 человек коренной национальности по

итогах Всесоюзной переписи населения 1970 г. 136741 человек трудился и жили на селе. В Туве из 135306 в сельской местности проживало 113848 человек. В Якутии соответственно из 285749 человек — 230048².

В своем развитии сельское хозяйство национальных автономий Сибири прошло большой и сложный путь, каждый из этапов которого вносил свои качественные и структурные изменения в форму пользования землей, методы ведения животноводства и полеводства, работы с кадрами. Произошли крупные социальные перемены. Резко сократилось количество колхозного крестьянства. К 1980 г. в колхозах Бурятии (без рыболовецких) трудилось 25 тыс. человек против 32,4 тыс. человек в 1970 г. и 191 тыс. человек на начало 1960 г. В Тувинской АССР в 1977 г. все колхозы были преобразованы в совхозы. В 1974 г. в Якутской АССР колхозы (кроме рыболовецких) были преобразованы в совхозы. В Горно-Алтайской автономной области доля колхозников в составе сельскохозяйственного населения* сократилась до 12,7%, в Хакасской автономной области в 1970 г. все колхозы были преобразованы в совхозы. В Усть-Ордынском Бурятском автономном округе резко уменьшившееся в начале 60-х гг. количество колхозников после 1965 г. оставалось без изменений. Менее других в социально-классовом отношении претерпел изменения Агинский Бурятский автономный округ. Здесь количество колхозников оставалось стабильным³.

Развитие сельскохозяйственного производства колхозов и совхозов национальных автономий Сибири было сопряжено с характерными для этих районов особенностями. Трудяники села работали в условиях резко континентального климата с продолжительной, суровой зимой, часто засушливым, коротким летом. В экстремальных условиях приходилось, например, жить и трудиться труженникам Якутии, где повсеместное распространение имеет вечная мерзлота, наличие подпочвенных льдов, своеобразие почв, а среднегодовой перепад температуры достигает ста и более градусов. Специфичны географические и климатические условия и в других автономиях Сибири. Все это неизбежно приводило к особенностям в выборе направлений развития сельскохозяйственного производства колхозов и совхозов. Широко,

* В зависимости от формы собственности (государственная — совхозы, учхозы, птице- и свинофабрики и т. д. или колхозно-кооперативная — колхозы) сельское население подразделялось на колхозников и сельский рабочий класс.

например, были распространены традиционное для этих мест отгонное животноводство и круглогодичная пастьба животных, это определяло особые условия жизни и труда скотоводов. Наряду с традиционным разведением овец, крупного рогатого скота здесь занимались табунным коневодством, оленеводством (в Горном Алтае значительное распространение имело мараловодство), яководством, верблюдоводством и т. д. Большое место в кормовом рационе скота продолжали занимать грубые корма с естественных сенокосов, солома, часто завозимая из других районов Сибири, лапник, ивняк и др.

Тяжелые климатические условия, большая отдаленность от промышленных центров, слабое развитие дорожно-транспортной сети приводили к резкому повышению себестоимости производимых на месте сельскохозяйственных продуктов, более высоким затратам средств для прожиточного минимума тружеников села. Все это наряду со специфическими проблемами, вытекающими из исторически сложившихся условий жизни местного населения, ставило дополнительные трудности перед партийными, советскими, хозяйственными органами в вопросах руководства сельским хозяйством, подготовки, воспитания и закрепления кадров, повышения культуры сельскохозяйственного производства, уровня жизни сельчан.

В предлагаемой монографии ставится задача раскрыть содержание и основные этапы социально-экономического развития села национально-государственных образований Сибири, в сопоставительном плане показать формы работы республик, областей, округов как различного уровня автономий.

Хронологически исследование охватывает период с 1960 по 1985 г. Однако временные рамки в определенной степени условны, ибо в истории конкретные даты социальных процессов с точностью до дня, месяца, даже года определить трудно. Поэтому правильнее за начало изучаемого периода принять более широкий отрезок времени — конец 50-х — начало 60-х гг. Это был период, когда в обществе обозначились демократические тенденции (борьба с проявлениями тоталитаризма), наметились предпосылки для некоторого оживления и продвижения вперед в развитии сельского хозяйства (отмена многочисленных налогов с жителей села, ликвидация МТС и разрешение колхозам иметь свою технику, увеличение финансовой помощи селу со стороны государства и т. д.), когда в сознании людей происходило

изживание самых отвратительных наслоений тоталитаризма.

1960 г. взят за начальный рубеж исследования в связи с тем, что к тому времени закончилась седьмая пятилетка (1956—1960 гг.), ставшая частью семилетки (1959—1965 гг.)*. Но 1960 г. оставался рубежным. С ним связывались статистические данные за пятилетку.

В ходе исследования автор осознавал неоднозначность происходящих в стране политических событий. Он видел подспудную борьбу между силами демократии и приверженцами старых форм руководства страной, стремился выявить проявление этой борьбы в событиях местной жизни, ее отражение на результатах экономического, политического и культурного развития национальных автономий. По мнению автора, 1960 г. был годом наибольших завоеваний сил демократии. В последующие годы усилилось давление на демократические завоевания.

Заканчивается исследуемый период 1985 г. Этот год избран автором завершающим по целому ряду параметров. Прошло четверть века — время, вполне достаточное, чтобы оглянуться, проанализировать пройденный отрезок времени. Это время в жизни страны, ее национальных автономий крайне неоднозначно, насыщено самыми разнообразными событиями как внутреннего, так и международного значения. Многие из этих событий родились и четко обозначились именно к середине 80-х гг. Стало, например, совершенно ясно, что продвижение страны по прежнему пути дальше невозможно. Государство и в политическом, и в экономическом аспектах нуждалось в глубоких переменах. Кроме того, в 1985 г. закончилась XI пятилетка (1981—1985 гг.). Как в центре, так и на местах были подведены итоги ее выполнения, что раскрывало перед исследователем дополнительные возможности сопоставления начала и конца этого промежутка времени в деятельности отдельного человека (чабана, доярки, механизатора), колхоза или совхоза, автономии в целом.

При работе над темой учитывались особенности предшествующего и последующего этапов в развитии национальных автономий Сибири. Нередко автор сознательно выходит за рамки изучаемого периода. Например, оценивая 1960 г. как год значительного укрепления материально-тех-

* Традиционными в 20—80-е гг. являлись пятилетние сроки планирования развития народного хозяйства. В 1959 г. было принято не оправдавшее себя решение с введением семилетки. С 1965 г. страна возвратилась к практике пятилетних планов.

нической базы колхозов и совхозов, автор нашел нужным сравнивать его с более ранними годами, попутно показывая (фрагментарно) основные события предшествующих лет. Или, анализируя мотивы преобразования колхозов в совхозы и приводя данные о том, что, например, в Бурятской АССР с 1960 по 1985 г. количество колхозов сократилось со 126 до 62, он считает интересным выяснить, какие изменения произошли с ними за годы перестройки, и приводит данные конца 80-х — начала 90-х гг.

Исследование построено по проблемно-хронологическому принципу. Его территориальные рамки: три автономные республики (Бурятская, Тувинская, Якутская АССР), Горно-Алтайская и Хакасская автономные области и два Бурятских автономных округа (Агинский и Усть-Ордынский). В монографии используются официальные названия республик, областей и округов, существовавшие в рассматриваемые годы.

Анализ деятельности тружеников национальных автономий, результаты этой работы рассматриваются в монографии на фоне событий в Сибири и стране в целом. Поскольку особенности социально-экономического развития сибирской деревни, в том числе национальных автономий в изучаемые годы, касались не существа социалистического строительства (оно было везде единым), то сопоставление помогало лучше выявить приемы, методы работы местных органов власти и их результаты. Кроме того, такой прием давал возможность показать национально особенное в деятельности республик, областей, округов или отсутствие этой особенности и тем самым подчеркнуть (подтвердить) ставшую сегодня достоянием гласность, двойную политику Коммунистической партии и Советского государства в решении вопросов, касающихся малочисленных наций и народов, — одну в декларациях, другую на деле.

Исследуемые годы не были одинаковы по темпам роста производства сельскохозяйственной продукции, обеспечению колхозов и совхозов техникой и другими средствами производства, по изменению уровня жизни сельчан.

Наиболее удачными в этом плане были годы восьмой (1966—1970 гг.) и девятой (1971—1975 гг.) пятилеток. Они по своим показателям отличаются от предшествующих лет, когда сельскохозяйственное производство развивалось слабо, а также от последующих лет, в которые обозначилась тенденция к замедлению темпов развития и даже снижению выпуска отдельных видов продукции. Например, в Бурят-

ской АССР производство мяса с 33,6 тыс. т в 1960 г. увеличилось до 49 тыс. т в 1970 г. и до 55 тыс. т в 1975 г. В 1980 г. было произведено 54 тыс. т, а в 1985 г. 56 тыс. т. В Тувинской АССР соответственно 12, 19, 18, 15, 19 тыс. т. В Горно-Алтайской автономной области — 7, 16, 15, 15, 18 тыс. т^{4*}. Аналогичные показатели, с некоторыми изменениями в ту или другую сторону, имели место и в других автономиях.

В экономике национальных образований все нагляднее проявлялась тенденция, когда развивавшемуся народному хозяйству становилось тесно в рамках существовавшего хозяйственного и политического механизма. Жизнь требовала не просто реформ и косметического ремонта существовавших властных структур и устоявшихся реалий. Стала очевидной необходимость слома и замены самой структуры власти, законодательного введения плюрализма форм собственности, расширения прав производителей, в частности колхозов и совхозов, отказа от всевластия КПСС. Однако руководство КПСС и страны, местные органы власти оказались как в теоретическом, так и в практическом плане не подготовленными к этому. Политбюро, Центральный Комитет, Совет Министров СССР, местные органы власти, отмечалось на XXVII съезде партии, стремились «улучшать дела, ничего не делая»⁵. Бумажотворчество заполнило все властные структуры. Страна в прямом смысле слова тонула в бесчисленном количестве всевозможных указов, инструкций, планов, решений, постановлений и т. д. Выявление и показ деятельности местных партийных, советских, хозяйственных органов власти в таких условиях представляют практический интерес. Избранный период интересен и тем, что на него приходится юбилейные даты 50- и 60-летия Октябрьской революции, 100- и 110-летия со дня рождения В. И. Ленина, 50-летия образования СССР, в ходе подготовки и проведения которых проявился неподдельный энтузиазм масс, объяснение истоков которого также представляется небезынтересным.

В исследуемый период был принят ряд важнейших документов по вопросам совершенствования работы Советов народных депутатов (до 1977 г. депутатов трудящихся) и комсомола, была организована на селе профсоюзная сеть.

* В различных источниках, в том числе статсборниках, количество произведенной сельхозпродукции из-за разных методик подсчета не совпадает. Приведенные здесь данные, по мнению автора, более других соответствуют действительности.

Расширились производственные связи между колхозами и государственными предприятиями. В 1977 г. были приняты новая Конституция СССР, Конституции союзных и автономных республик, что формально повышало их статус как национально-государственных объединений.

Отмеченные события подчеркивают особенность выделяемого периода, непосредственно ставят перед исследователем задачу самого глубокого анализа деятельности советских, хозяйственных органов, работы общественных организаций.

Повышенный интерес к изучаемой теме вызывается также состоянием ее историографии. Это связано с тем, что абсолютное большинство работ, изданных в то время и так или иначе освещающих разные стороны жизни национальных автономий, несли в себе определенный элемент приукрашивания и преувеличения имевшихся достижений и замалчивания негативных моментов. К этим работам можно отнести все «Очерки истории партийных организаций» национальных районов Сибири, а также «Очерки истории автономных республик и областей»⁶; большинство монографий и диссертационных работ выполнены на материалах партийных и государственных архивов, доступ к которым был в значительной степени ограничен. Например, с документами партийных архивов имели право работать только члены КПСС и при наличии у них определенной «справки-допуска» из органов госбезопасности.

Работы, появившиеся в начале 90-х гг. и отражающие перемены в общественном сознании, происходившие после 1985 г., составляют лишь незначительное количество печатной продукции и не могут удовлетворить читательский спрос. Кроме того, предшествующая литература, как правило, готовилась на материалах какой-либо отдельной области, национальной автономии. Обобщающих работ, тем более по автономным республикам, областям и округам Сибири, недостаточно, что явилось дополнительным стимулом к подготовке данной монографии.

Однако было бы ошибкой всю вышеназванную литературу признать ненужной и в научном плане несостоятельной. Большинство из этих работ базировалось на солидной источниковой базе. Следует признать как положительное явление привлечение к написанию «Очерков» лучших сил местных историков, экономистов, социологов, а также участие, особенно в редактировании «Очерков», крупных советских ученых. Нередко в составе авторских коллективов можно встретить руководителей партийных, советских, хо-

зяйственных организаций, которых отличало знание структуры и форм работы органов управления. Конечно, это были люди своего времени: они верили в идеологические догмы партии, и это не могло не отразиться на их взглядах и восприятии происходивших событий. В то же время конкретное знание дел на местах заставляло их более критично подходить к оценке событий, позволяло им делать относительно взвешенные выводы.

Эта литература содержит обширный фактологический материал, взятый из текущих архивов той или иной организации, партийного комитета, органа Советской власти, официально еще не опубликованных статистических данных, что явилось хорошим подсобным материалом для написания предлагаемой монографии.

Среди перечня предшествующей литературы, касающейся сибирского села, особое место занимают крупные по объему и в значительной степени ценные по содержанию монографические исследования: «Социально-экономическое развитие сибирского села» под редакцией академика Т. И. Заславской и канд. экон. наук З. В. Куприяновой и «Крестьянство и сельское хозяйство Сибири (1960—1980-е гг.)», являющееся V томом многотомной «Истории крестьянства Сибири»⁷, в котором ряд глав (10—12) посвящены непосредственно крестьянству и сельскому хозяйству национальных районов Сибири в рассматриваемые годы*.

Серьезная попытка анализа общественно-политической жизни колхозного крестьянства Сибири в 60—70-е гг. (не включая национальные районы) предпринята В. Г. Истиным в монографическом исследовании и докторской диссертации «Общественно-политическая жизнь крестьянства Сибири (1959—1975 гг.)»⁸. Это исследование интересно не только глубоким проникновением в суть предмета, взвешенными выводами и собственным видением изучаемых событий. Оно интересно динамикой оценок, которые автор давал одним и тем же событиям сначала в монографии, вышедшей в свет в 1991 г., а затем в диссертационной работе (1993 г.). Сопоставление этих оценок показывает поиск автора, углубление его осмысления изучаемых явлений, расширение теоретической базы, рост творческого потенциала самого исследователя.

* В подготовке и написании двух из этих глав (11—12) участвовал и автор данной монографии.

Учитывая опыт, накопленный в предшествующей литературе, автор предлагаемой читателю монографии стремится при анализе и оценках изучаемого материала: деятельности тружеников села национальных районов Сибири, общественных и хозяйственных органов и организаций национальных автономий — это во многом слабо изученного, огромного по территории, своеобразного по составу населения, образу жизни, неповторимости культуры, формам и направлению развития хозяйственной деятельности колхозов, совхозов региона — с учетом глубоких перемен, происходящих в нашей стране, дать ему свою интерпретацию, показать труд колхозников и рабочих совхозов, уровень руководства и результаты труда, систему организации производства, руководство общественной жизнью селян.

Новым оценкам изучаемых событий способствовали «информационный взрыв» относительно «белых пятен» отечественной истории вообще и жизни села в рассматриваемые годы в особенности; события 90-х гг., крах КПСС, кровавые события октября 1993 г.; включение в научный оборот выводов и идей из достояния мировой общественной мысли и исторической науки; глубокое изучение трудов ранее запрещенных отечественных историков и философов, осмысление понятий «тоталитаризм» и «демократия» применительно к изучаемому предмету исследования. Все это сделало необходимыми внимательнейший анализ и разбор реального состояния дел на селе; выявление принципиальных противоречий между целями и формами работы партии (местных партийных организаций) и естественными интересами и правами тружеников села; рассмотрение в свете новых категорий и подходов всех проблем села вообще и национальных автономий в частности. Это определяет новизну поставленных задач и одновременно усиливает их актуальность.

Монография состоит из введения, четырех глав и заключения, содержание которых с разных сторон освещает деятельность колхозников и рабочих совхозов, происходившие структурные изменения, работу советских, общественных и хозяйственных органов и организаций национальных автономий Сибири.

Особое внимание в исследовании уделено деятельности партийных организаций. Такое их выделение не случайно. Партийные органы, независимо от сегодняшней оценки их деятельности, в исследуемые годы находились в центре

всей общественной и хозяйственной жизни. Ни один план, ни одно мероприятие не осуществлялись, не пройдя предварительного обсуждения в партийных организациях. Партийные органы являлись высшей инстанцией в решении всех хозяйственно-производственных, общественных и межличностных отношений. Через прессу, радио и телевидение они формировали общественный настрой, определяли планы на перспективу, контролировали выполнение принимавшихся решений.

В прессе, на телевидении и радио сегодня постоянно говорят об узурпации партией не свойственных ей, как политической организации, функций. Со многими из этих выводов нельзя не согласиться. Действительно, например, непосредственное руководство партии экономикой страны являлось «новаторством» чрезмерным. Но это было. Партия курировала не только экономическую деятельность страны в целом, но и работу отдельных предприятий, влияла на распределение материально-технических ценностей между учреждениями, колхозами и совхозами

В настоящее время нередко можно слышать, что трудовые коллективы, руководители предприятий активно борются против такого положения вещей, осознанно выступая против всевластия партийных органов. Это далеко от истины. Тщательное изучение решений, постановлений, переписки и т. д. областных, районных партийных комитетов, первичных парторганизаций колхозов и совхозов всех национальных автономий Сибири за все рассматриваемые годы подтверждений этому не дало. Не было выявлено ни одного подобного документа. На бытовом уровне критические высказывания в адрес партии, в том числе среди коммунистов, были, но они, как правило, не поднимались до отрицания руководящей и направляющей роли КПСС.

Исходя из этого, в ходе работы автор сознательно стремился избежать существующей ныне, особенно в публицистических работах, тенденции приписывать людям точку зрения и взгляды, сформировавшиеся уже после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС*. В этом плане главной задачей в исследовании является показ динамики событий и результатов труда людей, процесса производственной

* В решениях апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС были сформулированы установки о необходимости коренных преобразований в экономической и идеологической деятельности партии и Советского государства. С ними связано начало перестройки в нашей стране.

деятельности такими, какими они, по мнению автора, были в рассматриваемые годы, по возможности фотографического отображения взаимоотношения коллектива и личности, общественных и хозяйственных организаций, структурно-иерархического построения партийно-советско-хозяйственной системы на селе.

К примеру, тот или другой обком партии на бюро ставил и решал вопрос «О задачах Советов депутатов трудящихся в проведении весенне-посевной кампании» или «О созыве первой сессии областного Совета народных депутатов». Мы сегодня рассматриваем такую постановку вопроса как факт проявления тоталитарного характера самой системы, навязанной стране компартией, которая утвердила * свою идеологию в качестве официальной, охватив ею все сферы жизни советского общества. Особенно контролировалась работа Советов. Участники и современники принимавшихся решений видели в них только стремление партийных органов лучше подготовить и организованно провести важную сельскохозяйственную кампанию, первую сессию вновь избранного Совета. Причем именно так оценивали принятые решения как сами партийные функционеры, так и работники советских, хозяйственных, комсомольских и др. организаций. Так же воспринимали их и рядовые труженики колхозов и совхозов.

Из всего этого вытекает особая значимость тех методологических позиций и основ, с которых исследователь рассматривает происходившие события, дает им ту или иную трактовку. Особенность работы состоит в том, что она, исследуя общественно-политические проблемы, в то же время своим содержанием непосредственно охватывает вопросы экономики, социологии и права. А поскольку рассматриваемые события разворачиваются в национальных автономиях, она прямо выходит на межнациональные отношения, поэтому решение их без опоры на философские категории невозможно, например, в определении субъективно-объективных отношений и понятий.

Во всех основополагающих документах партии и правительства за крестьянством закреплялось право субъекта, равное праву рабочего класса. На деле крестьянство было объектом воздействия со стороны партии и государства,

* Для более правильного и объективного понимания положения дел в этом вопросе надо рассматривать его исключительно с позиций историзма.

а через них и рабочего класса. Часто не учитывалось, что рассматриваемое нами крестьянство является представителем национальных автономий, имеющих свои особые права, свой статус, закрепленный в Основном законе страны — ее Конституции, в Конституциях самих автономий.

Все это требовало более критического подхода к оценке событий. Например, видя в крестьянстве не только объект воздействия, но и субъект, самостоятельного творца истории, причем творца, наделенного особым национальным статусом, мы в своих оценках допускали вполне правомочными какие-то действия, связанные с реализацией ими своих национальных интересов и целей, прежде всего как средства их выражения, защиты и дальнейшего развития своего национального статуса.

Утверждение современных оценочных подходов потребовало нового прочтения произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Особую актуальность в условиях переосмысления происходивших событий приобрели, например, идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о социализме как «последнем продукте капиталистического общества», порождаемом им самим⁸, уравнительном коммунизме⁹, негативных последствиях для общества изъятия у крестьян сверх определенной меры продуктов сельского хозяйства¹⁰; идей В. И. Ленина о кооперативном пути крестьянства к социализму, о демократии, ее тесной взаимосвязи с производством, о необходимости рассматривать общественные классы как самостоятельные субъекты истории¹¹.

По меркам тех лет все представлялось простым: партия своевременно вырабатывала решения, местные партийные организации претворяли их в жизнь, активность трудящихся повышалась (соответствующие факты были), сельское хозяйство кое в чем двигалось вперед, существовало мнение, что в нашей стране разрешены все межнациональные проблемы. Но в условиях гласности, критической переоценки истории оказалось, что такие оценки и представления иллюзорны. Реалистический взгляд на объективные процессы, проходившие в нашем обществе, в сельском хозяйстве и партии, позволил увидеть их многогранность, дать им более верную оценку.

Отмеченные особенности предмета исследования определили отбор фактического материала, методы его обобщения и систематизации. Главными источниками фактического материала явились документы местных и центральных ар-

хивов*. Были изучены несколько десятков фондов Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центрального государственного архива РСФСР и других центральных архивов (Министерства сельского хозяйства, Центрального архива ЦК ВЛКСМ и др.).

В ходе сбора материала были детально изучены документы пяти областных комитетов партии: Бурятского, Тувинского, Якутского, Горно-Алтайского и Хакасского и двух окружкомов КПСС (Агинского и Усть-Ордынского), более двадцати райкомов партии, нескольких десятков парторганизаций колхозов и совхозов, ферм и бригад. Тщательно были изучены документы советских органов власти, комсомольских и профсоюзных организаций, трудовых коллективов автономных республик, областей и округов Сибирского региона. Для сравнения результатов развития национальных автономий фрагментарно по отдельным направлениям деятельности колхозов и совхозов были изучены документы ряда областей, Алтайского и Красноярского краев, а также статистические данные развития аграрного сектора РСФСР и Союза ССР в целом. Интересную картину давали, например, сопоставительные данные обеспечения техникой одного гектара посевной площади в национальных автономиях Сибири, в целом по Сибири, РСФСР, Казахстану и стране в целом.

Эти сравнения позволили сделать определенные выводы не только по вопросам развития той или иной автономии, но и в целом решения проблемы села, учета национальных особенностей, влияния на ход всей сельской жизни личных амбиций руководителей различных рангов, приоритетов партии и правительства в решении проблем хозяйственной, политической, культурной, общественной жизни советского общества вообще, сельского населения в частности.

Важными источниками конкретного материала стали честная и центральная пресса, статистические сборники, труды ученых, диссертационные работы, сборники материалов научных конференций, симпозиумов, «круглых столов», выступления руководителей КПСС и Советского государства.

* До 1991 г архивы как на местах, так и в центре подразделялись на партийные, где сосредоточивались документы партийных организаций, и государственные, в которых хранилась документация государственных и хозяйственных организаций и органов, общественных объединений и союзов.

Немаловажное значение для более глубокого изучения непосредственной жизни села имели опубликованные на страницах местной периодической печати выступления руководителей колхозов и совхозов, бригадиров и звеньевых ферм, бригад, гуртов, отар, а также интервью и беседы с рядовыми тружениками-механизаторами, чабанами, полеводцами, доярками, скотниками и пастухами. Эти материалы отличаются непосредственностью изложения мыслей, тонкостью и доскональным знанием своего труда.

Наряду с материалами общественно-политической, хозяйственной направленности автор использовал материалы конкретно-социологических исследований, в частности, Всесоюзных переписей населения, материалов социологических исследований по селам Западной Сибири, содержащихся в трудах коллектива ученых Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР.

Вместе с тем при всей широте и объемности источниковой базы она имеет ряд недостатков. Выявленные источники имеют пробелы по многим вопросам. По ним нелегко проследить динамику валовой и товарной продукции, урожайности, продуктивности скота, численности работников и т. д. Имеющиеся документы и материалы недостаточно освещают экономическую эффективность сельскохозяйственного производства того или иного колхоза, совхоза, района, области, республики; источники и формы пополнения кадров, их состав; культурный и материальный уровни жизни селян; помощь государства колхозам и совхозам.

Многие источники содержат разные количественные показатели при характеристике тождественных процессов. Например, статистические сборники развития народного хозяйства различных автономий дают труднораспознаваемые данные по фондо- и энерговооруженности колхозов и совхозов. Более того, используются разные методики определения тех или других показателей даже одной республики по годам и пятилеткам особенно. Имеют место неодинаковые сроки представления сведений, последующих уточнений и т. д., что значительно усложняет сам процесс исследования.

Все это дает основание автору, представляя данную монографию на суд общественности и учитывая атмосферу демократии и гласности, в которой живет современное общество, а также концептуальную сложность исследования вообще, связанную с полным переосмыслением происходящих событий, в частности роли КПСС, ценностей социализма, а также многоплановость рассматриваемой проблемы

исследования, напомнить читателям о подвижности понимания истории, о том, что оно может углубляться и развиваться в ходе дальнейших исследований, а также о своем, как и всех пишущих, праве, в силу различных причин, на недостаточно полное, неточное или устаревшее обобщение, оценку, характеристику того или другого события, явления или факта.

¹ Гущин Н. Я. Сельскохозяйственное производство Сибири. 60-е—середина 80-х годов (Динамика, тенденции, пути интенсификации)//Социально-экономическое развитие сибирской деревни (1965—1985 гг.). Новосибирск, 1987 С. 3.

² Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Статист. ежегодник. М., 1986. С. 181, 189, 192, 193, 195, 197.

³ Там же.

⁴ Народное хозяйство Бурятской АССР в десятой пятилетке: Стат. сб. Улан-Удэ, 1981. С. 86; Правда Бурятии. 1986. 18 янв; Народное хозяйство Тувинской АССР: Стат. сб. Кызыл, 1971. С. 130; Народное хозяйство Тувинской АССР в одиннадцатой пятилетке: Стат. сб. Кызыл, 1986 С. 84; Горно-Алтайской автономной области 60 лет: Стат. сб. Горно-Алтайск, 1982. С. 33; Звезда Алтая. 1986. 22 янв.

⁵ Материалы XXVII съезда КПСС. 1986. С. 4.

⁶ См. История Сибири. Л., 1969. Т. 5; История Тувы. М., 1964. Т. 2; Очерки истории Горно-Алтайской областной организации КПСС Горно-Алтайск, 1971; Якутская АССР в условиях развитого социализма Якутск, 1982; Очерки Бурятской АССР периода развитого социализма. Новосибирск, 1983, Очерки истории Читинской областной организации КПСС. Иркутск, 1986 и др.

⁷ Социально-экономическое развитие сибирского села Новосибирск Наука, 1987; Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960—1980-е гг. Новосибирск: Наука, 1991.

⁸ Истомин В. Г. Общественно-политическая жизнь крестьянства Сибири (1959—1975 гг.). Красноярск. 1991.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 454, 455.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42 С. 114—115.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 1—120; т. 45. С. 369—377, 389—406.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И КАДРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛА

ИЗМЕНЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА И СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОМ СОСТАВЕ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ

Система сельского хозяйства национальных районов Сибири сложилась в результате длительного и сложного процесса осуществления аграрных преобразований деревни. На начало рассматриваемого периода структурно сельское хозяйство сибирских автономий было представлено в основном колхозами и совхозами. Индивидуальные (приусадебные) и другие формы хозяйств (учхозы, подсобные хозяйства, испытательные станции и т. д.) играли вспомогательную роль.

Колхозы были преобладающей формой организации сельскохозяйственного производства. Так, в Бурятской АССР в 1960 г. имелось 126 колхозов и 22 совхоза; в Якутской АССР — 150 колхозов и 7 совхозов; всего 7 совхозов было в Тувинской АССР¹. Колхозной преимущественно была структура сельского хозяйства в других автономиях. Впрочем, колхозной она была по всему Сибирскому региону и РСФСР в целом.

Сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС, рассмотревший вопрос «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства», впервые за послевоенные годы оценил развитие сельскохозяйственного производства страны как неудовлетворительное, неспособное полностью обеспечить возросшие потребности населения в продуктах питания, а промышленность — сырьем. Однако принятые меры, разработанные на базе отживших уже, не затрагивающих такие важнейшие, десятилетиями господствующие установки, как форма собственности, взаимоотношение классов, роль партии, заинтересованность крестьянства в результатах своего труда и т. п., не дали ожидаемого результата. Не приносили желаемого

и многочисленные после пленума собрания, совещания, съезды Всесоюзного, республиканского, зонального и местного значения. Не выполнила стоявших перед нею задач проведенная реорганизация машинно-тракторных станций (МТС) и продажа* техники в собственное владение колхозам.

Полученные от МТС тракторы, комбайны и другая техника в колхозах из-за отсутствия собственной ремонтной базы, ненадежного обеспечения колхозов запасными деталями и узлами, низкого уровня подготовки колхозных механизаторов, отсутствия в колхозах инженерно-технических работников использовались малоэффективно, значительно выросла себестоимость сельскохозяйственной продукции, что не способствовало повышению уровня жизни работников села. Не оказывали необходимой помощи развитию аграрного сектора искусственно сдерживавшиеся теоретические исследования по проблемам села**. Теория оставляла в стороне вопросы о формах собственности, их развитии и соотношении, об оплате труда на селе, об оптимальных размерах сельскохозяйственных предприятий и т. д.

Из-за ряда обстоятельств объективного, а чаще субъективного порядка научные выводы отечественных ученых-аграрников отбрасывались, даже выводы В. И. Ленина по вопросам села использовались не всегда и не в полном объеме. Было «забыто», например, его положение о том, что о размерах хозяйства количество земли не дает никакого представления, если земля не обрабатывается³. Но была взята на вооружение установка И. В. Сталина о возможности и целесообразности организации крупных зерновых фабрик в 40—50 тыс. га и возможности их удовлетворяться минимальной прибылью, а иногда обходиться и без всякой прибыли⁴. Одним из основных направлений выхода из создавшегося положения стало укрупнение колхозов.

Само объединение колхозов расценивалось как мера по подъему их экономики и путь более легкого и понятного выхода из трудностей. Если на начало 1960 г. в Российской Федерации насчитывалось 20,8 тыс. колхозов, имевших в среднем по 6,4 тыс. га земли общественного пользования⁵, то в 1985 г. было 12,1 тыс. колхозов (без рыболовецких), имевших в среднем по 11,5 тыс. га земли⁶. Процесс укрупнения колхозов проходил и в национальных автономиях

* До реорганизации МТС в 1958 г. колхозам не разрешалось иметь свою сельскохозяйственную технику.

** См.: Дудинцев В. Белые одежды. М., 1989.

Сибири. В начале рассматриваемого периода на один колхоз Бурятской АССР приходилось в среднем 12,3 тыс. га земли всех сельскохозяйственных угодий, 1470 голов крупного рогатого скота, 7500 овец⁷. В 1985 г. на один колхоз приходилось в среднем 14 тыс. га земли, 8200 голов крупного рогатого скота, 25200 голов овец⁸. В Горно-Алтайской автономной области соответственно на один колхоз пахотной земли было 800 и 1600 га, 1018 и 2000 голов крупного рогатого скота, 8908 и 24300 голов овец и коз⁹.

Одновременно с укрупнением колхозов в национальных автономиях шло их массовое преобразование в совхозы. Большую роль в этом процессе играла содержащаяся в официальных документах партии и Советского правительства идея о сближении форм собственности и создании впоследствии единой коммунистической собственности. Мысль о том, что «...дальнейшее движение к коммунизму пойдет путем развития и совершенствования обеих форм социалистического хозяйства — колхозов и совхозов»¹⁰, часто перечеркивалась другими решениями партии и Советского правительства. Так, в Конституции СССР, принятой в 1977 г., было записано, что «...государство содействует развитию колхозно-кооперативной собственности», но здесь же отмечалось и «ее сближение с государственной»¹¹, а в решениях июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС говорилось: «Перспективу мы видим в слиянии этих двух форм в единую, общенародную»¹².

Все это, вместе с укоренившейся в народе верой в партию, ее возможности каким-нибудь одним мероприятием разрешить имеющиеся трудности и безальтернативным восприятием коммунистического будущего, подталкивало местные органы власти на проведение процессов преобразования колхозов в совхозы.

Правда, темпы этих преобразований были различными. Они не зависели от статуса автономии. Полностью все колхозы были преобразованы в совхозы в Якутской и Тувинской АССР, однако в Бурятской АССР колхозы существовали вплоть до 90-х гг. В совхозы были преобразованы все колхозы в Хакаской автономной области, но они остались в Горно-Алтайской автономной области, по-разному решалась эта проблема в Усть-Ордынском и Агинском автономных округах.

Процесс преобразования колхозов в совхозы разнился и по времени проведения. В Хакасии оставшиеся после преобразований в 50-е гг. колхозы были переведены в сов-

хозы в ходе восьмой пятилетки (1966—1970 гг.), в Якутии — в девятой пятилетке (1971—1975 гг.), в Туве — в десятой (1976—1980 гг.). В Горном Алтае, количественно значительно сократившись в годы восьмой пятилетки, число колхозов оставалось стабильным в последующие годы. В Бурятии, резко уменьшившись в годы восьмой и девятой пятилеток, число колхозов не только стабилизировалось, но к 1986 г. несколько возросло.

Анализ документов, приведенные данные позволяют сделать вывод, что какой-то директивы из центральных партийных и государственных органов о сроках и размерах преобразований колхозов в совхозы не существовало, а рекомендации партии и правительства предполагали значительную самостоятельность местных органов власти в решении этих вопросов.

Разнообразными были аргументы местных властей в проведении преобразований. Перевод колхозов в совхозы мотивировался потребностями упорядочения землепользования, углубления специализации сельскохозяйственного производства, повышения его товарности и концентрации. Целесообразность перестройки, с точки зрения местного руководства, состояла также в организационно-управленческих соображениях. Считалось, что иметь дело с единой формой хозяйствования проще. Именно этот аргумент был решающим, например, при принятии 4 декабря 1970 г. Хакасским областным Советом депутатов трудящихся решения об организации новых совхозов на базе последних 9 колхозов¹³.

Влияло на ход преобразования колхозов в совхозы и стремление местных властей быстрее поднять уровень жизни сельских тружеников, обеспечить их правами, которые имел рабочий класс: гарантированная оплата труда, бюллетени, отпуск и другие социальные льготы. В то время в совхозах по сравнению с колхозами больше средств отпускалось на строительство жилья, центров культурно-бытового назначения. Так, преобразование последних 15 колхозов в совхозы в Якутской АССР в 1974 г. позволило 8,8 тыс. человек, в основном коренной национальности, ранее работавшим в них, пользоваться льготами, которые были у рабочих (в том числе совхозов) этой республики. Преобразование колхозов в совхозы, при одних и тех же результатах труда, только за счет льгот для рабочего класса позволило повысить оплату труда бывшим колхозникам со 146 до 212 руб. в месяц¹⁴. Нередко процесс преобразования колхозов в совхо-

зы использовался как выход из имевшихся финансовых трудностей. Например, в Хакасской автономной области в процессе перестройки для производства расчетов с колхозниками была использована полученная по этому поводу государственная ссуда в 227 млн руб.¹⁵

В Бурятской АССР преобразование колхозов в совхозы в ряде районов было связано со строительством Байкало-Амурской магистрали (БАМа). В связи со строительством резко возросла численность населения в районах пролегания магистрали, увеличился спрос на продукты питания. Слабые в экономическом отношении колхозы Северо-Байкальского и Баунтовского районов Бурятии, по которым проходила БАМ, даже при поддержке всей республики не могли сколько-нибудь существенно расширить производство сельскохозяйственной продукции. Выход был найден в преобразовании колхозов в совхозы и получении в связи с этим крупных государственных дотаций, что в известной степени помогло решить проблему увеличения продукции сельского хозяйства.

Однако оценка преобразования колхозов в совхозы как явления однозначно положительного едва ли справедлива. Конечно, в ряде районов оно способствовало более быстрому выравниванию и повышению социально-экономического уровня развития коренного населения, в массе своей проживавшего в сельской местности, открывало более широкие возможности замкнутым в узкие рамки артельного хозяйства колхозникам в получении техники, специалистов, электроэнергии от государства. Особенно наглядно это проявилось в Тувинской АССР, народ которой только в 1944 г. вошел в состав СССР. Вместе с тем, приведенные факты с достаточной убедительностью говорят о том, что местные органы власти нередко использовали перевод колхозов в совхозы как наиболее легкий (за счет государства) путь решения проблем сельскохозяйственного производства*.

* Следует иметь в виду, что в рассматриваемые годы вопрос структуры сельскохозяйственных предприятий стоял только в одной плоскости: колхоз—совхоз. В то время сама мысль об образовании фермерских или иных форм хозяйства, отрицающих общественную собственность на средства производства, считалась недопустимой. Произведения зарубежных исследователей советского сельского хозяйства не только крайне правого, как тогда называли, реакционного крыла (Пайпс Р., Шапиро Л., Майснер Б., Фишер Д.), но и умеренно-консервативного (Ноув А., Левин М., Миллар Дж., Джонсон Д., Харрисон М., Конолли В.), а также либерального направления (Карр Э., Дейвис Р., Кингстон-Манн Э., Эткинсон Д., Сноу Р. и др.) считались фальсификаторскими, преследующими одну задачу — опорочить Советский Союз, его народ, партию, всю систему социализма,

Массовое преобразование колхозов в совхозы привело к интенсивным классовым сдвигам. Причем процесс снижения доли колхозного крестьянства в автономиях Сибири происходил более быстрыми темпами, чем в РСФСР в целом. Из-за того, что коренное население в основном проживало в сельской местности, преобразование колхозов в совхозы затронуло прежде всего его. Например, в социально-классовой структуре алтайцев колхозники к началу 80-х гг. составляли только 27%, бурятов — 17%, тувинцев — 1%¹⁶.

Увеличение количества совхозов не только не решило, но даже усложнило проблему занятости в общественном производстве большой массы людей, проживавших на селе, что было связано с укрупнением хозяйств, сселением жителей в крупные населенные пункты и проведением в жизнь так называемой идеи неперспективных сел.

Из-за неразвитой системы детских учреждений, отсутствия на новом месте жительства работы по специальности, вообще работы вблизи жилья, нерешенности проблем профессиональной подготовки и отсутствия возможности переквалифицироваться и ряда других причин оставались не привлеченными к общественному производству (оно тогда было единственным на селе) большое количество трудоспособных селян. Например, в начале 70-х гг. в Якутской АССР удельный вес занятого в различных видах производства населения составлял 49,7%, в то время как занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве было 41,8%; в Туве соответственно 45,3% и 45,9%; в Хакасии — 46,3% и 40,3%; в Горном Алтае — 43,3% и 43,9%. В бурятском селе в то время не занятых в общественном производстве людей трудоспособного возраста было 11597 человек, из них 10769 женщин¹⁷.

Создавшаяся обстановка привела в ряде национальных автономий Сибири к сокращению населения, проживавшего на селе. Только за 20 лет (1965—1985 гг.) сельское население Бурятии сократилось с 437 тыс. человек до 385 тыс., в Горном Алтае с 135 тыс. человек до 127 тыс., в Хакасии с 184 тыс. человек до 150 тыс., в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе со 127 тыс. до 105 тыс. человек. В Туве и Якутии численность сельского населения за эти же годы несколько возросла. В Агинском Бурятском автономном округе она осталась на прежнем уровне¹⁸.

Но если в целом в количественном составе сельского населения в рассматриваемые годы имели место значитель-

ные изменения в сторону сокращения, то в структуре коренного населения удельный вес группы занятых в сельском хозяйстве во всех без исключения автономиях увеличивался. В Горном Алтае, например, удельный вес работавших в сельскохозяйственной отрасли алтайцев составлял в 1979 г. 67,8%, а русских (и других русскоязычных) — был вдвое меньше. Кроме того, доля алтайцев в сельскохозяйственной отрасли в 1,5 раза была выше, чем в других отраслях на селе, что объяснялось тем, что сельское хозяйство было традиционным занятием коренного населения¹⁹.

Наряду с реорганизацией по линии колхоз—совхоз шло изменение и стабилизация параметров самих хозяйств. Так, число колхозных дворов в среднем в одном хозяйстве Бурятской АССР с 305 в 1960 г. увеличилось до 360 в 1965 г., затем уменьшилось до 351 в 1970 г., потом снова возросло до 376 в 1980 г., после чего оставалось относительно стабильным. Соответственно с этим менялась и численность колхозников в одном хозяйстве. Например, в 1960 г. она составляла в этой республике 440 человек, в 1975 г. — 435, в 1980 г. — 463 человека, т. е. колебания были, но незначительные. Совхозы же претерпевали в этом плане интенсивную перестройку. За счет их укрупнения, затем разукрупнения среднесписочный состав совхозов значительно менялся. В той же Бурятии в 1960 г. в среднем на один совхоз приходилось 950 работников, занятых во всех отраслях хозяйства совхоза, в 1970 г. — 581, в 1980 г. — 485 человек²⁰. В последующие годы положение с кадрами рабочих оставалось стабильным. В Тувинской АССР последние колхозы были преобразованы в совхозы в 1977 г. Численный состав рабочих совхозов постоянно изменялся. В 1960 г. в среднем в одном совхозе трудилось 550 человек, в 1965 г. — 835 человек, в 1985 г. — 500 человек²¹. Аналогичные изменения имели место в совхозах других автономий Сибири. Такие же показатели имелись по Российской Федерации в целом. В 1960 г. в среднем по РСФСР на один совхоз приходилось 766 человек, в 1970 г. — 573, в 1980 г. — 500, в 1986 г. — 470 человек²².

Приведенные данные об изменении количества занятых в совхозах рабочих, идентичность их данным по РСФСР в целом подтверждают сделанный ранее вывод о том, что какого-либо научно обоснованного подхода к решению этого вопроса не было. Его решение было переадресовано местным органам власти, которые в силу различных причин, часто субъективных (желание быть «не хуже» других), не-

редко пренебрегали исторически сложившимися традициями местного населения, не учитывали рельефа местности (горы, долины), развитости инфраструктуры (дороги, связь, расстояния), плотности проживания населения, направления сельскохозяйственного производства (отгонное животноводство, круглогодичная пастьба животных), произвольно сселяли людей, что не только не способствовало развитию сельскохозяйственного производства, но сдерживало его, приводило к неэффективной трате огромных средств, выделявшихся государством в рассматриваемые годы на нужды села.

Перестроечные процессы касались не только колхозов и совхозов. Они захватили районный уровень. Например, в Горно-Алтайской автономной области еще в 1956 г. был упразднен Чойский, а в 1964 г. Элекманарский район*. Особенно интенсивно перестройка района началась после ноябрьского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС, рассмотревшего вопрос о развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народным хозяйством и признавшего целесообразным иметь производственные колхозно-совхозные управления, образованные на основе укрупненных сельских районов²³.

Согласно этому решению, например, в Тувинской АССР были созданы Кызылское (в дальнейшем переименованное в Тандинское) и Чаданское колхозно-совхозные управления. Несколько позднее в Туве было образовано Тес-Хемское территориально-производственное колхозно-совхозное управление. Одновременно в республике вместо упраздненных Министерства сельского хозяйства, Управления заготовок и Треста совхозов было создано Министерство производства и заготовок сельхозпродуктов²⁴.

В Бурятской АССР в ходе этой перестройки вначале были созданы четыре территориально-производственных колхозно-совхозных управления по руководству сельскохозяйственным производством, но в декабре 1962 г. стало уже восемь (Улан-Удэнское (сельское), Мухоршибирское, Кяхтинское, Джидинское, Хоринское, Кабанское, Тункинское и Баргузинское) производственных управлений. В Бурятии, как и в других автономиях, был упразднен ряд старых управлений, министерств и трестов. Было образовано новое Министерство производства и заготовок сельскохозяйствен-

* В настоящее время эти районы восстановлены. Центр Элекманарского района перенесен в с. Чемал.

ных продуктов²⁵. Аналогичные этим изменения имели место в других автономиях Сибири.

Так же по команде сверху, как и в 1962 г., в соответствии с требованиями ноябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, рассмотревшего вопрос «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций», было восстановлено прежнее районное деление. Так, в Горно-Алтайской автономной области были восстановлены Усть-Коксинский и Шебалинский районы. Турочакский и Улаганский горные районы были преобразованы в обычные районы. В дальнейшем был восстановлен Чойский район, а вместо Эликманарского образован Чемальский²⁶. Вернулись к прежнему территориальному делению другие национальные автономии Сибири. Район был восстановлен повсеместно как основная административно-производственная единица, воссозданы районные партийные, советские, профсоюзные, комсомольские, хозяйственные органы на селе.

Однако перестройка управления сельскохозяйственным производством не ограничилась только организационными мероприятиями. На протяжении всех рассматриваемых лет вносились значительные изменения в производственный процесс. Повсеместно проводилась специализация и концентрация колхозно-совхозного производства, внедрялись достижения сельскохозяйственной науки и передовой опыт. Решались вопросы специализации в Бурятской АССР. С позиций специализации рассматривались и решались вопросы развития молочного животноводства, овцеводства и птицеводства, совершенствования селекционно-племенной работы, развития семеноводства сельскохозяйственных культур и трав, создания агропромышленных комплексов и спецхозов. Принятые по этим проблемам решения становились основой текущих хозяйственных планов, всей повседневной работы партийных организаций, Советов и сельскохозяйственных органов²⁷.

Постоянное внимание вопросам специализации сельскохозяйственного производства уделяли партийные, советские, хозяйственные органы Хакасской автономной области, что, безусловно, наряду с другими мерами, в том числе и перестроечными, привело к росту в Хакасии производства мяса. В 1960 г. его было произведено 15,9 тыс. т; в 1970 г. — 23,6 тыс. т; в 1980 г. — 28,9 тыс. т; в 1985 г. — 39,5 тыс. т²⁸. Наиболее устойчивое и рентабельное хозяйство этой области, одним из первых ставшее на путь специализации, племенной завод «Бородинский» только за годы восьмой пятилетки

Таблица 1

Влияние концентрации производства молока на экономические показатели скотоводства в Хакасии в 1968 г.

Показатели	Группы совхозов по производству молока			
	до 10000 ц	10000— 20000 ц	20000— 30000 ц	свыше 30000 ц
Количество совхозов	6	17	13	2
Производство молока на 100 га с.-х. угодий	18,4	34,6	53,0	137,6
Затраты труда на 1 ц молока (чел.-дней)	1,63	1,65	1,60	1,49
Себестоимость 1 ц молока (руб.)	28,78	26,99	23,71	23,95
В т. ч. зарплата (руб.)	7,36	7,10	6,97	6,83
Затрата кормов на производство 1 ц молока	14,28	13,82	11,32	11,25

(1966—1970 гг.) получил чистой прибыли 9 млн рублей. Производительность труда в этом хозяйстве в конце 1970 г. по сравнению с 1965 г. возросла на 49%²⁹.

Внедряя специализацию, партийные, хозяйственные органы Хакасии учитывали как экономические условия, так и трудовые навыки населения. Так, вводя в степной зоне интенсивное овцеводство, брали во внимание трудовые навыки потомственных чабанов, естественные пастбища, наличие кормового баланса с высоким удельным весом пастбищных культур (кормов), что способствовало более высокой экономической эффективности производства продукции овцеводства в сравнении с другими животноводческими отраслями.

Наряду с овцеводством важной составной частью животноводства Хакасии являлось молочно-мясное направление. Например, на начало 1969 г. крупный рогатый скот имелся в 37 совхозах. На его долю приходилось 37% валовой и 43,3% товарной продукции животноводства. Причем 19 хозяйств были специализированы на разведении крупного рогатого скота. В них было сосредоточено 78,7% поголовья. Наличие специализированных молочных ферм позволяло хозяйствам производить молочную продукцию с меньшей себестоимостью, получать больше молока на 100 га сельхозугодий, о чем свидетельствует табл. 1³⁰.

Данные табл. 1 наглядно показывают преимущества концентрации крупного рогатого скота. В хозяйствах с более

высокой концентрацией животных — меньше затраты труда и кормов на производство центнера продукции, ниже ее себестоимость.

Колхозы и совхозы национальных автономий Сибири, проводя работу по специализации и концентрации сельскохозяйственного производства, учитывали территориальные и природно-климатические особенности, с которыми приходилось постоянно сталкиваться труженикам села. Так, в Якутской АССР, принимая во внимание огромную территорию хозяйств и районов, экстенсивный характер кормопроизводства, стала распространяться как основная внутривоспроизводственная специализация, при которой лучше учитывались потребности самого села в продуктах питания, эффективнее использовались трудовые ресурсы хозяйства.

Внутрихозяйственная специализация в той или иной степени была внедрена во всех хозяйствах республики. Были созданы специализированные отделения, бригады, звенья по выращиванию скота на мясо, производству молока, летнему нагулу и откорму молодняка. Была проведена концентрация крупного рогатого скота. Если в 1959 г. на одном скотном дворе содержалось в среднем 98 голов, то в 1972 г. их было уже 172³¹.

В результате специализации доля местного производства сельскохозяйственных продуктов в общем объеме потребления за рассматриваемый период практически с нуля выросла по картофелю до 79%, овощам — до 77%. Большой вклад в увеличение производства картофеля внесло специализированное звено картофелевода И. К. Котруса из совхоза «Якутский». В 1975 г. его звено в составе 8 человек с площади 128 га собрало на круг по 210 ц и сдало государству 2013 т картофеля, что составило добрую половину всего выращенного в том году в республике картофеля³².

Углубление специализации рождало новые ее формы. Так, в поисках путей создания прочной кормовой базы для общественного поголовья скота 7 хозяйств Усть-Ордынского Бурятского автономного округа вошли в кооперацию по производству кормов и семян многолетних трав, созданную на базе совхоза «Иркутский» республиканского объединения «Цветы», что позволило уже в первые годы работы этого объединения полностью обеспечить входившие в него хозяйства первосортными семенами многолетних трав.

Межхозяйственная специализация распространилась и на скотоводство. Так, в феврале 1976 г. на базе совхоза «Люрский» Усть-Ордынского Бурятского автономного окру-

га было создано межхозяйственное районное объединение по откорму и доращиванию молодняка крупного рогатого скота. Важно заметить, что из многообразия форм межхозяйственной кооперации в данном случае была выбрана элементарная форма, получившая название «колхозы и совхозы, выполняющие производственные функции межхозяйственных предприятий». Отношения между членами кооперации строились на началах купли и продажи, т. е. товарно-денежных отношений.

С самого начала объединение взяло хороший старт. В 1976 г. им было произведено 10013 ц говядины, в 1977 г. — 15356 ц, в 1978 г. — 14412 ц. Сдаточный вес животных вырос с 376 кг в 1971—1975 гг. до 409 кг в 1977 г. и 423 кг в 1978 г., сократился расход кормов на центнер привеса³³. Высокой эффективности в годы десятой (1975—1980 гг.) и одиннадцатой (1981—1986 гг.) пятилеток добились свинокомплексы Бурятской АССР. Например, в свинокомплексе «Южный» по сравнению со свинофермами, не входившими в этот комплекс, среднесуточный привес свиней был выше на 50 г на голову, расход кормов на центнер привеса ниже на 3,9 ц, затраты труда на производство 1 ц привеса сократились в 8 раз, себестоимость 1 ц привеса снизилась почти в 2 раза³⁴.

Важным шагом в вопросах совершенствования руководства сельскохозяйственным производством явился переход на цеховую систему управления. Одним из первых в Забайкалье на новую форму организации и управления перешел колхоз им. XXII партсъезда Агинского Бурятского автономного округа, где до 1971 г. оно было традиционным и строилось по территориальному принципу. Главной фигурой в руководстве сельскохозяйственным производством был бригадир. Именно он концентрировал в своих руках технику, материальные и трудовые ресурсы. В этих условиях специалисты колхоза в лучшем случае выступали в роли консультантов, их участие в управлении производством было явно неэффективным.

Цеховая структура управления колхозным производством строго определила служебные обязанности каждого специалиста и каждого колхозника. Все 700 трудоспособных колхозников были распределены по цехам. В овцеводстве было занято 292 человека, в растениеводстве — 204, механизации и электрификации — 100, скотоводстве — 58, в цехе услуг — 37. На время важнейших сельскохозяйственных кампаний допускались переброски людей на решающие участки. Спе-

циалисты колхоза, возглавив производственные цехи, получили возможность эффективнее использовать свои знания, передовой опыт³⁵.

Так, в полеводстве стали широко использовать опыт работы колхозного ученого из Курганской области Т. С. Мальцева, приемы и методы выращивания зерновых, разработанные академиком А. И. Бараевым, для хозяйств засушливых районов Северного Казахстана, Западной Сибири и Алтая. Это дало свои положительные результаты: в 1971 г. с площади 1243 га валовой сбор зерна составил 9987 ц при средней урожайности 8 ц с га, внедрение новых методов привело к повышению сбора зерновых, росту урожайности, и в 1972 г. она составила 9,71 ц, в 1973 г. — 15,11 ц, в 1974 г. — 20,1 ц, в 1975 г. (засушливом) — 14 ц. Среднегодовая урожайность за пятилетие составила 13,5 ц с га. Было подсчитано, что производительность труда тракторного парка при новой структуре управления повысилась на 30%, себестоимость центнера зерна снизилась в 1975 г. по сравнению с 1970 г. до 6 руб. против 29 руб. 85 коп. Возросли денежные доходы от животноводства³⁶.

В начале 1975 г. цеховая система управления была внедрена в совхозе «Сунтарский» Якутской АССР. До этого в совхозе существовал обычный (отделенческий) принцип управления. В 1975 г. вместо трех многоотраслевых отделений было организовано по отраслевому принципу 4 цеха. Основными производящими подразделениями совхоза стали цехи животноводства и растениеводства. Так, цех животноводства в своем составе имел 7 бригад, которым были поручены дойное стадо и товарный молодняк. Начальником цеха являлся главный зоотехник совхоза. Главный ветврач был заместителем начальника цеха.

Цех растениеводства состоял из трех транспортно-тракторных и картофелеводческой бригад. Возглавил цех растениеводства главный агроном совхоза. Цех занимался заготовкой, доставкой и подготовкой кормов, производством и сдачей государству овощей и картофеля.

Подразделениями цеха механизации и электрификации являлись ремонтные мастерские, гараж, служба электрификации и технического обслуживания механизмов. Под руководством главного инженера совхоза работали инженер-механик, энергетик и др. Цех строительства занимался капитальным ремонтом и строительством. В своем составе он имел бригаду плотников, бригаду каменщиков и т. д.

Год работы по-новому позволил совхозу справиться со всеми государственными заданиями и улучшить экономические показатели по сравнению с 1974 г. Себестоимость центнера молока снизилась на 13%, говядины — на 16%, картофеля — на 11%, сена — на 7,7%, эталонного гектара тракторных работ — на 16%. При этом объемы прироста продукции и снижения себестоимости почти по всем основным видам продукции и труда превосходили соответственно показатели других совхозов района³⁷. Тем не менее прогрессивная форма управления не получила широкого распространения. В Якутии, как и в других автономиях Сибири, годами сложившиеся формы управления оказались живучими. Опыт совхоза «Сунтарский» и колхоза «Рассвет» остался хорошим, но не нашедшим распространения примером.

Однако планирование развития сельскохозяйственного производства осуществлялось сверху, оно опиралось на опыт и результаты работы именно передовых, лучших хозяйств, добившихся в силу тех или других причин высоких показателей. Так, например, в начале изучаемого периода, на годы семилетки (1959—1965 гг.) в Якутии планировалось производство мяса (в убойном весе) увеличить в 2 раза, молока — в 2,1 раза, вдвое увеличить производство овощей и картофеля. Бурятия получила задание по росту производства в целом в 1,7 раза; мяса — в 2,2; молока — в 1,4; шерсти — в 2,5 раза. В полтора—два раза и больше предполагалось расширить сельскохозяйственное производство и в других национальных автономиях. Прирост валовой продукции планировался в размере не менее 8% в год³⁸.

Намеченные без учета реальных возможностей планы развития сельскохозяйственного производства национальных автономий не были выполнены. Правда, по отдельным отраслям национальные автономии Сибири выглядели лучше по сравнению с Российской Федерацией, но в целом сельское хозяйство находилось в тяжелом положении. Страна была вынуждена с каждым годом все больше тратить средств на закупку зерна и другой сельскохозяйственной продукции за рубежом.

Создавшееся положение заставило Центральный Комитет партии и Советское правительство обратить внимание на положение дел на селе. Насколько серьезным было положение, можно судить по повестке проведенного в марте 1965 г. Пленума ЦК КПСС, рассмотревшего вопрос «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР». Партия вынуждена была пойти на перераспре-

деление бюджета страны и резкое увеличение капиталовложений в сельскохозяйственное производство. Так, за 1966—1970 гг. в сельское хозяйство Бурятии было вложено 161,5 млн рублей, Якутии — 171,7 млн рублей, что составило в 2,1 и 2,2 раза больше, чем в предыдущем пятилетии³⁹.

Вместе с ростом капитальных вложений значительно увеличились поставки техники, минеральных удобрений и гербицидов. Были развернуты мелиоративные работы, усиливались меры по защите почв от ветровой и водной эрозии. Отмеченные мероприятия принесли ощутимые результаты. Планы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.) были в основном выполнены. В Туве среднегодовая валовая продукция села по сравнению с седьмой пятилеткой увеличилась на 24%, в Бурятии — на 22%, Хакасии — на 19%, в Горном Алтае — на 12%, Якутии — на 10%⁴⁰.

Были предприняты первые шаги по переходу села на интенсивные пути развития. Стали более широко использоваться экономические стимулы. Расширились права колхозов и совхозов. Более активно начали внедряться хозрасчетные отношения.

Впервые элементы хозрасчетных отношений в национальных автономиях Сибири начали внедрять у себя овцеводы Бурятской АССР и Агинского Бурятского автономного округа. По их примеру в 1961 г. были созданы первые 22 хозрасчетные чабанские бригады в Туве. К концу 1962 г. в Тувинской АССР имелось уже более 120 таких бригад. Их организации предшествовала поездка большой группы чабанов, специалистов, руководителей хозяйств, партийных работников в Бурятскую АССР для ознакомления с опытом работы в условиях внедрения хозрасчета.

Особенностью работы тувинских овцеводов явилось создание укрупненных хозрасчетных чабанских бригад вместо мелких, удаленных друг от друга, чаще всего семейных трудовых коллективов.

В укрупненных хозрасчетных чабанских бригадах на заготовке кормов стала применяться техника, собственными силами проводился ремонт кошар, лучше организовывался труд и жилищно-бытовые условия. Хороших результатов добилась первая в Туве хозрасчетная, укрупненная овцеводческая бригада колхоза «Таргалыг» под руководством коммуниста Дагба Доржу, трудившаяся в местечке Кара-Дал. 16 чабанов этой бригады в 1965 г. дали колхозу 57 тыс. руб. чистой прибыли. Бригада добивалась не только высоких производственных показателей, но и совершенно изменила

свой быт. В микроцентре «Кара-Дал» членами бригады были построены жилые дома, баня, Красный уголок. Центр был обеспечен электроэнергией. Там была построена новая кошара. Члены бригады собственными силами заготавливали необходимое количество сена⁴¹. Добились заметных трудовых результатов другие хозрасчетные бригады. Именно благодаря их работе в республике за 1960—1965 гг. выросло поголовье овец и коз с 908,4 тыс. до 1052,8 тыс. голов, с 15,7 тыс. до 19,0 тыс. т увеличилось за эти годы производство мяса⁴².

Элементы внутрихозяйственного хозрасчета, проверенные на овцеводческих бригадах, начали распространяться на животноводческие гурты и фермы, стали применяться в земледельческих бригадах и звеньях. В 1985 г. в Тувинской АССР работало 185 таких коллективов, за которыми было закреплено 52,1% всей пашни республики⁴³.

Остро стоял вопрос о хозрасчете в хозяйствах Якутии. Такое положение объясняется низкой рентабельностью сельскохозяйственного производства. Например, в 1968 г. рентабельность составляла всего 6,5%. 12 совхозов республики работали убыточно. В то же время хозрасчетные отношения вводились робко. В 1969 г. только пять совхозов: им. Ленина, «Момский», «Приморский», «Октемский» и им. Ф. Охлопкова — перешли на полный хозрасчет. Создавшееся положение вызывало тревогу у руководства республики. Неоднократно вопросы внедрения хозрасчетных отношений в сельскохозяйственное производство рассматривались на бюро, пленумах, партийных конференциях райкомов и обкома партии. Так, IV пленум Якутского обкома партии, проходивший в феврале 1970 г., потребовал от всех партийных, советских и хозяйственных органов усиления работы по вопросам внедрения внутрихозяйственного расчета во всех хозяйствах республики.

Выполняя это постановление обкома партии, райкомы и первичные партийные организации усилили экономическую учебу, повсеместно стали создаваться специализированные комплексные механизированные звенья по возделыванию зерновых, картофеля, овощей и заготовке кормов, работавшие с использованием элементов хозрасчета.

В 1970 г. 12 таких звеньев обрабатывали 85% площади, занятой картофелем, и собрали 90% от ее валового сбора. На заготовке кормов для общественного поголовья скота трудилось 141 звено комплексной механизации, организовавших свою работу на принципах внутрихозяйственного

хозрасчета. Ими была заготовлена одна треть валового сбора сена. Многие из них заготовили по 130—170 т сена на каждого члена звена, что в 2, а то и в 3 раза превышало средние показатели по республике. Производительность труда механизированных, хозрасчетных звеньев была в 4—5 раз выше, чем при обычной организации труда, а себестоимость заготовки сена в 2 раза ниже.

Перейдя на хозрасчет, результативнее трудились не только отдельные звенья, бригады, участники, а целые хозяйства. В 1974 г. передовой совхоз им. Ленина (Мегино-Кангаласский район), применяя внутрихозяйственный расчет, добился сравнительно высоких производственных показателей. Средний удой на фуражную корову был доведен до 2134 кг. Выросло количество доярок, перешагнувших трехтысячный рубеж. Так, в 1971 г. трехтысячниц было в совхозе 12 человек, в 1972 г. — 33, в 1973 г. — 49, в 1974 г. ими стали 60 доярок. Лучшие из них добивались рекордных показателей. Дояр, Герой Социалистического Труда П. И. Яковлев от каждой закрепленной за ним коровы получил в 1972 г. 4496 кг, в 1973 г. — 5109 кг, в 1974 г. надои составили 5428 кг молока⁴⁴, и это в условиях Якутии, в непосредственной близости от полюса холодов, где морозы в 50 и 60° являются обычными.

Вместе с тем, отмеченные достижения отдельных работников, участков и даже целых колхозов и совхозов были яркими, но все же немногочисленными эпизодами. Принцип уравниловки*, господствовавший в то время, не давал стимулов трудиться лучше. Не было создано гибкой сети расценок по периодам сельскохозяйственных работ. Перевод на полный хозрасчет осуществлялся формально и по указанию сверху. Часто изменялась только форма финансирования, а коренной перестройки организации производства при наличии тотальной централизации не происходило. Причем следует отметить, что такое положение, скорее, было бедой, чем виной местных органов власти. Излишняя централизация, отсутствие самостоятельности в решении вопросов планирования, ценообразования, распоряжения прибылями и т. д. были объективными факторами, тормозившими внедрение новых форм и методов руководства, требовавших самостоятельности в решении важнейших вопросов организации производства, распоряжения собственностью, выборе форм ор-

* Рядом законов регламентировался уровень зарплаты, различные постановления и решения ограничивали размер жилой площади. Общественное мнение было настроено против «богатых».

ганизации, методов работы, направления развития того или другого хозяйства. Эти же причины были тормозом в решении многих вопросов специализации и концентрации производства.

Внедряемые сверху командным путем, в принципе нужные и правильные методы и формы организации производства, не вызывая непосредственного интереса у трудящихся, встречали скрытое сопротивление у руководства, привыкшего думать и трудиться по-старому, не приносили желаемых экономических результатов, но зато вели к раздуванию штатов партийных, советских и хозяйственных органов. Чаше для придания видимости производственной активности параллельно с существовавшими создавались новые органы управления. Например, в Бурятской АССР только в годы девятой пятилетки, наряду с министерством сельского хозяйства, были созданы специализированные объединения «Скотпром», «Семпром», «Птицепром», «Свинопром». Было создано объединение по агрохимическому обслуживанию⁴⁵. Вопросами села, прежде всего производством сельскохозяйственной продукции, наряду с советскими и хозяйственными органами постоянно занимались все партийные организации, предварительно создав в своих структурах дублирующие отделы, комитеты, управления.

Партийные, советские и хозяйственные органы, действуя параллельно, выпускали множество часто противоречащих друг другу инструкций, приказов, деловых писем, приводивших к неразберихе в хозяйственных делах, отвлекающих специалистов колхозов и совхозов на сбор сведений для отчетов, составления справок и сводок. Нередко об этом речь шла пресса, звучали голоса на пленумах и бюро самих партийных органов. Так, в выступлении на VI пленуме Бурятского ОК КПСС в октябре 1975 г. первый секретарь Еравнинского райкома партии Б. М.-Ц. Жамсуев отмечал, что в районе сельскохозяйственным производством руководят три ведомства: колхозами — Министерство сельского хозяйства, 8 совхозами — объединение совхозов, остальными — трест «Скотпром». Этот разнобой, отмечал Жамсуев, вызывает много недоразумений и путаницу⁴⁶. С годами положение дел усугублялось. Появились новые руководящие структуры, увеличивался командный аппарат. Именно об этом говорил в своем выступлении на XXXI областной партийной конференции Бурятии в январе 1981 г. первый секретарь Бичурского райкома партии А. И. Плотников, который, анализируя причины плохой работы трестов и управлений,

увидел их в самой структуре, при которой руководство хозяйствами осуществляли 6 различных трестов и объединений⁴⁷.

Сложность проблемы заключалась в том, что она была характерной не только для Бурятской АССР, но и для других национальных автономий Сибири, для всех районов нашей страны. Неоднократно говорил о недостатках руководства сельскохозяйственным производством России известный публицист-аграрник, лауреат Ленинской премии И. А. Васильев. Так, в книге «С думой о будущем» И. Васильев писал: «...растаскили хозяйства по ведомствам, организовав массу «промов», каждый из которых занимался только свиньями, только курами, только картошкой...»⁴⁸.

С критикой стиля работы «промов» можно согласиться, однако приведенные выше данные о более дешевом и интенсивном производстве сельскохозяйственной продукции в ряде специализированных хозяйств национальных автономий, а также мировой опыт специализированного производства не подтверждают справедливость нападок на тресты и «промы». Без них сколько-нибудь крупная межхозяйственная специализация и концентрация невозможны. По всей видимости, правильным будет сказать, что беда не в трестах и «промах», а в тех функциях и правах, которые им давало государство. Нельзя, конечно, не видеть в таком положении и вины местных партийных и советских органов, прежде всего районных, окружных, областных и республиканских, не сумевших объединить силы «промов» и трестов, скоординировать их работу.

Между тем трудности в производстве сельскохозяйственной продукции, жизни села в целом по стране продолжали нарастать. Очередные постановления Центрального Комитета партии, Советского правительства уже не могли спасти страну от надвигающегося кризиса. На XXVI съезде партии (1981 г.) было открыто заявлено о трудностях со снабжением населения страны продовольствием, однако выход из создавшегося положения был найден традиционный. XXVI съезд КПСС выдвинул идею разработки специальной, долгосрочной Продовольственной программы⁴⁹.

Принятая в начале одиннадцатой пятилетки (1982 г.) Продовольственная программа, совершенно не затрагивала базисных параметров сельскохозяйственного производства, потребовала дальнейшего развития межхозяйственной кооперации, углубления агропромышленной интеграции. Нача-

лась очередная перестройка управления отраслями АПК (аграрно-промышленного комплекса).

В национальных автономиях Сибири, согласно требованиям Продовольственной программы, были образованы агропромышленные комплексы, созданы республиканские, областные, окружные, районные агропромышленные объединения (РАПО). Стала больше декларироваться необходимость перехода на полный хозрасчет. В ответ с мест пошли рапорты и оптимистические заверения. Так, выполняя это требование, руководство Якутии объявило, что с января 1983 г. все совхозы этой республики переводятся на полный хозрасчет⁵⁰.

В скотоводстве, коневодстве, мараловодстве и верблюдоводстве национальных автономий стали внедрять новую систему оплаты труда с учетом суммы выручки от реализации продукции⁵¹. В целях повышения материальной заинтересованности тружеников села, в соответствии с решениями майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, осуществлялись мероприятия по повышению оплаты труда работников колхозов и совхозов, а также руководящих работников и специалистов. На работников животноводства совхозов, госхозов и колхозов были распространены порядок и условия выплаты надбавок к заработной плате и дополнительные отпуска за непрерывный стаж работы в данном хозяйстве, предусмотренные ранее только для трактористов-машинистов. Все это приводило к повышению оплаты труда. Например, в Бурятской АССР эти мероприятия позволили повысить доходы тружеников села на 24%⁵².

В целях дальнейшего подъема сельскохозяйственного производства с 1 января 1983 г. были повышены закупочные цены на крупный рогатый скот, свиней, овец, молоко, зерно, сахарную свеклу, картофель, введены надбавки к ценам на продукцию, производимую в худших условиях, в убыточных и низкорентабельных хозяйствах. На колхозы был распространен действовавший для совхозов порядок финансирования за счет государственного бюджета: на жилищное и культурно-бытовое строительство, на уплату страховых платежей. Все это предполагало и действительно способствовало некоторому увеличению выпускаемой продукции в национальных автономиях Сибири (табл. 2)⁵³.

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что введение Продовольственной программы позволило сделать небольшой шаг вперед. Во всех автономиях, кроме Хакаской автономной области, в одиннадцатой пятилетке (1981—

**Динамика валовой продукции сельского хозяйства
национальных автономий Сибири**

Автономии	Среднегодовое производство сельскохозяйственной продукции (млн руб.) по годам в ценах 1973 г.				
	1961— 1965	1966— 1970	1971— 1975	1976— 1980	1981— 1985
Бурятская АССР	249,6	305,6	336,8	322,3	360,3
Тувинская АССР	87,4	109,4	111,2	100,9	100,8
Якутская АССР	135,8	149,6	173,7	195,8	212,6
Горно-Алтайская а. о.	85,3	95,3	106,8	109,8	113,1
Хакасская а. о.	183,5	217,7	241,8	220,0	208,8

1985 гг.) наблюдался прирост сельскохозяйственной продукции. Однако ощутимого увеличения производства сельскохозяйственной продукции достигнуто не было. Причин этому много, в том числе ряд объективных: погодные условия — из пяти лет четыре года в Сибири были засушливыми, увеличившиеся военные расходы, не позволившие государству дать селу планировавшиеся средства, технику, удобрения и т. д. Но решающими, по нашему мнению, были причины субъективные. Приученные за долгие годы ждать команду сверху и развращенные безответственностью (в случае неурожая, стихийного бедствия, засухи — государство поможет) и в то же время связанные по ногам и рукам планами и обязательствами, многие руководители колхозов и совхозов не торопились с внедрением в производство внутрихозяйственной специализации, цеховой системы управления хозяйством, новой формы оплаты труда в зависимости от конечного результата.

Например, в 1983 г. в Якутской АССР из 263 отделений совхозов специализированными были только 66, значительная часть отделений сохраняла многоотраслевую структуру производства⁵⁴. В 1985 г. из 1808 животноводческих подразделений Якутии лишь 51 работало методом коллективного подряда⁵⁵.

Отмеченные недостатки были характерны и в последующие годы. Например, в Бурятской АССР в 1987 г. интенсивные технологии в полеводстве охватывали только 18% зерновых культур, 60% овощей, а на возделывании кормовых культур интенсивные технологии не применялись вообще⁵⁶.

Во всех автономиях Сибири плохо внедрялись сквозной и коллективный подряд и хозрасчет. Чековая форма оперативного контроля применялась слабо. Административно-хозяйственная реорганизация проводилась без научного обоснования. Так, игнорирование народного опыта и традиций в животноводстве, чрезмерная концентрация скота на незначительной площади привели в ряде районов Якутской АССР к нарушению естественных травостоев, сокращению сельскохозяйственных угодий, нарушению экологии.

Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод, что в рассматриваемые годы вся структура сельскохозяйственного производства и социально-классовый состав самостоятельного населения села национальных автономий Сибири были подвергнуты перестройке. Численно резко сократился класс колхозного крестьянства. Наряду с совхозами стали появляться новые формы сельскохозяйственных предприятий: агрофирмы, птице- и свинофабрики. В ряде предприятий стала внедряться в жизнь цеховая организация управления производством, вводились хозрасчет, специализация и концентрация производства

Вместе с тем проведенные мероприятия не привели к желаемому результату: производство развивалось медленно, в ряде мест показатели падали, практически во всех автономиях не был изжит массовый падеж скота. Уровень жизни тружеников села продолжал оставаться низким. Люди, переведенные из класса колхозного крестьянства в сельский рабочий класс, продолжали оставаться работниками плохо организованного производства с тяжелым (преимущественно ручным) трудом, слабой организацией управления и низкой оплатой труда.

Вся перестройка проходила при сохранении старых, изживших себя атрибутов 30—40-х гг. Господствовали считавшиеся единственно допустимыми при социализме формы собственности. Более того, шло свертывание колхозно-кооперативной формы общественной собственности. Сохранялся жесткий централизм в управлении сельским хозяйством, укреплялась политическая система, не изменился и кадровый состав руководителей как в центре, так и на местах.

Все это неизбежно вело к огромным затратам государственных средств и низким результатам структурно обновленного, но по сути оставленного в прежнем состоянии сельского хозяйства национальных автономий Сибири.

Руководство национальных автономий Сибири, опираясь в целом на старые законы управления, даже при внедрении

новых форм добиться существенных перемен в сельскохозяйственном производстве не смогло. Тотальная централизация сковывала инициативу местных органов власти. На практике просчеты партии проявлялись в том, что она не смогла ответить на требования времени, отставала в осмыслении социально-политических и экономических противоречий нашего общества, тенденций мирового развития. Меры, принимаемые партией вообще и ее местными органами, были частными, в то время как жизнь требовала корректив, не просто затрагивающих, но в корне меняющих сложившуюся практику руководства селом.

КАДРЫ СПЕЦИАЛИСТОВ И РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ СЕЛА

В системе управления производством вообще, а сельским хозяйством в особенности, решающее значение имеют руководящие кадры. От хорошо подготовленных, профессионально зрелых руководителей, их умения работать с людьми, творчески решать вопросы организации производства в значительной степени зависит уровень использования производственных фондов, трудовых и материальных ресурсов, рост экономики и решение социальных проблем.

В Сибири в 1960 г. более половины (56%) председателей колхозов не имели даже среднего образования, а дипломированными специалистами была лишь одна пятая часть. Только 4% бригадиров, управляющих отделениями и фермами колхозов имели среднее специальное образование⁵⁷. Еще сложнее положение было в национальных районах. В 1960 г. из 162 председателей правлений колхозов Якутской АССР специалистами сельского хозяйства являлись 30%, 42,2% не имели общего среднего образования, 20% были малограмотными. Окончили вузы и получили высшее образование лишь 10% руководителей⁵⁸. В Горно-Алтайской автономной области 66,3% председателей колхозов не имели среднего образования против 56% по Сибири⁵⁹. Еще хуже дело обстояло в среднем звене. В 1960 г. в Усть-Канском районе из 23 заведующих колхозными и совхозными фермами только один имел среднее образование, пять человек — 6—7 классов, остальные — начальное⁶⁰.

Недостаток специалистов сельского хозяйства на животноводческих фермах, в полеводческих бригадах колхозов и совхозах зачастую ощущался не только потому, что их не было вообще, но и из-за того, что многие из них трудились не по своей специальности. Например, в Горно-Алтайске в

1963 г. на ткацкой фабрике работало 4 зоотехника, 4 ветеринара, один агроном; на швейной фабрике трудилось 7 зоотехников, 3 агронома, 1 ветеринар⁶¹.

Специалисты нередко уезжали из колхозов и совхозов не только из-за плохих материально-бытовых условий и низкой оплаты труда, но и из-за отсутствия перспективы и т. д. Известно, например, что только с 1 апреля 1965 г.⁶² для сельских руководителей и специалистов были введены твердые должностные оклады. Для работников ветеринарной службы долгое время действовала система оплаты за труд, которая совершенно не учитывала стажа работы, производственной квалификации⁶³.

Отрицательно на закреплении специалистов на селе сказались многочисленные перестройки партийных, советских и хозяйственных органов. Каждая перестройка сопровождалась часто не оправданной перестановкой и сменяемостью кадров. Так, на бюро Тувинского обкома партии (май 1965 г.), которое рассматривало вопрос о кадрах в сельскохозяйственном производстве, было отмечено, что, например, в совхозе «Чира-Бажи» Дзун-Хемчикского района продолжительность работы специалистов на одном месте составляла всего 6—8 месяцев⁶⁴. Понятно, что подобное положение порождало у людей неуверенность, приводило к плохому знанию состояния дел на новом месте работы, мешало проявлять в полной мере свои способности, создавало почву для безответственности, способствовало отсеву специалистов из сельскохозяйственного производства.

И хотя ежегодно в колхозы и совхозы национальных районов Сибири направлялось значительное количество агрономов, ветврачей, инженеров и других специалистов высшей и средней квалификации, абсолютный рост числа специалистов, занятых на селе, из-за отмеченных и целого ряда других причин происходил медленно. В Сибири, в том числе в ее национальных автономиях, в 1959 г. на один колхоз приходилось в среднем 3 специалиста, в 1961 г. — 3,4; в 1965 г. — 4 специалиста⁶⁵. А, например, в 1965 г. в Горно-Алтайской автономной области по сравнению с 1964 г. количество специалистов по агрономии, ветеринарии и механизации сельского хозяйства сократилось⁶⁶.

Создавшееся положение на селе, в том числе с кадрами, потребовало принятия экстренных мер. Центральный Комитет КПСС вынужден был поставить и обсудить вопрос «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР». Проведенный в марте 1965 г. и посвященный

обсуждению этого вопроса Пленум ЦК КПСС разработал развернутый, во многом новаторский план вывода села из кризиса. В решениях пленума намечалось внедрение в жизнь новых взаимоотношений сельского хозяйства и государства, резко повышались закупочные цены на зерно, мясо и другую продукцию колхозов и совхозов, снижались налоги, расширялись и гарантировались права сельскохозяйственных предприятий. Пленум потребовал от местных партийных органов отказаться от практики администрирования, командования, подмены руководителей и специалистов колхозов и совхозов, от игнорирования их знаний и опыта.

Партийные, советские, хозяйственные органы национальных автономий, опираясь на решения пленума ЦК КПСС, выявляли конкретные причины текучести специалистов на селе, низкого уровня производственной квалификации руководящих кадров, намечали пути решения имеющихся кадровых проблем: 1) выдвижение на руководство различными участками сельскохозяйственного производства специалистов с высшим и средним специальным образованием, 2) вовлечение руководителей-практиков в систему заочного обучения. Использовался имевшийся положительный опыт. Так, в Бурятии был проанализирован и обобщен опыт лучших районов по подготовке руководящих кадров колхозов и совхозов в годы семилетки.

Здесь с целью повышения уровня профессиональных знаний, пропаганды и внедрения лучших достижений проводились республиканские, зональные и районные семинары с практическим показом прогрессивных методов труда. Начиная с 1964 г. экономисты колхозов и совхозов проходили ежегодную переподготовку в системе 15-дневных семинаров при Бурятском сельхозинституте по планированию, организации и оплате труда⁶⁷.

Важное место в повышении специальных знаний руководителей колхозов и совхозов, специалистов сельского хозяйства, а также передовиков производства занимали общественные бюро экономического анализа, кабинеты политического просвещения, научно-исследовательские институты сельского хозяйства и народные университеты на общественных началах, которые получили большое развитие именно в первые годы рассматриваемого периода.

Главной целью научно-исследовательских институтов и народных университетов на общественных началах было оказание помощи специалистам и руководителям колхозно-совхозного производства в дальнейшем подъеме сельского

хозяйства, научном решении важнейших вопросов с учетом местных условий и передового опыта. Так, занятия в научно-исследовательском институте сельского хозяйства, созданном на общественных началах в Мухоршибирском районе Бурятии, помогли председателю колхоза «Заганский» К. В. Краснянскому успешно завершить исследовательскую работу: «Пути укрепления кормовой базы в колхозе». Научно-производственная комиссия института рассмотрела и одобрила результаты исследования главного агронома колхоза «Забайкалец» И. И. Шаманова «Эффективность применения гербицидов и аммиачной воды» и рекомендовала опыт этого колхоза, получившего только от применения аммиачной воды под посев яровой пшеницы в 1964 г. по 34 руб. прибыли с каждого из 121 га удобренной площади, для широкого применения в других хозяйствах района⁶⁸.

Учеба кадров способствовала некоторому улучшению общего состояния сельскохозяйственного производства. Эти меры, а также возросшая оплата труда специалистов, связанная с решениями мартовского (1968 г.) Пленума ЦК КПСС, позволили улучшить укомплектованность колхозов и совхозов специалистами сельского хозяйства⁶⁹. Стал повышаться образовательный уровень и сельскохозяйственных руководителей. Если в 1965 г. в 45 колхозах Горного Алтая только 23 председателя и 3 из 10 освобожденных заместителей имели высшее и среднее образование, в 1970 г. из 29 председателей 18, из 15 заместителей 13, то в 1980 г. из 20 председателей 19, а из 16 освобожденных заместителей 13 имели высшее или среднее сельскохозяйственное образование⁷⁰. Принятые меры по повышению материальной заинтересованности позволили эффективнее использовать труд специалистов в Тувинской АССР. Так, в 1966 г. из 120 специалистов, работавших на селе, 80 непосредственно перешли в материальное производство колхозов и совхозов, 15 человек из 82 со средним специальным образованием поступили на учебу в сельскохозяйственные вузы⁷¹. Однако, говоря об имевшихся положительных примерах использования экономических методов, материальной заинтересованности в деле закрепления специалистов в материальном производстве, следует иметь в виду, что они еще долгое время продолжали оставаться редкими. Главным методом работы с кадрами продолжал оставаться нажим и административно-командное решение вопросов. Так, приведенные выше примеры оживления работы с кадрами специалистов в Тувинской АССР потребовали многократного рассмотрения их на бюро, пленумах Ту-

винского обкома партии, применения привычных для партийного руководства экономикой оргвыводов, номенклатурной перетряски, которые все еще оставались основными рычагами решения кадровых вопросов.

Решения мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС о внедрении в жизнь экономических методов хозяйствования долгое время не могли пробиться через административную систему управления на местах. В работе с руководящими кадрами, специалистами сельского хозяйства до конца рассматриваемого периода продолжал преобладать административный стиль — отчеты на бюро, пленумах, оргвыводы.

Состояние дел с кадрами, конечно, не было повсюду одинаковым. В ряде хозяйств положение со специалистами стабилизировалось, сокращалась их текучесть, в других же оно оставалось тяжелым. Например, средний стаж руководителя среднего звена в хозяйствах Тандинского района Тувинской АССР составлял в колхозах «Заря коммунизма» и «Пламя революции» — около 2 лет, в совхозе «Межегей» — 1,5 года, «Россия» — менее года. Из 150 работников (руководителей) среднего звена колхозов и совхозов этого района в 1966 году специальное сельскохозяйственное образование имели только 52 человека⁷².

Во многих хозяйствах специалисты использовались не по назначению. Инженеры и техники выполняли функции экспедиторов, много времени тратили на поиск запасных частей и агрегатов для тракторов, комбайнов, доильных установок и т. д. Зооветспециалисты зачастую занимались обеспечением доярок халатами, флягами, марлей, спецодеждой. Однако жизнь требовала изменения самих подходов к руководству сельскохозяйственным производством. Новые веяния в работе с кадрами в национальных автономиях стали повсеместно заметными во второй половине 60-х гг. Все большее количество работников сельского хозяйства обучалось в техникумах и институтах. Если, например, в 1968 г. из числа практиков Каа-Хемского района Тувинской АССР заочно учились 6 человек, то в 1969 г. их было 34, 14 специалистов прошли переподготовку на 2-и 3-месячных курсах. В 1969 г. в районе было проведено 5 семинаров с руководителями и специалистами хозяйств по вопросам изучения и внедрения достижений науки и передового опыта⁷³.

Несколько лучшим было положение с кадрами в колхозах и совхозах Усть-Ордынского автономного округа. Здесь к началу восьмой пятилетки (1966 г.) из общего числа председателей колхозов и директоров совхозов 56% имели выс-

шее образование, 35% — неполное высшее и среднее. Из 81 управляющего отделениями совхозов высшее и среднее сельскохозяйственное образование имели 33 человека, из 37 экономистов — 24. В округе была неплохо поставлена работа по подготовке в сельскохозяйственных учебных заведениях молодежи. Например, в 1966 г. на стипендии колхозов и совхозов обучались 60 человек⁷⁴.

Положительные результаты в работе с руководящими кадрами и специалистами сельского хозяйства имели место в совхозе «Байтогский». В хозяйстве в 1969 г. трудилось 39 специалистов, хорошо была поставлена работа по переподготовке специалистов и обучению молодежи в вузах за счет хозяйства⁷⁵. В целом в округе в 1969 г. в колхозно-совхозном производстве трудились около 1400 специалистов сельского хозяйства. В среднем на одно хозяйство округа приходилось по 16 специалистов⁷⁶.

Наряду с выгодным географическим положением (Усть-Ордынский Бурятский автономный округ территориально входит в состав Иркутской области, и в подготовке кадров активно использовались учебные заведения Иркутска), округ накопил положительный опыт работы партийных и советских органов с кадрами сельскохозяйственного производства. Здесь, кроме традиционных административно-командных форм работы партийных органов (вызов на бюро, оргвыводы, выговоры и т. д.), чаще по сравнению с другими автономиями обобщался опыт работы колхозов и совхозов, была налажена работа по распространению лучших достижений передовиков производства и специалистов сельского хозяйства. Окружком и райкомы партии не только контролировали, но и помогали парткомам, первичным организациям колхозов и совхозов в работе по подбору и расстановке главных специалистов и руководителей среднего звена. Многие специалисты проявляли себя творческими, активными людьми, избирались в состав районных и окружного комитетов партии, парткомы и партбюро колхозных и совхозных партийных организаций. 67 человек из них были избраны депутатами местных Советов, 17 человек работали директорами совхозов и председателями колхозов⁷⁷.

Специалисты со знанием дела возглавляли порученные им производственные участки. Так, главный зоотехник колхоза им. Чапаева Эхирит-Булагатского района В. Н. Ботошкинов организовал на фермах зоотехническую учебу, на животноводческих стоянках добился улучшения жилищных условий скотников, пастухов, чабанов; на фермах были орга-

низованы «комнаты отдыха», улучшилось обеспечение доярок спецодеждой. Результаты работы В. Н. Ботошкинова не замедлили сказаться. Повысилась удойность коров. Увеличился выход молодняка овцепоголовья (с 45 ягнят на 100 маток в 1965 г. до 103 ягнят в 1967 г.)⁷⁶.

В 70-е гг. заметных результатов в обеспечении колхозов и совхозов специалистами добилась Бурятская АССР. Располагая сельскохозяйственным институтом, в котором только в 1970/71 уч. г. обучалось 3200 человек, из них 2170 представителей коренного населения республики, и двумя сельскохозяйственными техникумами с контингентом учащихся более 2 тыс. человек, а также техникумом по подготовке руководящих кадров сельского хозяйства и школой повышения квалификации, факультетом повышения квалификации при сельхозинституте, Бурятия уже в восьмой пятилетке (1965—1970 гг.) из потребителя превратилась в поставщика квалифицированных кадров специалистов сельского хозяйства.

Заметно изменилось положение с обеспечением кадрами колхозно-совхозного производства в Якутской АССР, Хакасии и Агинском Бурятском автономном округе. В 1970 г. среди руководящих работников колхозов Якутской АССР имели высшее и среднее образование 64%, а совхозов — 67%. Эти показатели были значительно выше, чем в среднем по РСФСР и Дальневосточному региону⁷⁹.

Важную роль в подготовке кадров среднего звена сыграл открытый в 1966 г. в Якутии сельскохозяйственный техникум по подготовке руководящих кадров для колхозов и совхозов. Специалистов сельского хозяйства высшей квалификации для Якутии в прошлом готовили исключительно центральные вузы страны, а после открытия Якутского государственного университета в основном их стал готовить сельскохозяйственный факультет ЯГУ, выпустивший со дня своего основания до 1970 г. более 700 специалистов, в том числе 430 ветврачей, более 300 ученых-зоотехников⁸⁰.

В подготовке и переподготовке кадров были свои передовики. Колхоз им. Кирова Могойтуйского района Агинского Бурятского автономного округа являлся одним из таких. Важнейшей составляющей производственных успехов хозяйства была повседневная забота о специалистах, улучшение культурно-бытового обслуживания колхозников, организация профессиональной учебы. В этом хозяйстве на партийных и общеколхозных собраниях систематически обсуждались вопросы подготовки и работы специалистов, об условиях жизни,

возможностях повышения их профессиональной квалификации. В колхозе практически прекратилась текучесть кадров. В 1976 г. в этом колхозе трудилось 42 специалиста сельского хозяйства, 15 из них имели высшее, остальные среднее сельскохозяйственное образование. Изменения произошли и в составе корпуса специалистов: в их числе было 11 женщин, более половины составляла молодежь до 30 лет. Кроме того, в колхозе работали 41 учитель, 18 медработников, 9 специалистов культуры, 17 работников торговли и обслуживания⁸¹. И как итог — хорошие результаты производственной работы. Производственный план 1980 г. был выполнен колхозом: по мясу — на 100%, молоку — на 101%; зерну — на 125%, картофелю — на 120%, имел место рост поголовья овец и крупного рогатого скота⁸².

Важное значение в усилении работы по подготовке, воспитанию и закреплению специалистов сельского хозяйства в национальных автономиях Сибири имели постановление ЦК КПСС «О работе Алтайского крайкома КПСС по повышению роли специалистов в развитии колхозного и совхозного производства» (1972 г.) и совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по стимулированию перехода специалистов сельского хозяйства на работу руководителями отделений, бригад, ферм и других подразделений среднего звена производства в колхозах и совхозах» (1977 г.)⁸³.

Постановление ЦК КПСС о работе Алтайского крайкома партии было обсуждено на пленумах, бюро райкомов, окружкомов, обкомов партии всех национальных автономий. Всесторонне его обсудили на партийных собраниях колхозов и совхозов Якутской АССР. Опираясь на постановление, в республике скорректировали имевшийся план по подготовке и повышению профессиональных знаний специалистов и руководителей. Только за 1972—1974 гг. здесь через все формы обучения прошли 2300 руководителей различных уровней. В республике была внедрена новая форма активизации работы специалистов — составление личных творческих планов⁸⁴, организована переаттестация специалистов. Аттестационные комиссии за 1972—1974 гг. аттестовали 2788 специалистов. В целом количество специалистов в сельскохозяйственном производстве республики в 1975 г. было доведено до 3605 человек. Все они имели высшее или среднее специальное образование. По сравнению с 1965 г. их количество выросло в 1,5 раза⁸⁵.

Вместе с тем, замещение должностей среднего руководящего звена специалистами в национальных автономиях Сибири продвигалось крайне медленно. Даже в Бурятской АССР, с ее большими возможностями, из 1383 руководителей среднего звена к концу девятой пятилетки (1975 г.) специалисты сельского хозяйства составляли только 31%. Причем на протяжении ряда лет их число почти не увеличилось. В 1975 г. количество специалистов среди заведующих фермами, управляющих, бригадиров и других руководителей среднего звена возросло всего на 53 человека по отношению к 1970 г.⁸⁶.

И все же проблема привлечения специалистов сельского хозяйства к руководству средним звеном решалась. В национальных автономиях стали больше уделять внимания созданию собственной базы их подготовки и переподготовки. Так, в Горно-Алтайской автономной области партийные, советские, сельскохозяйственные органы разработали и утвердили перечень мер по укреплению материально-технической базы единственного в области зооветеринарного техникума, глубже интересовались состоянием учебного процесса. В техникуме стали ежедневными занятия на факультете общественных профессий. С целью повышения юридической грамотности учащихся был образован факультет университета правовых знаний на общественных началах. Основной базой проведения учебной практики стало опытно-производственное хозяйство Горно-Алтайской сельскохозяйственной станции, отличавшейся более высокой культурой ведения животноводства и механизации процессов в земледелии⁸⁷.

Наряду с внутренними возможностями подготовки и переподготовки специалистов для сельского хозяйства национальные автономии Сибири ежегодно направляли учащихся на внеконкурсные места, предоставляемые национальным районам, в вузы Москвы и других городов страны. Результативно использовала эту возможность Тувинская АССР, ежегодно посылая на учебу значительное количество молодежи коренной национальности. Например, в 1979 г. за пределами республики обучалось более 600 студентов-тувинцев⁸⁸.

Принятые меры позволили всем национальным автономиям Сибири, особенно в десятой пятилетке (1975—1980 гг.), значительно продвинуться вперед в деле обеспечения колхозов и совхозов специалистами сельского хозяйства, повышения образовательного уровня руководителей сельскохозяйственных подразделений, закрепления на должностях сред-

него руководящего звена специалистов с высшим и средним образованием. Так, например, в Тувинской АССР в 1970 г. бригадирами и заведующими фермами в полеводстве и животноводстве с высшим и средним специальным образованием работало 50 человек, в 1975 г. — 75, в 1980 г. — 136 человек; в Горно-Алтайской автономной области — соответственно 16, 48, 78; в Хакасии — 14, 23, 100 человек⁸⁹.

Более быстрыми темпами опытными специалистами замещались должности директоров совхозов и председателей колхозов. К 1980 г. практически все они получили высшее или среднее специальное сельскохозяйственное образование. Многие из них имели большой производственный стаж, высшее партийно-политическое образование*. В каждом районе трудились руководители-маяки. Хозяйства под их руководством добивались высоких производственных показателей, из года в год выполняли и перевыполняли производственные задания и социалистические обязательства.

С организации небольшой артели в Могойтуйской степи Агинского Бурятского автономного округа в 30-е гг. начал деятельность председатель колхоза им. Кирова Герой Социалистического Труда Б. М. Мажиев. Вместе с колхозом росло его мастерство как руководителя, накапливался опыт. Колхоз вырос, превратился в передовое хозяйство. По итогам труда он возглавлял список лучших хозяйств не только Агинского Бурятского автономного округа, но и Читинской области⁹⁰.

Передовики-руководители были во всех национальных автономиях Сибири. Их работа значительно влияла на уровень развития сельскохозяйственного производства. В то же время нередко руководящие должности занимали случайные люди, чему способствовала номенклатурность должностей руководителей колхозов и совхозов, главных специалистов сельскохозяйственного производства. Часто они замещались по указанию сверху. Их подбор сводился к формальному представлению кандидатуры тому или другому трудовому коллективу. В таком случае колхозники, рабочие совхозов часто были безразличными к подобной процедуре. Да иначе и не могло быть в условиях, когда все, или почти все, убытки колхозов и совхозов в конце концов государство покрывало дотациями или безвозвратными кредитами. Нет денег на оплату труда — банк выдает кредит. Если банк откажет,

* В рассматриваемые годы высшее партийное образование считалось обязательным и престижным для руководителей всех рангов.

есть райком партии — он заставит Пужны новые машины — их по плану выделять и оплачивать.

В таких условиях многие, казалось бы очевидные, положения противоречили сами себе. Приведенные факты говорят о том, что уровень профессиональной подготовки руководителей колхозов, совхозов, среднего звена (бригадиры, заведующие фермами, звеньевые и т. д.) вырос. И это, естественно, предполагало более сознательное и ответственное понимание сути проблем и стремление решить их. И, надо отметить, сознательность многих руководителей, специалистов, их приобщенность к общественным интересам возросли*. Но в то же время не прекратилась текучесть кадров специалистов, и уровень руководства производственными участками в целом оставался низким. При росте количества высококвалифицированных руководителей хозяйствам за достаточно продолжительный промежуток времени (1960—1985 гг.) не удалось изжить таких явлений, как массовый падеж скота, нерачительное (о чем речь пойдет ниже) отношение к земле, технике, культуре производства.

Причиной подобного положения, по нашему мнению, явилось несовпадение возросших интеллектуальных возможностей руководителей и специалистов сельскохозяйственного производства с продолжавшими существовать административно-командными методами управления колхозами и совхозами. Высококвалифицированный, социально развитый человек являлся менее подходящим объектом административного (а тем более бюрократического) управления. Адресно-директивное управление кадрами, экономикой и другими сферами жизни села неизбежно проявляло свою неэффективность в новых условиях труда. Выражалось это, как отмечалось выше, в непрекращающейся текучести кадров, слабом желании специалистов возглавлять конкретную работу, в крайне низких темпах развития экономики.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОЛХОЗОВ И СОВХОЗОВ РАБОТНИКАМИ МАССОВЫХ ПРОФЕССИЙ

В разнообразных природно-климатических, в различных, в силу целого ряда обстоятельств, социально-экономических и производственных условиях трудился многонациональный, с различной степенью профессиональной подготовленности,

* Многие из них избирались в партийные, профсоюзные, комсомольские руководящие органы, увеличилось их число в рядах народных депутатов.

отряд тружеников села сибирских автономий. Интенсивное промышленное освоение региона вызвало значительный отток сельских жителей трудоспособного возраста, вызывая напряженность баланса трудовых ресурсов в аграрном секторе экономики. Кроме того, обострение проблемы кадров было вызвано тем, что в 60-е гг. в трудоспособный возраст вступило немногочисленное поколение, рожденное в годы войны и первые послевоенные годы; введение пенсионного обеспечения колхозников привело к резкому сокращению численности работников старших возрастов; неразвитая социальная инфраструктура села и слабая организация производственных процессов обусловили к тому же неполное использование трудовых ресурсов. Так, в 1963 г. в Горно-Алтайской автономной области удельный вес не занятого в общественном секторе трудоспособного населения составлял 24,4% ⁹¹. Быстрыми темпами сокращалась численность оленеводов в Якутской АССР. В 1971 г. по сравнению с 1962 г. их количество уменьшилось на 12%. В десятой пятилетке (1976—1980 гг.) в оленеводческих совхозах этой республики недоставало 500 оленеводов ⁹².

Недостаток рабочих рук вызывался также спецификой сибирского сельского хозяйства, где нагрузка, например, сельхозугодий на одного трудоспособного жителя деревни превосходила среднюю норму по РСФСР ⁹³. Это соотношение со временем несколько изменилось в сторону сближения, но по целому ряду параметров продолжало существенно отличаться. Кроме того, в Сибири возделывались в основном яровые культуры, что заставляло выполнять весь объем тракторных и других работ, связанных с уборкой, в один период, тем самым обостряя спрос на механизаторов. Поэтому, несмотря на рост подготовки механизаторов, хозяйства национальных районов постоянно испытывали острый недостаток в работниках массовых профессий. Вместе с тем подготовка новых кадров, как известно, является необходимым условием дальнейшего развития всякого расширенного воспроизводства «Степень искусности наличного населения, — писал К. Маркс, — является в каждый момент предпосылкой совокупного производства, следовательно, главным накопителем богатства» ⁹⁴.

Поэтому у партийных, советских, хозяйственных органов национальных автономий Сибири в рассматриваемые годы вопрос о кадрах — трактористах, комбайнерах, шоферах, чабанах, доярках, стригалях, скотниках-пастухах и других работниках массовых профессий, — о повышении их произ-

водственной квалификации, о создании условий для более полной их трудовой отдачи, повышении производительности труда был постоянным и едва ли не самым острым. Например, в Тувинской парторганизации не прошло ни одного пленума или партийной конференции, где бы в той или иной форме не поднимался вопрос о кадрах массовых профессий, проблемах укрепления материально-технической базы СПТУ, повышении ответственности райкомов, первичных организаций за подготовку и повышение квалификации тружеников села.

Меры по их подготовке и закреплению приносили определенные положительные результаты. Постепенно росло общее количество механизаторов. Если на конец 1960 г. в Тувинской АССР было 3,2 тыс. механизаторов, занятых в сельскохозяйственном производстве, в 1970 г. — 4,6 тыс., то в 1985 г. — 5,6 тыс. человек⁹⁵. Но рост этот был недостаточным. Неудовлетворительно велась работа по повышению квалификации механизаторских кадров. Например, на конец восьмой пятилетки (1970 г.) из всех сельских механизаторов Тувы квалификацию 1-го класса имели только 184 человека, 2-го класса — 574⁹⁶. Многие окончившие СПТУ, курсы механизаторов не закреплялись в хозяйствах. Так, только в 1965 г. из колхозов и совхозов Хакасской автономной области выбыло 1489 механизаторов, за 1969—1970 гг. по разным причинам выехало 1500 механизаторов⁹⁷. В Хакасии, как и в Туве, продолжала оставаться низкой классность механизаторских кадров. В 1970 г. из 6020 механизаторов, занятых на сельскохозяйственных работах, трактористов первого класса было только 10%, второго — 21%⁹⁸. Низкая классность механизаторов прямо влияла на их заработки, а это, в свою очередь, сказывалось на закрепляемости.

Текучесть механизаторских кадров имела место во всех национальных районах. В 1975 г. в совхозы Якутской АССР прибыло 815 трактористов, а убыло 704, шоферов прибыло 487, убыло 314 человек⁹⁹. Число механизаторов не соответствовало нараставшему притоку техники. Если с 1961 по 1980 г. количество тракторов, занятых в сельском хозяйстве Тувинской АССР, выросло в два раза, то численность механизаторов — только на 40%, что позволило только 13% тракторного парка республики использовать в две смены¹⁰⁰.

Все это заставляло искать новые подходы к решению вопросов обеспечения колхозов и совхозов механизаторскими кадрами. С этой целью в автономиях Сибири был принят ряд

мер по повышению престижа труда механизатора. Во всех автономных республиках было введено почетное звание «Заслуженный механизатор»¹⁰¹. Была развернута работа по подготовке механизаторских кадров на базе старших классов сельских школ национальных автономий.

В Бурятской АССР был поддержан почин тружеников колхоза им. XX партсъезда Селенгинского района, общее собрание которого решило организовать широкий механизаторский всеобуч под девизом «Живешь на селе — умеешь управлять техникой!». Курсы возглавил председатель колхоза П. Ц.-Д. Хайданов. Занятия посещали парторг и комсорг хозяйства, управляющие, бригадиры, учителя. Всего, например, в 1974 г. управлению техникой в этом хозяйстве было обучено 39 человек. В колхозе «Хинганский» Баргузинского района на курсах всеобуча было подготовлено 24 тракториста, в колхозе «Дружба» Бичурского района — 25, в колхозе «Коммунизм» Джидинского района — 25, в совхозе «Еравнинский» — 18, «Большелукский» — 20, «Одон» — 17, «Селенгинский» — 14 и т. д. Всего курсы механизаторского всеобуча в 1974 г. в республике закончили 1809 человек¹⁰².

Однако принятые меры не могли полностью решить проблему обеспечения хозяйств механизаторскими кадрами. Далеко не все прошедшие курсы механизаторского всеобуча могли и хотели высокопроизводительно работать по вновь полученной специальности. В целом уровень механизаторской квалификации оставался в автономиях низким. В 1974 г. только 25 % механизаторов Бурятии имели квалификацию 1-го класса¹⁰³. Медленно увеличивалось само количество механизаторов. В 1978 г. в Бурятской АССР на 100 тракторов приходилось 114 механизаторов. Это было больше, чем в предшествующие годы, но недостаточно, чтобы эксплуатировать даже такие энергонасыщенные тракторы, как «К-700», в две смены¹⁰⁴.

В последующие годы изучаемого периода принципиальных изменений в организации подготовки механизаторских кадров для села в национальных автономиях Сибири не произошло. Механизаторским специальностям молодежь обучалась через СПТУ, систему курсов, в сельской средней школе. Например, СПТУ Хакасии в 80-е гг. ежегодно выпускали свыше 4 тыс. механизаторов¹⁰⁵. Повысился уровень механизаторской подготовки выпускников сельских школ, для оборудования кабинетов машиноведения которых колхозы и совхозы стали выделять новое оборудование, направлять в шко-

лы для подготовки учащихся высококвалифицированных специалистов.

Вместе с тем оставались и трудности. В целом не было покончено с текучестью механизаторских кадров. Например, за 1971—1985 гг. подготовка механизаторов для сельского хозяйства Хакасии увеличилась в 2,8 раза, однако их численность на селе за те же годы возросла только на 11,1%. Количество механизаторов на 100 единиц сельскохозяйственной техники в 1985 г. продолжало оставаться более низким, чем по РСФСР в целом¹⁰⁶.

Таким же сложным оставалось положение с кадрами животноводов. Животноводство настоятельно требовало систематической заботы о молодой смене чабанов, доярок, пастухов и др. В работе по подготовке кадров механизаторов работников для животноводства и полеводства партийные, советские, хозяйственные органы прежде всего опирались на местную молодежь. Активно участвовали в привлечении молодежи для работы на полях и фермах комитеты комсомола. Распространенной формой привлечения юношей и девушек на поля и фермы колхозов и совхозов было создание комсомольско-молодежных бригад, ферм, отрядов, звеньев. Так, уже в начале рассматриваемого периода в колхозах и совхозах Агинского Бурятского автономного округа действовало 43 комсомольско-молодежных отряда и 83 звена по выращиванию зерновых культур¹⁰⁷.

Одновременно шла работа по вовлечению молодежи, работавшей в сельскохозяйственном производстве, в комсомол и направление комсомольцев (выпускников школ) для постоянной работы на фермы, животноводческие стоянки, полевые станы. В 1965 г. в округе только в животноводстве трудилось 603 комсомольца. Из них чабанами — 268, доярками — 165, скотниками — более 100 человек. Было создано 205 комсомольско-молодежных чабанских бригад, 8 комсомольско-молодежных МТФ. В целом на решающих участках животноводства работало 59,3% состава окружной комсомольской организации¹⁰⁸. В колхозах и совхозах проводились День чабана и День доярки. Была организована зооветеринарная учеба. В феврале 1967 г. в округе были открыты две школы переподготовки чабанов на базе Агинского и Могойтуйского СПТУ с трехмесячным сроком обучения. В апреле был проведен семинар секретарей первичных партийных организаций колхозов и совхозов округа в колхозе «Эрдем» с повесткой «О практике проведения дня животновода». В марте этого же года окружком ВЛКСМ созвал слет моло-

дых животноводов¹⁰⁹. Проведенные мероприятия позволили несколько укрепить животноводство округа молодыми кадрами.

Новым шагом в организации работы молодежи стало создание укрупненных комсомольско-молодежных овцеводческих бригад. Впервые они возникли в колхозе им. XXII партийного съезда Агинского района в 1973 г. Первую комсомольско-молодежную укрупненную бригаду возглавил наставник Лодон Шойдонов. За бригадой было закреплено 2 маточные и 1 молодняковая отары овец, трактор МТЗ-52 с тележкой, автомобиль и необходимый инвентарь. В целях создания нормальных жилищных и культурно-бытовых условий для молодежи колхоз приобрел два передвижных вагончика, телевизор, мебель, музыкальные инструменты, настольные игры и т. д. Правление колхоза разработало положение о комсомольско-молодежной бригаде, порядке оплаты, предусматривало меры морального и материального поощрения, довело планы-задания¹¹⁰. Бригада получила название «Толон», что в переводе на русский означает «Заря». Инициатива была одобрена бюро окружкома партии.

В 1974 г. в колхоз им. XXII партийного съезда работали 4 комсомольско-молодежные чабанские бригады, в 1975 г. — 5, в которых было занято 58 человек. Они обслуживали 17 тыс. овец и 500 голов молодняка крупного рогатого скота. Всего в округе по этому почину в 1975 г. была создана 31 комсомольско-молодежная бригада. В 1977 г. в округе трудились 43 укрупненные комсомольско-молодежные бригады, в составе которых насчитывалось более 350 юношей и девушек¹¹¹.

Опыт создания укрупненных комсомольско-молодежных бригад в животноводстве постепенно переходил в полеводство. В 1979 г. на полях округа работало 21 укрупненное комсомольско-молодежное зерноводческое звено. Лучшие из них — звенья Х. Х. Гатиятуллина из колхоза им. Кирова, Ц. Шейдонова из колхоза «Улан-Одон», Д.-Д. Лхундунова из колхоза им. Чапаева из года в год добивались высоких показателей в труде. Из рядов комсомольско-молодежных бригад выросли лауреат премии Ленинского комсомола Д. Ц. Даширинчинов, чабан колхоза «Россия», делегат XVIII съезда ВЛКСМ Б. Базарсадаев, депутат Верховного Совета РСФСР Б. Цыбенова — чабан колхоза им. Кирова, которая представляла советскую молодежь на XI Всемирном фестивале молодежи и студентов на Кубе¹¹³.

Возникшие в 1973 г. в Агинском Бурятском автономном округе комсомольско-молодежные укрупненные бригады считались шагом вперед в решении острой проблемы кадров в овцеводстве. Новой форме организации производственного подразделения кроме решения производственных вопросов предписывалось воспитание чувства новаторства, развития коллективизма, ответственности за общее дело.

Другим распространенным направлением по подготовке, воспитанию и закреплению кадров массовых профессий на селе была повседневная, большая разъяснительная профориентационная работа в сельских школах. Повсеместно была поддержана инициатива оставаться всем классом работать в сельскохозяйственном производстве. Такая традиция в колхозе им. К. Маркса Баргузинского района Бурятской АССР родилась еще в 1959 г. Многие из выпускников этой школы успешно трудились в сельскохозяйственном производстве. Одна из них (Ольга Сангадиева) в дальнейшем возглавляла чабанскую бригаду, которая прочно удерживала за собой одно из первых мест в республике, получая по 100 и более ягнят от сотни овцематок. Ольга Сангадиева за большие производственные достижения, повседневную воспитательную работу с молодежью была удостоена звания Героя Социалистического Труда¹¹⁴.

Аналогичные примеры имели место и в других автономиях. Еще в 1958 г. выпускники Булгунняхтайской средней школы Орджоникидзевого района Якутской АССР решили всем классом идти работать в колхоз. Сдав экзамены, школьники организовали молодежно-комсомольскую бригаду. Руководство колхоза за молодыми производственниками закрепило в качестве инструкторов опытных доярок и механизаторов. С их помощью вчерашние школьники быстро овладели новыми для себя сельскохозяйственными специальностями. Комсомольско-молодежная бригада из выпускников Булгунняхтайской школы своими высокими производственными показателями стала известной в республике¹¹⁵.

Опыт работы комсомольцев — выпускников школы, первыми изъявивших желание трудиться всем классом на полях и фермах родного колхоза, добившихся высоких производственных показателей, не раз освещался на страницах местной периодической печати и по радио, нашел отклик по всей республике. Постепенно молодежь, окончившая школу, становилась основной производственной силой колхозов и совхозов Якутской АССР. Молодежь республики поддержала начин «Трудиться по принципу: школа — производство — вуз».

Например, только в Алексеевском районе Якутии за первых три года девятой пятилетки в сельское производство пришли 444 выпускника школ. В 1974 г. 80% животноводов района, 64% механизаторов были выпускниками школ¹¹⁶.

Заметное оживление в подготовке учащихся для работы в сельскохозяйственном производстве национальных автономий Сибири внесло обращение школьников Костромской области в 1976 г. с призывом пополнить ряды работников колхозов и совхозов. Следуя этому призыву, только в Боханском районе Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в 1976 г. 147 выпускников средней школы пошли работать в полеводческие бригады и на фермы. В 1977 г. число школьников, окончивших школу и пришедших работать в сельское хозяйство, возросло по сравнению с предыдущим годом на 12%¹¹⁷.

Неплохие результаты в подготовке и закреплении молодых животноводов и полеводов из выпускников школ были в Кижингинском районе Бурятской АССР. Здесь в 1977 г. в колхозы и совхозы пришли работать 177 выпускников школ. Важно отметить то, что большинство из них продолжали работать в сельскохозяйственном производстве и в последующие годы¹¹⁸.

Распространенной формой подготовки кадров массовых профессий для села стало наставничество. Особое значение оно приобрело в связи с притоком на фермы, чабанские стоянки, полеводческие бригады молодежи, выпускников школ. Так, в Тувинской АССР более активно наставничество развивалось в Тандинском, Эрзинском, Дзун-Хемчикском районах, совхозах «Алдан-Маадыр», «Пламя революции». Здесь регулярно рассматривались вопросы подготовки кадров, в том числе развития наставничества, на заседаниях бюро РК КПСС, парткомов, комитетов комсомола, на партийных и профсоюзных собраниях. В принятых решениях намечались конкретные меры по улучшению качественного состава наставников, определялись формы и методы работы с ними. Обком комсомола совместно с облсовпрофом разработали положение о наставничестве, в котором определили цели и задачи этого движения, права и обязанности воспитателя, условия соревнования наставников, меры их морального и материальногоощрения¹¹⁹.

Поддержанное таким образом наставничество как форма работы с молодежью начало давать положительные результаты. В 1974 г. в Тувинской АССР наставничество охватыва-

лю 4290 юношей и девушек. Росли ряды самих наставников. В 1979 г. в них насчитывалось более 2500 человек ¹²⁰.

По всей Бурятии гремело в рассматриваемые годы имя Героя Социалистического Труда, коммуниста Гасарона Лубсановича Рабдаева. Знатный чабан прославился не только тем, что из года в год добивался высокого выхода молодняка и богатого настрига шерсти в закрепленной за ним отаре. Он выступил в своей республике инициатором наставничества, оказания помощи молодым чабанам.

Наставничество в животноводстве Бурятской АССР, зачинателем которого выступил Г. Л. Рабдаев, принимало различные формы, но всегда было направлено на подготовку высококлассных специалистов. Когда в колхозе им. К. Маркса Селенгинского района этой республики взялись за породное преобразование поголовья овец, единственная в хозяйстве отара помесных тонкорунных маток была поручена лучшему чабану колхоза Бадме Больдировой. В помощь ей была направлена Бутыд Банзаракцаева. Три года проработала она в содружестве с Больдировой. Затем Бутыд Банзаракцаева год трудилась на отаре старшего чабана Дымчика Доржиева, перенимая секреты ухода за молодняком. И лишь после этого правление колхоза поручило ей маточную отару для самостоятельной работы ¹²¹.

В Цукутском районе Усть-Ордынского Бурятского автономного округа славилось имя знатного комбайнера, наставника, Ивана Егоровича Рыцева. За высокие показатели в труде, большую воспитательную и наставническую работу И. Е. Рыцев был награжден орденом Ленина и Золотой медалью «Серп и молот» Героя Социалистического Труда ¹²².

В Цукутском районе на период полевых работ в колхозах и совхозах среди механизаторов ежегодно объявлялся конкурс на приз им. И. Е. Рыцева. За него боролись лучшие пахари, комбайнеры, шоферы ¹²³.

Наставничество широко распространилось в сельскохозяйственном производстве всех национальных районов Сибири. Оно связано прежде всего с именами его зачинателей: в Бурятской АССР Г. Л. Рабдаева, В. Г. Романовой и О. Э. Сангадиевой; в Тувинской АССР — первой в республике женщины Героя Социалистического Труда, матери-героини чабана Урулы Кандан, чабанов С. Ч. Лопсанчапа и Монгуш Чола; в Якутской АССР — с именем дояра Героя Социалистического Труда П. И. Яковлева, добившегося в условиях при- тундровой Якутии надоев 5 и более тыс. кг молока от каждой закрепленной за ним фуражной коровы, Героя Социалисти-

ческого Труда овощевода А. И. Новгородовой и чемпиона республики по выращиванию в условиях вечной мерзлоты рекордных урожаев картофеля И. К. Котруса. В Хакасии в развитие наставничества, в подготовку кадров для сельскохозяйственного производства большой вклад вносили Герои Социалистического Труда чабаны А. И. Глазко и Т. В. Окунева; в Горном Алтае — Герои Социалистического Труда чабаны Тана Марчина и Дельмек Тоедов, мараловод П. Ф. Попов; в Агинском и Усть-Ордынском Бурятском автономных округах отличились Герой Социалистического Труда чабан И. В. Башинов и лауреат Государственной премии Союза СССР полевод Г. И. Стафесва и много других передовиков сельскохозяйственного производства.

В национальных автономиях Сибири постепенно вводилось перспективное планирование решения кадровых вопросов, совершенствовались приемы работы с кадрами, много внимания обращалось на пропаганду опыта, почина, работы передовиков производства. Общим для деятельности партийных организаций всех автономий было идеологическое обеспечение выполнения этой постоянной и сложной задачи. Более того, идеологическое воздействие было главным средством, особенно в закреплении кадров на местах. В условиях, когда руководители хозяйств были чрезвычайно ограничены в распоряжении не только фондами, но и заработанной чистой прибылью, когда низкая зарплата глушила инициативу, а система усредненной оплаты и уравниловка, часто помноженная на «выводиловку», переставали работать, главным способом заставить трудящихся высокопроизводительно работать становился уровень политического воспитания масс.

В таких условиях высоких трудовых результатов добивались единицы, которые в силу ряда обстоятельств, прежде всего, личностных качеств (трудолюбие, ответственность, высокая сознательность, крепкое здоровье и т. д.), шли первыми, — условия труда, бытовое и культурное обслуживание, оплата труда для них не являлись решающими. Основная же масса трудящихся работала, относилась к труду (выход на работу, интенсивность и качество труда) посредственно или плохо, что подтверждается низкими результатами труда в земледелии, огромным (в десятки и сотни тысяч голов) падежом скота в животноводстве, допущением эрозии почв, варварским отношением к технике в массовом масштабе. «Опытные» в политическом и житейском плане кадры старались найти себе «спокойное» место.

Дальновидные руководители хозяйств стремились создать для молодежи хорошие исходные условия, как производственные (создание укрупненных комсомольско-молодежных бригад), так и культурно-бытовые. Однако нерешенность общих вопросов организации сельскохозяйственного производства, крупные недостатки которого особенно наглядны сейчас, когда стали известными многие, ранее секретные документы, слабое развитие демократических основ нашего государства не могли быть компенсированы за счет энтузиазма молодых и достижений «маяков».

Тяжелые условия труда, более низкая по сравнению с другими отраслями народного хозяйства оплата труда (в конце 70-х гг. уровень оплаты в сельском хозяйстве Якутии был в 1,5 раза ниже, чем в промышленности, в 1,6 раза ниже, чем в строительстве, в 1,5 раза ниже, чем на транспорте) ¹²³, бытовая неустроенность, особенно в отгонном животноводстве, оленеводстве и т.д., низкий уровень медицинского и торгового обслуживания тружеников села привели к потере привлекательности сельскохозяйственного труда. В начале 80-х гг., например, в Бурятской АССР с учетом сменной работы не хватало около 6 тыс. механизаторов. В 1981 г. совхозы Якутии были обеспечены трактористами только на 88%, водителями грузовых автомобилей — на 90%, электромонтерами — лишь на 50% ¹²⁴. В 80-е гг. повсеместно уменьшился приток в сельское хозяйство молодежи, окончившей школу. С годами положение усугублялось. В 1987 г. из числа выпускников школ, например, Хакасии осталось работать на селе только 87 человек ¹²⁵ из более чем тысячи выпускников школ области.

Таким образом, в рассматриваемые годы в национальных автономиях Сибири предпринимались меры по обеспечению сельскохозяйственного производства кадрами массовых профессий. Повсеместно были созданы и успешно работали СПТУ. Кроме того, непосредственной подготовкой к работе на селе по довольно широкому перечню специальностей занимались сельские школы. Была поддержана и достаточно успешно претворялась в жизнь программа по проведению на селе механизаторского всеобуча. Все это давало неплохие результаты. Например, в Тувинской АССР количество механизаторов (трактористов-машинистов, комбайнеров и шоферов) выросло с 3,2 тыс. человек в 1960 г. до 5,6 тыс. в конце 1985 г. Более чем вдвое за эти же годы увеличилось количество механизаторов в Бурятской АССР. Имел место заметный количественный рост механизаторов в других автоно-

миях. Вместе с тем, из года в год в силу неостанавливающейся текучести кадров механизаторов не хватало. Так, в Бурятии в 1964—1965 гг. число механизаторских вакансий составляло 3600—3800, а в 1973—1975 гг. — 3100—3200 человек¹²⁶.

Свои достижения и трудности были в процессе подготовки работников для животноводства. Если механизаторов готовили в основном в СПТУ, то в подготовке животноводов (доярок, чабанов, телятниц, скотников-пастухов) положительно себя зарекомендовала система наставничества, производственные бригады сельских школ, летние лагеря труда и отдыха учащихся, которые были практически при каждой сельской школе. Однако состояние уровня профессиональной подготовки учащихся в работе сельских школ во многом зависело от общих установок местных органов власти, оказания материальной помощи школам со стороны колхозов и совхозов, а также от указаний и постановлений Министерства просвещения РСФСР, которое, как известно, то возносило идею, то отказывалось от нее¹²⁷. Например, в 1960 г. в школах Горно-Алтайской автономной области имелось 30 ученических производственных бригад и 71 звено, в 1965 г. — 10 производственных бригад, 16 лагерей труда и отдыха, 105 звеньев, в которых работало и отдыхало более 6 тыс. учащихся сельских школ. В 1985 г. в области было 93 ученических производственных бригад и школьных лесничеств, 65 лагерей труда и отдыха учащихся, за которыми было закреплено 2670 га обрабатываемой земли и 6860 га лесных массивов¹²⁸.

Однако принимавшихся мер было недостаточно. Животноводство и полеводство национальных автономий Сибири постоянно испытывали недостаток рабочих рук. Меры по привлечению трудящихся городов, студентов, школьников для выполнения тех или других сезонных сельскохозяйственных работ приводили к большим финансовым и моральным издержкам, не могли полностью решить стоящих перед селом задач.

Создавшееся положение с кадрами ставило не только практические задачи, но и вызывало необходимость их теоретического разрешения. Казалось бы, с ростом уровня образования основной массы работников села должно было измениться отношение к труду*. Но жизнь не подтвердила этого. Преследовавшаяся, например, цель улучшения социально-бытовых условий при проведении сселения жите-

* См. Программу КПСС (новую редакцию), Конституцию СССР 1977 г. и т. д.

лей малых сел в крупные, объединение (укрупнение) колхозов и совхозов, преобразование колхозов в совхозы и т. д., не была достигнута. Повышения трудовой активности колхозников и рабочих совхозов в массовом порядке не последовало, но зато был получен неожиданный эффект. Крестьяне стали мигрировать в города. Такой результат был неизбежным при сохранявшихся десятилетиями взглядах партии и государства на человека только как на производственный фактор. В рамках этого взгляда на первое место выходили потребности людей в необходимых жизненных средствах, но потребности людей росли быстрее, чем это осознавалось, в том числе научной мыслью. Была просмотрена сформировавшаяся к этому времени потребность людей в творческой деятельности, политической и хозяйственной демократии, более высокой самостоятельности в решении не только производственных задач, но и проблем более высокого порядка: решения вопросов собственности, развертывания самоуправления, развития подлинно социалистической морали и создания условий для разностороннего развития личности.

Нерешенные во многом задачи работы как с инженерно-техническим персоналом, так и работниками массовых профессий, показывают, что партией и государством не учитывалось (или учитывалось недостаточно) осознание людьми своего перехода из состояния объектов воздействия и воспитания в положение активных субъектов общественной деятельности.

Все это ни в теоретическом, ни в практическом плане не учитывалось. Работник села независимо от того, какую должность он занимал (гл. специалист, механизатор, животновод и т. д.), был безвластен. Он практически не нес никакой экономической ответственности за результаты своего труда. Жизнь настойчиво требовала, чтобы у человека появилось чувство хозяина. Роль сохозяина общественной собственности вопроса не решала. Нужно было дать ему реальные права хозяина, пусть даже только того, небольшого участка, на котором он трудился: предоставить ему определенную свободу выбора способов выполнения заданий, совершенствования технологии, обеспечить одновременно не только его ответственность, но и заинтересованность в конечных результатах труда.

Отсутствие внимания к человеку со стороны партии и правительства в теоретическом плане, их местных органов в практическом аспекте, нерешенность вопросов улучшения условий труда и быта постепенно сводили на нет уверенность

тружеников села в прогрессивности и справедливости общественного строя. Частые столкновения с несправедливостью, расхождением слова и дела, беззащитность добра и безнаказанность зла порождали разочарование в общественных ценностях, равнодушие, уход людей в личные интересы. В лучшем случае это оборачивалось общественной пассивностью — отсюда текучесть кадров, халатное отношение к делу, в худшем — цинизмом и антиобщественным поведением (воровство, пьянство, безответственность).

Все это, в конечном счете, объяснялось несправедливостью анализируемого общества и было обусловлено как экономическими, так и социальными причинами. Первые отражали недостаточный уровень развития производительных сил, о чем речь пойдет ниже, и ограниченность возможностей более равномерного распределения материальных благ, вторые — нежелание общественных групп, имевших в силу сложившихся обстоятельств и причин необоснованные привилегии, добровольно от них отказаться.

В конечном итоге отмеченное сводило на нет предпринимаемые в рассматриваемые годы усилия партийных, советских и хозяйственных органов по реорганизации сельскохозяйственного производства, подготовке, воспитанию и закреплению кадров на селе.

¹ Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. ежегодник. М., 1986. С. 181, 189, 192.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 192.

⁴ Сталин И. В. Соч. М., 1949. Т. 12. С. 129, 130.

⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: Стат. ежегодник. М., 1966. С. 316.

⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. ежегодник. М., 1986. С. 105.

⁷ Бурятская АССР в цифрах. 1923—1973 гг. Улан-Удэ, 1973. С. 102, 103.

⁸ Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке: Стат. сб. Улан-Удэ, 1986. С. 57, 58.

⁹ Горно-Алтайской автономной области 60 лет: Стат. сборник. Горно-Алтайск, 1982. С. 22, 23.

¹⁰ Программа КПСС. М., 1974. С. 76—77.

¹¹ Конституция СССР. Основной закон. М., 1977. С. 27.

¹² Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС. М., 1983. С. 17.

¹³ Данковцев А. Г. Актуальные проблемы социально-экономического развития Хакасии. Абакан, 1975. С. 77.

¹⁴ НАРС (Якутия), ф. 3, оп. 248, д. 214, л. 17; оп. 129, д. 52, л. 2.

¹⁵ ЦГАРХ, ф. 2, оп. 1, д. 3033, л. 35; д. 3110, л. 45, 46, 52.

¹⁶ Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1980. С. 29, 37.

- ¹⁷ Рандалов Ю. Б. Изменение социальной структуры села национальных районов Сибири в условиях развитого социализма. Новосибирск, 1980. С. 165.
- ¹⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: Стат. ежегодник. М., 1966. С. 15, 16; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. ежегодник М., 1986. С. 6, 7, 8.
- ¹⁹ Рандалов Ю. Б. Указ соч. С. 165, 167, 169.
- ²⁰ Бурятская АССР в десятой пятилетке: Стат. сб. Улан-Удэ, 1981. С. 100, 104.
- ²¹ Народное хозяйство Тувинской АССР: Стат. сб. Кызыл, 1971. С. 162, Народное хозяйство Тувинской АССР в одиннадцатой пятилетке: Стат. сб. Кызыл, 1986. С. 109.
- ²² Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. ежегодник. М., 1987. С. 214.
- ²³ КПСС в резолюциях. М., 1972. Т. 8. С. 391.
- ²⁴ Очерки истории Тувинской организации КПСС Кызыл, 1975. С. 245.
- ²⁵ Очерки истории Бурятской АССР периода развитого социализма. Новосибирск, 1983. С. 33.
- ²⁶ Очерки истории Горно-Алтайской областной организации КПСС. Горно-Алтайск, 1971. С. 332, 333.
- ²⁷ Правда Бурятии. 1979. 20 янв.
- ²⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. ежегодник. М., 1986. С. 144.
- ²⁹ РЦХИИДНИ, ф. 17, оп. 142, д. 541, л. 138, 139.
- ³⁰ Щербанев П. А., Ходулин В. А. Экономическая эффективность специализации сельскохозяйственного производства в Хакасии // Ученые записки Аб пед ин-та, Абакан, 1970. Вып. XVII. С. 32.
- ³¹ НАРС (Якутия), ф. 3, оп. 249, д. 7, л. 13, 14.
- ³² Социалистическая Якутия 1976. 14 янв.
- ³³ ЦДНИЮ, ф. 127, оп. 104, д. 42, л. 42, 43.
- ³⁴ Экономическое и социальное развитие Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1983. С. 113.
- ³⁵ Дондоков Д.-Ж. Колыбель моя — Цокто-Хангил. М., 1979. С. 62.
- ³⁶ Там же. С. 14, 31.
- ³⁷ Советская Якутия 1976. 20 апр.
- ³⁸ НАРБ, ф. 1, оп. 40, д. 108, л. 25.
- ³⁹ НАРС (Якутия), ф. 3, оп. 233, д. 1, л. 23, 24.
- ⁴⁰ РЦХИИДНИ, ф. 17, оп. 143, д. 138, л. 168, 169.
- ⁴¹ Тувинская правда. 1986. 18 янв.
- ⁴² РЦХИИДНИ, ф. 17, оп. 143, д. 149, л. 75.
- ⁴³ Там же, оп. 237, д. 138, л. 168, 169.
- ⁴⁴ Социалистическая Якутия 1983. 23 янв.
- ⁴⁵ Правда Бурятии 1986. 18 янв.
- ⁴⁶ НАРБ, ф. 1, оп. 45, д. 13, л. 83, 85.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Васильев И. С. думой о будущем. М., 1987. С. 31.
- ⁴⁹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 45.
- ⁵⁰ Социалистическая Якутия 1983. 23 янв.
- ⁵¹ Социалистическая Якутия. 1986. 27 марта.
- ⁵² Правда Бурятии 1986. 5 апр.
- ⁵³ Подсчитано по материалам: Бурятская АССР в цифрах. 1923—1973. Стат. сб. Улан-Удэ, 1973. С. 74—75; Народное хозяйство Бурятской АССР в десятой пятилетке: Стат. сб. Улан-Удэ, 1981. С. 60, 62, Горно-Алтайской автономной области 60 лет. Горно-Алтайск, 1982. С. 16; Народное хозяйство Тувинской АССР: Стат. сб. Кызыл,

1971. С. 59, 100, 102; Народное хозяйство Тувинской АССР в одиннадцатой пятилетке. Стат. сб. Кызыл, 1986. С. 44, 65; Хакассской автономной области 50 лет. Стат. сб. Абакан, 1980. С. 24; Народное хозяйство Якутской АССР за 60 лет. Стат. сб. Якутск, 1982. С. 23; Народное хозяйство Якутской АССР в одиннадцатой пятилетке (1981—1985 гг.). Якутск, 1986. С. 30

⁵⁴ Социалистическая Якутия. 1986. 26 марта.

⁵⁵ Социалистическая Якутия. 1986. 27 марта.

⁵⁶ Правда Бурятии. 1988. 16 янв.

⁵⁷ История Сибири. Л., 1969. Т. 5. С. 249, 251.

⁵⁸ НАРС (Якутия), ф. 3, оп. 215, д. 26, л. 37, 38.

⁵⁹ ЦДНИРА, ф. 1, оп. 6, д. 33, л. 44

⁶⁰ Там же, л. 44, 45.

⁶¹ Там же, д. 30, л. 8.

⁶² Справочник партийного работника М., 1969. Вып. 6. С. 171.

⁶³ Сельская жизнь 1968. 6 апр.

⁶⁴ ЦГАРТ, ф. 1, оп. 7, д. 216, л. 4.

⁶⁵ История Сибири. Л., 1969. Т. 5. С. 355.

⁶⁶ ГАРА, ф. 61, оп. 4, д. 300, л. 6.

⁶⁷ Саункин А. А. Партийные организации Восточной Сибири в борьбе за интенсификацию сельскохозяйственного производства в 1959—1971 гг. Чита, 1977. С. 236.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ XXXIII Горно-Алтайская областная конференция КПСС. Горно-Алтайск, 1983. С. 82, 83.

⁷⁰ Горно-Алтайской автономной области 60 лет: Стат. сб. Горно-Алтайск, 1982. С. 41.

⁷¹ ЦГАРТ, ф. 2—1, оп. 9, д. 23, л. 89; оп. 7, д. 37, л. 7, 8.

⁷² Там же, оп. 8, д. 142, л. 4.

⁷³ Там же, оп. 9, д. 16, л. 45.

⁷⁴ ЦДНИИО, ф. 447, оп. 16, д. 26, л. 95, 96

⁷⁵ Там же, д. 32, л. 91, 92.

⁷⁶ Там же, оп. 17, д. 5, л. 5, л. 110—111.

⁷⁷ Там же, д. 19, л. 79.

⁷⁸ Там же, д. 16, л. 3, 5.

⁷⁹ Якутская АССР в условиях развитого социализма. Якутск, 1982. С. 63, 64.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ ГАЧО, ф. 595, оп. 1, д. 44, л. 37, 38.

⁸² Там же, д. 46, л. 28, 32.

⁸³ Ленинская аграрная политика КПСС: Сборник важнейших документов (март 1965—июнь 1978 гг.). М., 1978. С. 642.

⁸⁴ НАРС (Якутия), ф. 3, оп. 248, д. 218, л. 27, 28.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Правда Бурятии. 1976. 13 июня

⁸⁷ Звезда Алтая. 1980. 11 окт.

⁸⁸ ЦГАРТ, ф. 2, оп. 15, д. 4, л. 29.

⁸⁹ См. сноску 53.

⁹⁰ ГАЧО, ф. 447, оп. 24, д. 6, л. 49.

⁹¹ Малинин Е. Д. Использование трудовых ресурсов в народном хозяйстве Горно-Алтайской автономной области. Автореф. дис. ...канд. экон. наук. Новосибирск, 1964. 16 с.

⁹² Балков И. П. Подготовка и закрепление на производстве кадров оленеводства и охотничьего промысла//Региональные вопросы населения и трудовых ресурсов. Якутск, 1980. С. 113.

⁹³ История Сибири. Л., 1969. Т. 5. С. 352.

- ⁹⁴ Маркс К, Энгельс Ф. Собр. соч., изд. II. М., 1964. Т. 22. С. 306
- ⁹⁵ Народное хозяйство Тувинской АССР: Стат. сб. Кызыл, 1971. С. 182; Народное хозяйство Тувинской АССР в одиннадцатой пятилетке: Стат. сб. Кызыл, 1986. С. 117.
- ⁹⁶ ЦГАРТ, ф. 2—1, оп. 8, д. 72, л. 6
- ⁹⁷ ЦГАРТ, ф. 2, оп. 1, д. 3132, л. 158
- ⁹⁸ Там же, д. 3462, л. 22.
- ⁹⁹ Социалистическая Якутия. 1977. 7 апр.
- ¹⁰⁰ Тувинская правда. 1980. 5 сент.
- ¹⁰¹ НАРБ, ф. 1, оп. 31, д. 4, л. 25; ПАЯО, ф. 3, оп. 215, д. 27, л. 19.
- ¹⁰² Правда Бурятии 1974 19 нояб
- ¹⁰³ Правда Бурятии 1975 8 янв.
- ¹⁰⁴ НАРБ, ф. 1, оп. 33, д. 17, л. 69
- ¹⁰⁵ Проблемы развития Саянского территориально-производственного комплекса Абакан, 1987. С. 143
- ¹⁰⁶ ЦГАРТ, ф. 1, оп. 3, д. 31, л. 12
- ¹⁰⁷ Проблемы развития Саянского производственно-территориального комплекса. Абакан, 1987. С. 143.
- ¹⁰⁸ ГАЧО, ф. 168, оп. 17, д. 11, л. 8, 10.
- ¹⁰⁹ ГАЧО, ф. 57, оп. 36, д. 10, л. 29, 30, 57
- ¹¹⁰ ГАЧО, ф. 168, оп. 21, д. 6, л. 1, 11.
- ¹¹¹ ГАЧО, ф. 57, оп. 4, д. 1, л. 44, 45.
- ¹¹² ГАЧО, ф. 168, оп. 28, д. 1, л. 8.
- ¹¹³ Забайкальский рабочий. 1976 18 янв
- ¹¹⁴ Правда Бурятии. 177. 1 янв.
- ¹¹⁵ Земля сибирская, дальневосточная. 1969. № 7. С. 50; История Якутской АССР. Якутск. 1972. Т. 3. С. 332.
- ¹¹⁶ НАРС (Якутия), ф. 3, оп. 237, д. 19, л. 12, 13.
- ¹¹⁷ Памя Ленин. 1978. 9 февр.
- ¹¹⁸ Правда Бурятии 1978. 2 июля.
- ¹¹⁹ ЦГАРТ, ф. 2, оп. 11, д. 31, л. 70, 71
- ¹²⁰ Тувинская правда. 1979 27 июня.
- ¹²¹ Натаев П. А. Ранние рассветы Улан-Удэ, 1978. С. 24, 25.
- ¹²² Любославский А. Селу нужны механизаторы Иркутск, 1978. С. 39.
- ¹²³ Там же С. 40; Тихонов Н. И. Социально-экономические проблемы якутской деревни. Якутск, 1980. С. 148.
- ¹²⁴ Сельское хозяйство Бурятии на пути интенсификации. М., 1984. С. 72; Социалистическая Якутия. 1982, 13 мая.
- ¹²⁵ Советская Хакасия. 1988, 18 мая
- ¹²⁶ Рандалов Ю. Б. Изменение социальной структуры села национальных районов Сибири в условиях развитого социализма. Новосибирск, 1980. С. 102
- ¹²⁷ Правда 1970. 29 марта.
- ¹²⁸ XXXIV Горно-Алтайская областная конференция КПСС. Горно-Алтайск, 1985. С. 93.

УКРЕПЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ КОЛХОЗОВ И СОВХОЗОВ И РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

УСПЕХИ И НЕДОСТАТКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СЕЛА ТЕХНИКОЙ

Предшествующие рассматриваемому периоду годы принесли значительные изменения в техническое оснащение совхозов и колхозов национальных автономий. Здесь, в прямом смысле слова, на смену плугу на конной тяге, серпу и мотыге пришли тракторы, комбайны, автомашины, доильные агрегаты. Все шире в производстве стало применяться электричество. В то же время происходившие изменения: усилившийся после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС приток на село средств, значительное сокращение налогов, подъем целинных и залежных земель, реорганизация МТС и передача техники колхозам (февраль 1958 г.) — в полной мере не решили вопросов укрепления материально-технической базы колхозов и совхозов. Об этом было заявлено на декабрьском (1958 г.) Пленуме ЦК КПСС, который, подводя итоги первого года семилетки (1959—1965 гг.), отметил оживление деятельности колхозов и совхозов, но в то же время вынужден был заявить, что в обеспечении техникой сельхозпредприятий, особенно ее ремонте и хранении, имелись серьезные упущения и недоработки¹.

Недостатки, отмеченные в решении пленума, имели место и в национальных автономиях Сибири. Поэтому выводы, сделанные пленумом, явились толчком в выработке на местах планов по их ликвидации, определенную задач по дальнейшему укреплению материально-технической базы колхозов и совхозов на 1960 г. и на перспективу.

Постановление пленума ЦК КПСС было обсуждено на пленумах областных и районных комитетов партии, партийных собраниях колхозов и совхозов всех автономий. В принятых постановлениях большое внимание было обращено на

необходимость повышения производительности труда, внедрения комплексной механизации в производственные процессы, устранения недостатков в ремонте, эксплуатации и хранении техники. В решении пленума Горно-Алтайского обкома партии ставилась, например, задача превратить совхозы области в образцовые хозяйства по механизации сельскохозяйственного производства².

В порядке исполнения этого решения в области приступили к разработке проектной документации по строительству в с. Майма мотороремонтного завода. В колхозах и совхозах изыскивались средства на строительство гаражей и крытых площадок для хранения техники, формировалась ремонтная база, создавались ремонтные бригады.

Большое значение в укреплении материально-технической базы колхозов* национальных районов Сибири имело постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 января 1961 г. «О мерах по дальнейшему укреплению экономики и финансового состояния колхозов»³. По данному постановлению колхозам предоставлялась льгота по подоходному налогу, колхозы освобождались на 1961—1965 гг. от обложения налогом 80% доходов от реализации всех видов скота, птицы, молочных продуктов. Кроме того, с 1 февраля 1961 г. снижались действующие цены на запасные части к тракторам, грузовым автомашинам и сельскохозяйственным машинам, продаваемым колхозам, в среднем на 40%. Были снижены цены на бензин. ЦК КПСС и Совет Министров предоставили право Советам Министров союзных республик по согласованию с Министерством финансов СССР произвести отсрочку платежей колхозов на приобретенную ими в МТС технику, помещения и оборудование на сумму 262 млн рублей.

В результате принятых мер колхозы и совхозы получили дополнительные ресурсы и стимулы для укрепления своей материально-технической базы. К примеру, экономический эффект, полученный колхозами Горно-Алтайской автономной области от снижения цен на запасные части, отсрочки платежей и т. д., в 1962 г. составил 6 млн рублей, что больше всех денежных доходов сельского хозяйства области в 1953 г.⁴

Из года в год росли капитальные вложения в сельскохозяйственное производство национальных автономий Сибири. Так, вложения в сельское хозяйство Бурятской АССР за

* В начале рассматриваемого периода колхозы, как уже отмечалось, были преобладающей формой организации сельскохозяйственного производства.

1961—1965 гг. составили 145,6 млн руб., в том числе государственные — 91,4 млн руб. и колхозные 54,2 млн руб.⁵ Однако, несмотря на значительный рост, вложения полностью не покрывали быстро увеличивавшихся потребностей сельскохозяйственного производства, большую долю которых съедали расходы на обустройство сел. В структуре сельскохозяйственных основных производственных фондов, например, в 1965 г. преобладали здания административно-культурного назначения, производственные сооружения и складские помещения для временного хранения. В Бурятии они составляли 45,8%. Второе место занимал продуктивный скот—23,8%, а наиболее активная часть основных фондов, оказывавшая решающее влияние на повышение производительности труда (машины и оборудование), лишь третье место — 21,7%. В Тувинской АССР соответственно 30,3, 30,5, 20,2%⁶.

Наряду с капитальными вложениями укрепление материально-технической базы колхозов и совхозов шло за счет увеличения поставок национальным автономиям сельскохозяйственной техники. Так, количество тракторов в колхозах Горного Алтая с 1960 по 1965 г. увеличивалось с 868 до 1322 физических единиц, в Якутии соответственно с 1392 до 2711 физических единиц⁷. Нарастали темпы поставки на село другой техники. В Туве количество грузовых автомобилей за эти годы выросло с 1024 до 1703, в Бурятии соответственно с 2026 до 2486 автомобилей⁸.

Однако поворотным моментом в осуществлении планов быстрого укрепления материально-технической базы колхозов и совхозов национальных автономий Сибири явился мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС, который рассмотрел вопрос «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства».

По решению пленума стала применяться новая система закупок сельскохозяйственных продуктов, резко увеличилось государственные финансовые вливания в сельское хозяйство, были списаны задолженности колхозов по долгосрочным ссудам на приобретение техники в МТС. Например, с колхозов Турачакского района Горно-Алтайской автономной области было списано долгосрочных ссуд на сумму 99 тыс. руб.⁹ От повышения закупочных цен после мартовского Пленума ЦК КПСС колхозы и совхозы Бурятии только в 1965 г. получили дополнительно свыше 7 млн руб.¹⁰

В последующие годы поставка техники на село нарастала. Увеличивалось государственное финансирование сельскохозяйственного производства, что в решающей степени способ-

**Фондовооруженность труда одного среднесписочного работника
сельскохозяйственного производства за год, руб.**

Территории	Годы				
	1965	1970	1975	1980	1985
РСФСР	1587	2621	4621	8200	12205
Бурятская АССР	3418	3865	5492	9000	12240
Тувинская АССР	2078	3021	5394	8104	11171
Якутская АССР	3156	3648	8463	11300	12717
Горно-Алтайская а. о.	2622	3463	4948	7126	11975

ствовало материальному укреплению колхозов и совхозов, росту их фондовооруженности (табл. 3)¹¹.

Данные таблицы показывают довольно быстрый рост фондовооруженности труда во всех автономиях. Вместе с тем эти же данные вырисовывают интересную деталь. Если в начале рассматриваемого периода фондовооруженность труженика села в национальных автономиях превосходила те же показатели по РСФСР (это понятно: климатические, географические и другие условия в автономиях сложнее, и это учитывалось), то в конце показатели фондовооруженности не только по темпам прироста, но и абсолютной величине в ряде автономий уступали аналогичным показателям по РСФСР, хотя климат, отдаленность и прочее остались прежними. Это ставило тружеников села сибирских автономий в неравные условия, создавало предпосылки для миграционных процессов.

Наряду с ростом фондовооруженности сельскохозяйственного труда, постоянно увеличивались неделимые фонды колхозов. Так, в Тувинской АССР неделимые фонды колхозов возросли с 29,4 млн руб. в 1965 г. до 44,8 млн руб. в 1975 г., в Горно-Алтайской автономной области с 24 млн руб. в 1965 г. до 61,8 млн в 1975 г., до 75,6 млн в 1980 г. и до 97,7 млн руб. в 1985 г.¹² В среднем на один колхоз в Бурятской АССР неделимые фонды выросли с 1708 тыс. руб. в 1965 г. до 3564 тыс. руб. в 1980 и до 5 млн руб. в 1985 г. В целом же производственные фонды и оборотные средства всех сельскохозяйственных предприятий республики выросли с 1975 по 1985 г. с 749

млн руб до 1362 млн¹³, что по темпам роста несколько уступало предшествующему десятилетию.

Довольно быстрыми темпами увеличивалось количество техники. Если в 1965 г. в среднем на один колхоз Горно-Алтайской автономной области приходилось 9 тракторов, в 1975 г. — 27, в 1980 г. — 33, то в 1985 г. было 43 трактора. Количество грузовых автомобилей увеличилось с 14 в 1965 г. до 40 в 1985 г. В целом по области количество тракторов возросло с 1965 по 1985 г. с 1322 до 3595 штук. В Тувинской АССР количество тракторов за эти же годы возросло на 401 единицу, а их суммарная тяговая мощность увеличилась в 4 раза¹⁴.

Росло количество техники в других автономиях Сибири. Количество комбайнов за рассматриваемые годы в ряде национальных автономий уменьшилось, причиной чему послужили, с одной стороны, более производительные возможности комбайнов новых образцов, с другой — сокращение посевов зерновых культур.

Наращение поставок сельскохозяйственной техники в колхозы и совхозы автономий продолжалось на протяжении всего рассматриваемого периода. В то же время в ходе выполнения этой задачи происходили качественные изменения. Так, особенностью девятой (1971—1975 гг.) и еще в большей степени десятой пятилеток стал переход к обеспечению села комплексами сельхозмашин и оборудования, благодаря чему колхозы и совхозы постепенно стали переходить к полной механизации наиболее трудоемких работ в земледелии и животноводстве. Например, в Бурятской АССР механизация работ в земледелии выросла: при выращивании овощей и картофеля с 42% в 1965 г. до 85% в 1980 г. и 97% в 1985 г.; заготовке сена соответственно с 55% до 95% и 99%; копке картофеля с 57% до 89% и 93% к 1985 г., был полностью механизирован цикл работ по возделыванию зерновых. Но в то же время уборка овощей была механизирована только на 21%¹⁵. В Якутской АССР при практически полной механизации возделывания картофеля, кошения всех видов растений на сено и зеленый корм скоту было механизировано лишь на 33% в 1965 г., 55% в 1980 г., 67% в 1985 г.¹⁶ В Горном Алтае механизация сенокосения поднялась с 31% в 1965 г. до 82% в 1980 г. и 86% в 1987 г., стогование сена соответственно с 18% до 46% и до 80% в 1987 г. в колхозах и на несколько более высокий процент в совхозах¹⁷.

Наряду с полеводством процесс механизации стал проникать на животноводческие фермы колхозов и совхозов, агропромышленные комплексы. Однако здесь достижения были значительно ниже. Например, механизированная раздача кормов крупному рогатому скоту на фермах Бурятской АССР в 1985 г. достигала только 30%, очистка помещений — 43% от имеющегося поголовья¹⁸. В Якутской АССР механизация поения скота выросла с 23% в 1965 г. до 75% в 1985 г. Очистка скотных дворов от навоза соответственно с 0,5% до 30%¹⁹. В Горном Алтае доение коров было механизировано на 6,5% в 1965 г., 11,8% в 1980 г., 35% в 1985 г. в колхозах и соответственно на 16,4, 51,3, 83% в совхозах. Очистка помещений от навоза возросла с 0,7% до 2,3% в колхозах и с 0,1% до 31% в совхозах²⁰.

Разница в уровне механизации в колхозах и совхозах Горного Алтая была связана с местными условиями содержания скота, с традициями и бытом населения. Так, в Кош-Агачском, полностью колхозном районе, ведущей и основной отраслью было овцеводство. Крупный рогатый скот был относительно малочисленным и содержался, как правило, в старых, не приспособленных для механизации помещениях. В Майминском, совхозном районе, наоборот, ведущей отраслью было разведение крупного рогатого скота. Здесь больше строили новых скотопомещений, интенсивнее применялась механизация.

В то же время, говоря об отдельных успехах в механизации животноводства, следует отметить, что в целом ряде его отраслей, особенно отдельных операций, применялся исключительно ручной труд. Так, ческа козьего пуха, производство которого в Горном Алтае составляло большую часть этой ценной продукции по РСФСР в целом, осуществлялась исключительно ручным способом. Вручную происходило снятие пантов с маралов и оленей и их первичная обработка. Не дошла механизация до овцеводов, оленеводов, коневодов, яководов и верблюдоводов, отары, табуны, стада которых находились на отдаленных пастбищах, выпасах, тебеневке.

Плохо на протяжении всего рассматриваемого времени во всех национальных автономиях Сибири решались вопросы полной (комплексной) механизации животноводства. Так, комплексная механизация на фермах крупного рогатого скота Бурятской АССР составляла в 1975 г. только 3% к общему поголовью, в 1980 г. поднялась до 10%, в 1985 г. до 22%²¹. В

Якутии в 1980 г. комплексной механизацией было охвачено только 4% от общего поголовья крупного рогатого скота²².

Главными причинами подобного положения прежде всего являлись некомплексная поставка механизмов, финансовые трудности, уровень готовности к полной механизации животноводческих помещений, наличие специалистов. Как правило, механизировали что-то одно: доение, приготовление кормов, их раздачу, поение или уборку навоза. Остальные виды работ выполнялись вручную. Но введение механизации только одного вида работ влекло за собой повышение нормы выработки, а значит, еще больших физических усилий, расширение фронта работ на других, еще не механизированных участках. Это приводило к незаинтересованности работников ферм, к снижению оплаты труда, к повышению себестоимости получаемой продукции.

Следует также иметь в виду откровенно слабую службу по эксплуатации и ремонту задействованного оборудования, отсутствие, особенно в первые годы рассматриваемого периода, достаточного количества подготовленных специалистов по эксплуатации и ремонту дорогостоящих механизмов. Частые поломки из-за неквалифицированного обслуживания оборудования, длительные простои в их работе из-за отсутствия запасных частей также являлись причинами неэффективного использования механизмов. Все это вызывало недовольство работников ферм, снижало производительность труда, удорожало сельскохозяйственную продукцию, приводило к снижению эффективности сельскохозяйственного производства колхозов и совхозов.

В целом уровень механизации на животноводческих фермах национальных автономий Сибири значительно уступал этим же показателям по СССР и Российской Федерации. Если механизированная подача воды на животноводческих фермах страны в 1985 г. охватывала 92% поголовья крупного рогатого скота, по РСФСР — 93%, то в Тувинской АССР — 65%, в Горно-Алтайской автономной области — 38%. Раздача кормов — соответственно 58, 57, 45, 21%. Уборка навоза — 84, 80, 53, 29%²³.

Наряду с увеличением капитальных вложений, поставок на село новой техники, важнейшее значение для развития материально-технической базы сельскохозяйственного производства имело резкое увеличение потребления колхозами и совхозами электроэнергии. Одним из исходных пунктов в решении

этой проблемы стало известное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об электрификации сельского хозяйства СССР в 1961—1965 гг.*» Это постановление имело неординарное значение уже потому, что оно позволяло подключить колхозы к государственным электросетям, а также к тягловым подстанциям электрифицированных участков железных дорог. В целях обеспечения колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных потребителей электроэнергии от государственных электростанций был утвержден план строительства линии электропередач для электрификации сельского хозяйства на 1961—1965 гг.²⁴

Подключение к государственным электролиниям колхозов было проведено во всех национальных районах Сибири, что принесло им заметную экономическую выгоду. Резко увеличилось потребление электроэнергии в производственных целях. В 1959 г. в колхозах, совхозах, РТС Якутской АССР работало 265 электростанций, общей мощностью 9350 кВт/ч. Электроэнергия в основном потреблялась на осветительные цели²⁵. В 1965 г. потребление электроэнергии на производственные цели в расчете на одного работника сельского хозяйства Якутии составило 161 кВт/ч; в 1970 — 751 кВт/ч; в 1980 г. — 2729 кВт/ч²⁶. Несмотря на значительное сокращение числа колхозов в Бурятской АССР, суммарное потребление ими электроэнергии возросло с 16,7 млн кВт/ч в 1960 г. до 86,5 млн кВт/ч в 1980 г., в том числе только на производственные цели с 8,0 млн кВт/ч до 78,5 млн кВт/ч²⁷. В Тувинской АССР потребление электроэнергии колхозами и совхозами увеличилось только на производственные цели с 2352 тыс. кВт/ч в 1960 г. до 518 млн кВт/ч в 1985 г.²⁸ Быстрому росту потребления электроэнергии в Туве и Хакасии способствовало строительство электростанций на Енисее. Увеличение потребления электроэнергии имело место во всех автономиях. Благодаря этому быстрыми темпами росла энерговооруженность труда сельскохозяйственного производства автономий Сибири. Только за счет прироста потребляемой электроэнергии в Горном Алтае она возросла к 1980 г. по сравнению с 1965 г. в 2, в Якутии в 3,8 раза²⁹.

* Совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об электрификации сельского хозяйства СССР в 1961—1965 гг.» было принято как конкретное претворение в жизнь решений январского (1961 г.) Пленума ЦК КПСС, рассмотревшего вопрос «О мерах по дальнейшему укреплению экономики и финансового состояния колхозов».

В то же время потребление электроэнергии в сельскохозяйственном производстве национальных автономий отставало от других районов Российской Федерации, что прямо сказывалось на энерговооруженности колхозников и рабочих совхозов. Если в 1961—1965 гг. среднегодовая энерговооруженность одного работника села в РСФСР составляла 7,9 л. с.; в 1966 — 1970 гг. — 11,4 л. с.; в 1971 — 1975 гг. — 18,1 л. с.; в 1976 — 1980 гг. — 29,5 л. с.; в 1981 — 1985 гг. — 38,3 л. с., то в Бурятской АССР соответственно 9,3, 13,6, 19,7, 27,9, 34,5 л. с., в Тувинской АССР за 1961 — 1965 гг. данные не выявлены, а далее соответственно 12,2, 16,2, 24,2, 25,4 л. с. В Якутской АССР — 5,1, 8,1, 20,7, 24,3 л. с.³⁰. В других автономиях энерговооруженность была несколько ниже или соответствовала этим параметрам.

Приведенные данные показывают более медленные темпы прироста энерговооруженности в национальных автономиях по сравнению с общероссийскими, что свидетельствует как о снижении внимания центральных органов власти к селу национальных автономий, так и о неполном использовании местными органами власти имевшихся возможностей. Практически во всех автономиях слабо работали отделения «Сельхозтехники», поставлявшие на село сельскохозяйственные машины, удобрения, горючесмазочные материалы, запасные части и другие производственно-технические товары. Не везде была введена практика полнокомплектного и частично агрегатного ремонта тракторов, автомобилей, комбайнов и другой техники. Слабо наращивался объем работ по монтажу оборудования на сельхозобъектах, далеко не все они были обеспечены электроэнергией³¹.

И тем не менее в целом процессы электрификации, механизации и машинизации колхозно-совхозного производства, создания ремонтной базы в национальных районах Сибири шли. Имело место строительство новых и ремонт старых животноводческих помещений. Например, в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе только за годы девятой пятилетки было построено животноводческих помещений для крупного рогатого скота на 20926 голов, кошар — на 22450 овец, свинарников — на 33620 голов³². В Тувинской АССР за годы восьмой — десятой пятилеток построено помещений для крупного рогатого скота на 58,5 тыс. голов, на 26,9 тыс. голов свиней, на 892,6 тыс. голов овец и коз, на 287 тыс. мест птицы. В одиннадцатой пятилетке соответственно на 22,2; 2,1;

232,2; 106,0 тыс. мест³³. В Горно-Алтайской автономной области за годы девятой и десятой пятилеток было построено коровников и телятников на 22066 голов, овчарен (кошар) — на 530,1 тыс. голов, птичников — на 43 тыс. мест³⁴. Строительство продолжалось и в последующие годы. Только за один 1987 г. было введено в строй действующих 12 новых скотопомещений для крупного рогатого скота на 2300 голов, 6 новых кошар, 9 реконструировано.

В Бурятской АССР межколхозные строительные организации в 1966 — 1970 гг. собственными силами выполнили объем работы на сумму 20614 тыс. руб.; в 1971 — 1975 гг. ими было освоено 48976 тыс. руб.; в 1976 — 1980 гг. — 62308 тыс. руб.; в 1981 — 1985 гг. они вместе с другими строительными организациями республики построили животноводческих помещений для крупного рогатого скота на 57,7 тыс. голов, свинарников — на 22 тыс. скотомест, кошар — на 220 тыс. овец³⁵.

Но и строительство производственных помещений к быстрому углублению механизации сельскохозяйственного производства не привело. В укреплении материально-технической базы колхозов и совхозов также имелись крупные недостатки. Нередкими были случаи, когда вместо положенного срока тракторы и другие сельскохозяйственные машины списывались в два-три раза быстрее. Например, за 1965 — 1967 гг. колхозы и совхозы Бурятской АССР приобрели 2138 тракторов, за это же время по разным причинам списали 1434. Зерновых комбайнов получили 835, а вышло из строя 941. Силосных комбайнов приобрели 245, списали 471. Часто имевшаяся в хозяйствах высокопроизводительная техника использовалась не на полную мощность. На начало 1970 г. в колхозах и совхозах Бурятской АССР имелось 170 доильных агрегатов, из которых было установлено 124, а в эксплуатации находилось только 46. Не выполнялся план механизации трудоемких работ. Например, в том же году в этой республике план по механизации доения был выполнен только на 18%, водопоения на 39%, навозоудаления на 43%³⁶. Плохо использовались капиталовложения. Так, за девятую пятилетку (1971 — 1975 гг.) объем капвложений в сельское хозяйство этой республики по сравнению с предыдущей пятилеткой возрос на 51%, а рост валовой продукции за это же время составил только 11%. Основные средства шли на закупку все новой и новой техники, хотя использование ее находилось на низком уровне, падала сменная выработка тракторов. Даже

такие энергонасыщенные тракторы, как К-700 и К-701, работали в среднем всего 157 дней в году. Недостаточно внимания и средств уделялось строительству объектов растениеводства и кормопроизводства. В 1976 г. на эти цели было израсходовано 6,2% и 4,5%, в 1980 г. соответственно 8,8% и 0,9% от общего наличия средств³⁷.

В Якутской АССР, например, в 1973 г. крупный рогатый скот содержался в 1360 помещениях, из которых только 477 были построены по типовым проектам, 68% скота размещалось во временных помещениях, приспособленных под коровники. В 1981 г. положение с размещением скота в этой республике изменилось мало. Свыше 100 тыс. голов скота продолжало размещаться во временных постройках³⁸.

Кроме того, недостатки в более полном обеспечении колхозов и совхозов техникой имели объективные причины. Машин, тракторов, другого сельскохозяйственного оборудования выпускалось мало. Часто оно было низкого качества. Не соблюдались пропорции в производстве различных видов машин и особенно машин для борьбы с эрозией почв, новых методов обработки пашен, работы в горных районах. Не был решен вопрос изготовления необходимого количества прицепных и навесных орудий труда к таким энергонасыщенным тракторам, как К-700. По подсчетам специалистов, оптимальная норма стоимостного соотношения между силовыми и рабочими машинами должна была составлять 1 : 3, их реальное соотношение в 70-х гг. в среднем равнялась 1 : 1,4³⁹. Отсюда поставка их на село была неравномерной, а использование крайне неэффективным.

Недостатки в развитии материально-технической базы, медленный рост механизации трудоемких работ становились особенно ощутимыми в специфических природно-климатических условиях национальных районов Сибири, где самой природой predetermined необходимость значительно больших затрат энергоресурсов на ведение сельскохозяйственного производства по сравнению с европейской частью страны. Так, в условиях Якутской АССР коэффициент удорожания сметной стоимости строительства составляет 3,5 — 4,0; формирования основного стада продуктивного и рабочего скота 2,0; а внедрение комплексной механизации во все отрасли сельского хозяйства и выполнение всех полевых работ в лучшие агротехнические сроки требует доведения энерговооруженности труда до 30 — 40 л. с. на одного работающего⁴⁰. Для работы

в горных условиях требуются специальные тракторы и сельскохозяйственные машины. Использование, например, в Горном Алтае техники, предназначенной для работы на равнинной местности, на 30—35% менее эффективно, при этом горючего расходуется больше⁴¹.

Все это, несмотря на постоянный приток новой техники, тормозило претворение в жизнь задач углубления механизации сельскохозяйственного производства, объективно препятствовало успешному выполнению задач, поставленных перед сельским хозяйством. Существенную роль в этом играли условия, в которые были поставлены колхозы и совхозы. С одной стороны, выполняя общую задачу на дальнейшее укрепление, они энергично оснащались новой техникой. С другой — отсутствие общей, конкретно разработанной концепции дальнейшего развития, например, колхозного производства, многочисленные перестройки, устаревшие законы и инструкции относительно прав, обязанностей, уровня самостоятельности колхозов в решении финансово-хозяйственных вопросов, сводившаяся на нет предприимчивость тружеников села, малоэффективная система заинтересованности колхозников и целый ряд других причин не давали возможности колхозам развернуться на полную мощь, претворить в жизнь многие перспективные цели и задачи. На обеспечении колхозов и совхозов новой техникой, механизмами, горючесмазочными материалами постоянно сказывалось их географическое местонахождение, чрезмерная отдаленность, отсутствие не только местных железнодорожных, но для ряда автономий (Якутия, Горный Алтай) и подъездных путей; слаборазвитая дорожная сеть вообще⁴².

К причинам торможения развития сельскохозяйственного производства следует отнести и то, что в обеспечении колхозов и совхозов техникой не удалось своевременно ликвидировать в масштабах государства диспропорции в производстве различных видов машин и механизмов, особенно приспособлений для борьбы с эрозией почв, новых методов работы в горных условиях, на тяжелых и своеобразных почвах Забайкалья и Якутии, Горного Алтая и Тувы. Следует также отметить как элемент торможения директивно-плановые, часто не отвечавшие запросам реальной жизни установки и приказы по расходованию капитальных средств. Капитальные вложения направлялись в первую очередь не на увеличение заготовки кормов, строительство крытых токов и элеваторов,

местных перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию предприятий и модулей, создание нормальных бытовых условий для тружеников села, а на строительство дорогостоящих, как правило, не оправдывавших себя сооружений для скота.

Главной же, на наш взгляд, причиной слабой эффективности громадных капиталовложений было то, что все эти мероприятия проводились в жизнь, не затрагивая общественно-экономических основ, самой социально-политической структуры нашего общества.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРУЖЕНИКОВ КОЛХОЗОВ И СОВХОЗОВ ПО ПОВЫШЕНИЮ ПЛОДОРОДИЯ ЗЕМЕЛЬ И УКРЕПЛЕНИЮ КОРМОВОЙ БАЗЫ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЖИВОТНОВОДСТВА

Сельскохозяйственное производство национальных районов Сибири развивалось в русле общесибирских и союзных тенденций, однако имело и свои особенные черты, во многом определявшие как позитивные, так и негативные стороны процесса. Об этом, например, свидетельствует увеличение площадей пашни и посевов зерновых культур. По времени они, как в целом по стране и Сибири, непосредственно связаны с годами интенсивного освоения целинных земель. В Сибири в целом площадь посевов сельскохозяйственных культур за 1951 — 1960 гг. возросла более чем на 10 млн га (или на 82,7%), а в последующие рассматриваемые годы сократилась на 0,5 млн га (на 4,5%)⁴³. В Бурятской АССР в 1958 г. все посевные площади составляли 592 тыс. га, в 1960 г. — 638 тыс. га, в 1963 г. — 800 тыс. га, а в 1964 г. — только 789 тыс. га, в 1966 г. — 785 тыс. га, в 1986 г. — 794 тыс. га; в Тувинской АССР — соответственно 171, 280, 394, 366, 293 тыс. га⁴⁴.

Значительное расширение посевных площадей было явлением не случайным. С одной стороны, оно определялось заданиями сверху (выполнение плана подъема целинных и залежных земель), с другой — стремлением местных органов власти противостоять капризам природы и любой ценой удержаться на достигнутом уровне по получению продукции животноводства.

Период с 1961 по 1965 г. был для Сибири в целом, в том числе ее национальных районов, по погодным условиям крайне неблагоприятным. В 1962, 1963 и 1965 гг. основные земледельческие районы подвергались жесточайшей засухе, причем в 1963 г. засуха в Сибири (особенно Западной) была

сильнейшей за последние 100 лет, что привело к значительно-
му сокращению продукции сельского хозяйства, с другой
стороны, как отмечалось выше, к расширению посевных пло-
щадей.

Вместе с тем как в центре, так и на местах уже в начале
60-х гг. стало осознаваться, что дальнейший прогресс сель-
скохозяйственного производства невозможен без перехода на
использование средств интенсификации. Как показывают
приведенные данные о размерах посевных площадей, 1963 г.
стал переломным в осознании путей развития полеводства.
В качестве мер развития сельского хозяйства в национальных
автономиях можно назвать более производительное исполь-
зование земельных ресурсов, бережное к ним отношение, ме-
роприятия по повышению плодородия земель. Например,
учитывая допущенную на больших площадях в начале 60-х
гг. ветровую и водную эрозию почв, большинство колхозов и
совхозов национальных районов начали смелее вводить про-
грессивные изменения в системы земледелия, в способы обра-
ботки почв, отходить от шаблонных методов решения агро-
технических вопросов, решать эти проблемы с учетом природ-
но-климатических, почвенных и других условий своих хо-
зяйств и их подразделений.

Эти перемены были связаны прежде всего с решениями
мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС*. Важной вехой в
решении проблем земледелия в рассматриваемые годы явился
майский (1966 г.) Пленум ЦК КПСС, на котором в плане
претворения в жизнь решений мартовского (1965 г.) Плену-
ма ЦК КПСС был рассмотрен вопрос «О широком развитии
мелиорации земель для получения высоких и устойчивых уро-
жаев зерновых и других сельскохозяйственных культур». Ре-
шениями пленума предусматривались значительные средства
для проведения этих работ. Четко определялись права и обя-
занности партийных, советских и хозяйственных органов вла-
сти, а также, с учетом природно-климатических особенностей
различных зон страны, рекомендовались разнообразные фор-
мы мелиоративных работ: орошение, осушение, обводнение

* Чтобы правильно осознать место решений партийных структур в
ходе государственной хозяйственной культурной и т. д. деятельности, не-
обходимо постоянно помнить: 1) партия (КПСС), независимо от того,
как к этому мы сейчас относимся, до 1977 г. де-факто, а с 1977 г. кон-
ституционно признавалась ведущей и направляющей силой нашего об-
щества 2) в стране существовал и жесткий централизм.

земель, строительство прудов и водоемов, создание орошаемых пастбищ и сенокосов, расчистка покосных угодий от кустарника и кочек, уборка камней, борьба с водной и ветровой эрозией почв и др.

Руководствуясь решениями пленума, партийные, советские, хозяйственные органы, руководство колхозов и совхозов разработали конкретные мероприятия, формы борьбы с эрозией почв, повышения урожайности, расширения производства зерна, заготовки кормов для общественного поголовья скота, совершенствования работы по улучшению землеспользования.

В Бурятии материалы майского (1966 г.) пленума ЦК КПСС рассматривались на специально созванном III пленуме обкома КПСС 12 августа 1966 г. Согласно решению этого пленума в Бурятской АССР была произведена структурная реорганизация управления сельскохозяйственным производством. В республике создавалось Министерство мелиорации и водного хозяйства. На базе разрозненных строительно-монтажных управлений организовывался специализированный трест «Бурводстрой». Для дальнейшего освоения работ оросительных и осушительных систем были созданы механизированные отряды, оснащенные необходимой техникой. Кроме того, в колхозах и совхозах создавались лугомелиоративные отряды для проведения коренного и поверхностного улучшения обработки лугов⁴⁵.

В Якутской АССР отдел мелиорации и водного хозяйства при Совете Министров Якутской АССР преобразовывался в Министерство мелиорации и водного хозяйства республики, а при нем организовывалось управление эксплуатации оросительных и осушительных систем⁴⁶. Создавались новые машинно-мелиоративные станции (ММС) в Вилюйском, Ленинском и Алексеевском районах. Специализированное строительно-монтажное управление (СМУ), «Якутводстрой» реорганизованы в трест «Якутмелиоводстрой», а с начала 1970 г. все ММС и СМУ этого треста были преобразованы в передвижные механизированные колонны (ПМК)⁴⁷, что предполагало повышение их самостоятельности, эффективности использования техники, результативности работы. В строй вводились новые оросительные системы и осушенные площади. Только в Бурятской АССР за десять лет после майского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС колхозы и совхозы получили 206 тыс. га новых орошаемых земель, 26,6 тыс. га осушенных. На площади 40,6 тыс. га

были реконструированы старые оросительные системы, обводнены пастбища на 508 тыс. га⁴⁸. В Якутии площадь орошаемых земель увеличилась с 1,7 тыс. га в 1965 г. до 2,2 тыс. га в 1970 г., 12,2 тыс. га в 1975 г., 22,5 тыс. га в 1980 г., до 27,5 тыс. га в 1986 г.⁴⁹ В Горно-Алтайской автономной области площади орошаемого земледелия выросли буквально с нескольких га в начале рассматриваемого периода до 4,6 тыс. га в 1975 г., 7,8 тыс. га в 1980 г. и до 9,3 тыс. га в 1981 г.⁵⁰

В 1963 г. по инициативе партийных органов в г. Абакане был создан Восточно-Сибирский государственный институт по проектированию водохозяйственного и мелиоративного строительства «Востоксигипроводхоз», в задачу которого ставились работы по изысканию и разработке проектной документации на новые площади орошаемых земель, реконструкцию существовавших систем орошения лугов и пастбищ Хакасии, а также Бурятской, Тувинской и Якутской АССР, в Красноярском крае, Иркутской и Читинской областях⁵¹.

Однако принимаемые решения далеко не всегда приводили к желаемым результатам. Основной причиной такого положения было парадоксальное, на первый взгляд, явление: документы вышестоящих органов, и в первую очередь партийных, были обязательными для нижестоящих структур. Такая установка исполнялась всегда. Однако это исполнение выливалось в основном в обсуждение, принятие решений, разработку заданий и своевременные рапорты вышестоящим инстанциям о проделанной работе. Реальное исполнение принятых решений далеко не всегда соответствовало плановым заданиям. Причин этому было много. Главной из них была — распыленность, множественность форм власти — партийные (местные), советские, хозяйственные, профсоюзные, даже комсомол были ответственны за выполнение принятых решений. Все они, в свою очередь, принимали постановления, указания, инструкции, циркуляры. В этом бумажном вихре терялась сама суть постановления. Действительно хорошие и нужные для развития сельского хозяйства решения попросту забалтывались.

В силу этого сельскохозяйственные массивы, в орошение которых были вложены огромные средства, эксплуатировались неудовлетворительно. Подготовленные для орошения пашни, покосы, луга в силу тех или иных причин оставались без полива. Такая ситуация имела место, например, в Бурятской АССР, где в хозяйствах только Баргузинского района урожайность картофеля по этой причине в среднем за годы

девятой пятилетки (1971 — 1975 гг.) снизилась на поливных землях на 16,1%, овощей — на 42,1%, сена с поливных лугов — на 11,2%.

Если в 1965 г. в Бурятии было орошено 168,5 тыс. га пригодных для этого земель, то в 1970 г. — 165,8 тыс. га, в 1980 г. — 159,1 тыс. га, в 1985 г. — 156,5 тыс. га⁵². В Тувинской АССР использование орошаемых земель соответственно составляло в 1965 г. — 59,1 тыс. га, в 1975 г. — 65 тыс. га, в 1980 г. — 51,3 тыс. га, в 1985 г. — 52 тыс. га⁵³. Нередко урожаи на орошаемых землях были такими же, как на богарных землях.

Другим направлением в выполнении поставленных задач повышения плодородия почв, увеличения урожаев сельскохозяйственных культур в национальных автономиях Сибири, столкнувшимся с теми же трудностями, была борьба с ветровой и водной эрозией почв. Началом активной работы в этом направлении в национальных автономиях Сибири явилось совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О неотложных мерах по защите почв от ветровой и водной эрозии»⁵⁴, вышедшее в свет в марте 1967 г.

Неплохих результатов в выполнении поставленных задач добились многие хозяйства национальных автономий Сибири. Успешной в этом направлении была работа колхозов и совхозов Агинского Бурятского автономного округа, пашни которого в силу особых климатических условий в значительной степени были подвержены ветровой эрозии. Колхозы и совхозы этой автономии стали интенсивно применять полосную систему земледелия, безотвальную обработку почв, особые методы посевов и обработки зерновых и овощных культур. Была проведена большая организационно-разъяснительная работа. В полеводстве была внедрена звеньевая (отрядная) система с аккордно-премиальной оплатой труда механизаторов⁵⁵.

Большой вклад в разработку и внедрение новой организации труда по выращиванию хлеба в засушливых условиях Забайкалья внесло полеводческое звено колхоза «Россия» Могойтуйского района Агинского Бурятского автономного округа, руководила которым заслуженный агроном Российской Федерации, лауреат Государственной премии 1986 г. Валентина Ивановна Стафеева. Во всем Забайкалье колхозы и совхозы стали использовать опыт агинцев по обработке подверженных эрозии почв⁵⁶. Освоение научно обоснованной систе-

мы земледелия с противоэрозийной организацией работы, включавшей в себя полосную обработку земли, оправдавшие себя в местных условиях севообороты, стремительные темпы весенне-полевых работ, закладку полезащитных лесных полос, залужение легких по механическому составу почв, позволяло колхозам и совхозам получать ежегодно высокие урожаи сельскохозяйственных культур⁵⁷.

Значительную помощь в разработке и осуществлении почвозащитных мер сельхозпредприятиям автономий оказывали научные учреждения страны. Примером такой связи науки и сельскохозяйственного производства может служить опыт внедрения научного обследования системы землеустройства в совхозе «Россия» Хакасской автономной области.

Партком и дирекция этого хозяйства обратились к ученым г. Красноярска с просьбой помочь им разработать научно обоснованные меры борьбы с эрозией. В мае 1966 г. в совхозе состоялось заседание научно-технического совета Министерства сельского хозяйства РСФСР с участием ведущих специалистов министерства, практиков местного сельскохозяйственного производства и работников научно-исследовательских учреждений Бурятии, Воронежской, Ростовской, Читинской областей, Красноярского и Ставропольского краев. Совет выработал конкретные меры борьбы с эрозией и подготовил план работы для внутрихозяйственного использования колхозами и совхозами Восточной Сибири⁵⁸.

В 1967 г. в Хакасской автономной области полностью закончилось обследование почв на предмет выявления эрозийно-опасных площадей. В выявленных эрозийно-опасных районах проводились землеустроительные работы, вводилась противоэрозийная обработка земли. В 1968 г. на площади 290 тыс. га была введена система полосного размещения посевов, 67 тыс. га были обработаны противоэрозийными орудиями труда, 125 тыс. га зерновых засеяны стерневыми сеялками, значительно сократилась отвальная обработка почвы⁵⁹.

Вопросы борьбы с эрозией почв продолжали оставаться в поле зрения руководящих органов власти Хакасии, как и других автономий Сибири и в последующие годы. Им посвящались заседания бюро и пленумов обкомов и райкомов партии, на которых, как правило, подвергалось критическому анализу положение дел в сельскохозяйственном производстве, в том числе в ходе борьбы с эрозией почв⁶⁰.

Однако уровень руководства борьбой с эрозийными явлениями в национальных автономиях был далеко не одинаков. Об этом шла речь на бюро Хакасского обкома партии 13 ноября 1974 г., где рассматривался вопрос «Об организаторской работе парткома совхоза «Тейский» по улучшению использования резервов производства и усиления режима экономики». Как выяснилось на бюро обкома партии, партком и дирекция совхоза не сумели мобилизовать трудовой коллектив на использование имевшихся резервов производства по повышению урожайности полей (в 1974 г. урожай по совхозу составил 9,6 ц с га), медленно внедрялись севообороты, агротехника возделывания полей не в полной мере учитывала необходимость решительной борьбы с эрозией почв. Эти проблемы очень редко выносились на обсуждение, что привело к их игнорированию и забвению⁶¹.

В полной мере все эти недостатки показал трудный по погодным условиям 1974 г. Именно в это время всем стало ясно, что принимавшиеся меры по повышению культуры земледелия далеко не достаточны, что ряд относительно благополучных в климатическом отношении лет внес элементы успокоенности в работу партийных организаций не только колхозов и совхозов, но и вышестоящих партийных организаций, снял остроту необходимости постоянной борьбы с эрозией почвы. Именно по этой причине совхоз «Тейский» в 1974 г. выполнил годовой план по зерну на 42%, а в целом по Хакасии особенно четко обозначилось необоснованное сокращение объема противоэрозийных мероприятий, в то время как процесс дефляции (разрушения рыхлых пород под действием ветра) почв не прекратился, а в ряде хозяйств продолжал нарастать. В области не выполнялся план полосного размещения сельскохозяйственных культур, безотвальной обработки почвы, а стерневыми сеялками засеивалось не более 1/5 пашни⁶².

Причиной такого положения кроме отмеченных следует считать так и не наладившееся обеспечение колхозов и совхозов национальных автономий Сибири специализированными для борьбы с эрозией почв машинами и другими орудиями труда. Такое положение приводило к полумерам, когда в одном хозяйстве безотвально пахали, в другом применяли стерневые сеялки, в третьем — специальные бороны, в четвертом — катки и т. д., но отсутствие комплектности в применении техники не давало необходимого эффекта, да и не могло не сказаться на результатах работы.

Нельзя сказать, чтобы этого не понимали на местах. Более того, местные партийные организации и хозяйственные органы предпринимали конкретные шаги для сосредоточения всей этой (противоэрозийной) техники в одном или нескольких местах, чтобы вести всю данную работу в комплексе. Так, Усть-Ордынский Бурятский окружком партии и исполком окружного Совета в одном из своих совместных постановлений даже определили конкретные для этой цели хозяйства: «Ангарский», «Баяндаевский», «Харетский», «Олойский» совхозы и колхоз «Ленинградский рабочий». Однако из-за общей нехватки противоэрозийной техники, неувязки и имущественных неурядиц между хозяйствами передача и сосредоточение техники затянулись, и в целом в десятой пятилетке (1975 — 1980 гг.) данное решение партийных и советских органов желаемых результатов не принесло⁶³.

Аналогичное положение имело место и в других автономиях Сибири. Например, в Агинском Бурятском автономном округе в 1975 г. комплексно почвозащитными машинами и орудиями было обработано 65 тыс. га, в 1978 г. — 129 тыс. га, но и это составило только 57% всей посевной площади. И хотя отдельные хозяйства округа, такие как колхоз им. Кирова, совхоз «Улан-Одон», в комплексе используя почвозащитную технику, постоянно добивались устойчивых урожаев (например, в 1978 г. они собрали по 21 ц с га зерновых при 15—16 ц в среднем на округу), поставка почвозащитной техники в округ из года в год срывалась. В 1979 г. в целом на Читинскую область, в состав которой входил округ, поставили всего 50 плоскорезов КППГ-250 и КППГ-2-150, культиваторов КПЗ—9, сеялок — 258, хотя этого количества техники едва хватило бы для обработки в комплексе 1/5 посевной площади только округа⁶⁴. Эрозия почвы продолжалась.

Следующим из важнейших направлений претворения в жизнь интенсификации сельскохозяйственного производства национальных районов явилась мера по его химизации. Сразу следует отметить, что вопрос химизации сельскохозяйственного производства национальных автономий Сибири, особенно в первые годы рассматриваемого периода, был по ряду причин субъективного и объективного порядка достаточно новым и требовал к себе большого внимания всех органов власти. Например, даже в 1965 г. в расчете на 1 га посевов по Западной Сибири в целом применялось всего 2 кг, по Восточной Сибири 5 кг минеральных удобрений в действующем

веществе. Для сравнения в этом же году по СССР поставки сельскому хозяйству минеральных удобрений составляли 28,5 кг/га, а, например, на Украине — 38,8, в Белоруссии — 76,7 кг/га⁶⁵.

Подобное положение с использованием химических удобрений совершенно противоречило данным практики и компетентному мнению ученых о большой эффективности химических удобрений в земледелии Сибири вообще и ее национальных районов, в частности, тем не менее потребление минеральных удобрений на га пашни на протяжении всего рассматриваемого времени в автономиях резко отставало от аналогичных показателей по РСФСР и СССР в целом. Кроме того, вследствие низкой земледельческой культуры и неистощенности еще в то время почв основных пашенных массивов сибирское сельское хозяйство в целом и крестьянство национальных автономий, в частности, мало (особенно в начале рассматриваемого периода) применяло и органические удобрения (в 1965 г. по Сибири всего 0,7 т/га)⁶⁶

Такое положение не могло не сказываться отрицательно на урожайности сельскохозяйственных культур, имело негативные последствия, вело к обеднению почв. Например, за 1960—1972 гг. колхозами и совхозами Бай-Тайгинского, Дзун-Хемчикского районов Тувы было получено 341,1 тыс. т зерна, на производство которого растениями из почвы было изъято 26282 т питательных веществ, или 4,2 ц в расчете на 1 га посевной площади. За это время в почву было внесено 353,6 тыс. т органических и 7,61 тыс. т минеральных удобрений. В них содержалось 8015 т питательных веществ, или в расчете на площади, занятые посевами, 1,27 ц на 1 га, т. е. в 3,3 раза меньше того, что вынесено только зерновыми⁶⁷. Если учесть вынос минеральных веществ кормовыми и пропашными культурами, вымывание водой и выветривание, то фактические потери питательных веществ окажутся еще большими.

Исходя из этого, нужны были радикальные перемены, новые методы руководства сельскохозяйственным производством. Нельзя сказать, как показывают многочисленные документы, что партийные, советские, хозяйственные органы не занимались этими проблемами. Практически не проходило ни одного пленума или бюро райкома, окружкома, обкома партии, сессии Советов всех уровней, особенно после 1974 г., на которых не рассматривались бы эти вопросы. Более того, руководство районов, округов, областей и автономных респуб-

лик Сибири в целом компетентно оценивало создавшееся положение и достаточно профессионально определяло их причины. К ним в первую очередь относили неудовлетворительное использование земли, слабую работу партийных, советских, профсоюзных организаций, хозяйственных органов в организации работы, способствующей получению высоких урожаев, откровенно слабую работу руководителей хозяйств и специалистов по внедрению севооборотов, системы противоэрозийной борьбы, применения удобрений и, конечно, природно-климатические условия⁶⁸.

Однако выход из создавшегося положения у местного руководства был традиционным: ждать указаний сверху; констатировать, фиксировать имеющиеся факты; применять на местном уровне кадровые передвижки; в лучшем случае создавать новые конторы, учреждения, объединения. Так, в Тувинской АССР в девятой пятилетке было образовано республиканское производственное объединение по агрохимическому обслуживанию сельского хозяйства, которое, по мнению обкома партии, должно было стать главным проводником культуры земледелия, повышения плодородия земель и урожайности сельскохозяйственных культур⁶⁹.

Кроме того, многочисленные решения партийных и советских органов показывают, что руководство излишне много останавливалось на имевшихся отдельных достижениях, часто не доходило до вскрытия глубинных причин низкого уровня развития сельскохозяйственного производства. И, даже выявив их, чаще всего останавливались на уровне констатации. Так, X пленум Усть-Ордынского окружкома КПСС, проходивший 22 февраля 1973 г. и рассмотревший вопрос «Итоги декабрьского (1968 г.) Пленума ЦК КПСС и задачи окружной партийной организации», проводил сравнение результатов работы, находившихся в одинаковых природно-климатических условиях двух соседних хозяйств: колхоза им. Чапаева и совхоза «Баяндаевский», где за 5 лет (1968—1972 гг.) средняя урожайность зерновых по колхозу составляла 20 ц, а по совхозу — 11,3 ц с га. Пленум установил причины подобного положения, которые крылись прежде всего в отношении к земледелию. В колхозе им. Чапаева были введены и освоены севообороты. Все работы, связанные с обработкой почвы, проводились в лучшие агротехнические сроки и с высоким качеством, ежегодно высевались только районированные семена I и II класса. В 1971 г. колхоз им. Чапаева имел 90%

площади майских паров, совхоз «Баяндаевский» — только 43%. Под урожай 1973 г. в колхозе было подготовлено 100% паров, в совхозе — только 21%. Количество внесенных под урожай органических удобрений в колхозе в 5 раз превышало тот же показатель совхоза «Баяндаевский»⁷⁰.

Приводя подобные данные, пленум, однако, не сумел подняться до крупных обобщений. Разговор остался разговором, уровень культуры и земледелия в округе не только с годами не повышался, но и по отдельным направлениям стремительно падал. Например, удобренная органикой посевная площадь Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в 1970 г. составляла 260533 га, а в 1975 г. — 230999 га; сократилось внесение минеральных удобрений на 1 га пашни с 35 кг в 1970 г. до 24 кг в 1975 г. И как результат произошло понижение урожайности сельскохозяйственных культур. Если среднегодовая урожайность зерновых по округу за годы восьмой пятилетки (1966 — 1970 гг.) составляла 13,8 ц с га, то в девятой пятилетке (1971—1975 гг.) она снизилась до 12,7 ц с га⁷¹. Положение дел в годы десятой (1976—1980 гг.) и одиннадцатой (1981—1985 гг.) пятилеток изменилось незначительно. Мало чем отличалось положение в других автономиях.

В силу отмеченных причин на безотвальную вспашку, щелевание зяби, применение других приемов передовой агротехники переходили только отдельные колхозы и совхозы. Низким повсеместно оставалось применение химических и органических удобрений. Оно значительно отставало от аналогичных показателей по Союзу ССР и РСФСР. Если в 1980 г. в среднем по СССР на 1 га приходилось 83,9 кг минеральных удобрений, по РСФСР — 67,5 кг, то в Бурятии, республике с более развитым полеводством, было внесено только 30,4 кг минеральных удобрений на 1 га пашни⁷².

Наряду с проблемами использования удобрений, современная агрокультура немыслима без хорошо поставленной службы семеноводства. Теоретически это понимали руководители всех уровней национальных автономий Сибири. Вопросы, связанные с семеноводством, периодически рассматривались на всех уровнях партийной, советской и хозяйственной власти. Но это было теоретически. Практически же даже утвержденные как семеноводческие, не все хозяйства располагали необходимой материальной базой и достаточно квалифицированными кадрами. Многие из них не выполняли планы производства и продажи семян. Это при-

водило, например, к тому, что, скажем, хозяйства Усть-Ордынского Бурятского автономного округа ежегодно высевали до 20—25% некондиционных семян. Сортовые посевы зерновых в округе, например, в 1978 г. в среднем составили 83%, из них районированных было только 71%⁷³.

Такое положение складывалось в округе, ставившемся своими зерноводческими хозяйствами. Колхозы и совхозы других национальных районов вынуждены были завозить вовсе не районированные семена — нередко с Украины, Северного Кавказа и Прибалтики.

Но и в таких условиях отдельные хозяйства добивались неплохих результатов в развитии полеводства. Успешно из года в год трудился колхоз «Родина» Кяхтинского района Бурятской АССР.

Высоких урожаев добивались колхозы «Искра» Мухоршибирского, «Маяк» Улан-Удэнского районов. На наш взгляд, основная причина высоких трудовых достижений этих и многих других хозяйств кроется в людях, в уровне воспитательной и организаторской работы на местах; в той позиции, какую занимали рядовые труженики, партийные организации этих колхозов и совхозов. Это подтверждает анализ протоколов партийных собраний, заседаний парткома колхоза «Маяк» Улан-Удэнского района. Так, из протокола общего партийного собрания этого хозяйства от 31 января 1966 г. видно, что наряду с констатацией результатов работы за 1965 г. (хозяйство полностью рассчиталось с государством по хлебу, мясу, произошло увеличение поголовья крупного рогатого скота и т. д.) главное внимание было уделено еще не решенным задачам. В протоколе собрания отмечено недостаточное внимание партийной организации к хозяйственным делам колхоза. Особой строкой в резолюции собрания выделены вопросы полеводства. Поставлена конкретная задача: с целью экономического роста хозяйства принять меры по дальнейшему расширению посевных площадей, особенно под зерновые культуры за счет освоения новых земель. Подчеркнута необходимость улучшения культуры земледелия, правильного использования минеральных и органических удобрений, повышения всего комплекса работ по внедрению семеноводства. В решение партийного собрания внесено требование о необходимости создания специализированных звеньев в полеводстве и назначении ответственных исполнителей за проведение этих работ.

На заседании парткома этого же хозяйства в феврале 1966 г. был рассмотрен единственный вопрос, но это был

вопрос «О состоянии подготовки к весеннему севу и хранения техники в колхозе». Вопросы о ходе весенне-полевых работ, об организации массово-политической работы на период весеннего сева, о мероприятиях правления колхоза по выполнению решений партийных собраний были рассмотрены на заседании парткома колхоза в апреле 1966 г.

Проводились совместные заседания парткома и правления колхоза. Так, в повестке дня заседания 24 мая 1966 г. стояло два вопроса, но они опять же полностью относились к полеводству. Первым был рассмотрен вопрос об усилении партийного влияния во второй и третьей бригадах (бригады полеводческие), а вторым был рассмотрен вопрос о неудовлетворительном состоянии технического обслуживания механизаторов на весеннем севе⁷⁴.

Активно строила свою работу партийная организация и в последующие годы. Например, общее партийное собрание колхоза «Маяк» 10 августа 1971 г. рассмотрело вопрос об авангардной роли коммунистов на уборке урожая. Собрание приняло решение, состоявшее всего из четырех пунктов. Четвертый пункт требовал от всех коммунистов личным примером поднять колхозников на успешное проведение уборочных работ. Решения носили конкретный характер. На каждый вид работы назначался ответственный⁷⁵.

Однако в силу ряда причин правления хозяйств, их партийные организации работали неодинаково, в результате чего итоги труда колхозов и совхозов при одинаковых возможностях были разными. Например, колхоз «Родина» Кяхтинского района Бурятии, как уже отмечалось выше, из года в год выращивал высокие урожаи зерновых. Даже в крайне тяжелом по климатическим условиям 1974 г. в этом хозяйстве был собран урожай по 16,5 ц с га, а рядом, в колхозе «Дружба», урожай зерновых на 5—6 ц с га был меньше. Такая же картина складывалась в колхозах «Искра» и «Знамя Ленина» Мухоршибирского района, хозяйствах Селегинского и других районов⁷⁶.

Партийные, советские, хозяйственные органы, анализируя результаты работы колхозов и совхозов, районов, областей, республик, приходили к выводу о том, что чаще всего причинами подобного положения являлась слабая организаторская деятельность*.

* На решающее значение организации и политического воспитания в свое время указывал В. И. Ленин. В дальнейшем их роль партия возвела в абсолют,

Так, в Якутской АССР на сеноуборку 1968 г. было запланировано привлечь 27000 человек. Однако в силу разных причин на покос вышло 23173 человека⁷⁷. Необязательность в выполнении принятых решений, слабая экономическая заинтересованность, отсутствие прямых экономических стимулов проявились в этой же республике в создании постоянно действующих, комплексно механизированных звеньев по уходу за покосными угодьями и заготовке грубых кормов. В ряде районов их формированию не придавалось должного значения, хотя мобильные, небольшие по численности группы людей добивались лучших результатов работы. Именно в таких звеньях, например, в 1973 г. заготавливали по 130—140 т высококачественного сена на каждого члена звена, при этом снижали его себестоимость до 1,8—2,22 руб. за ц, при средней себестоимости по республике 3,5—3,7 руб.⁷⁸ Игнорирование опыта лучших, вместе с общим низким уровнем агротехнических работ приводило к значительным потерям урожая. В Усть-Алданском, Орджоникидзевском, Намском районах урожай трав и сбор сена из-за отмеченных недостатков были почти в два раза ниже, чем в среднем по республике⁷⁹.

Выявляя и анализируя причины подобного положения, партийные, советские, хозяйственные органы противопоставляли им ставшие традиционными, партийно-политические мероприятия и организационно-административные решения. Из года в год имевшиеся недостатки прорабатывались на бесконечных заседаниях бюро, открытых партийных собраниях отделений, бригад, колхозов и совхозов, мобилизовывались партийно-комсомольские силы. Так, в 1976 г. в совхозе им. Ленина Усть-Алданского района на заготовку кормов предусматривалось привлечение 77% членов КПСС и 78% комсомольцев совхоза. Были назначены 55 политинформаторов и агитаторов, созданы партийно-комсомольские и депутатские группы контроля.

Однако партийные организации отделений совхоза не смогли претворить в жизнь разработанный парткомом совхоза план. Организационно-партийные мероприятия, не подкрепленные материальной заинтересованностью исполнителей, скованных многочисленными инструкциями, ограничивавшими самостоятельность хозяйств, оставались невыполненными. Созданные на отделениях звенья приступили к сенокосным работам неорганизованно и с большим опозданием. Не выполнялся график работы по закладке силоса и сенажа, не были выполнены задания по огораживанию сенокосных угодий, что в ряде случаев привело к их стравливанию⁸⁰.

Отсутствие четкой организации, нарушения трудовой дисциплины приводили к снижению культуры земледелия, значительному запаздыванию с началом сенозаготовок, несвоевременной обработке почвы, безответственному отношению к ремонту и эксплуатации техники, нехозяйственному использованию минеральных и органических удобрений. Так, в 1976 г., имея огромные запасы органических удобрений, совхозы Амгинского района Якутской АССР им. Аммосова, «Хатын-Арынский», им. Горького внесли на 1 га посева картофеля по 6—8 т, а совхозы «Лена», им. Субурусского вообще не вносили⁸¹. Аналогичное положение имело место и в других национальных районах Сибири.

Наряду с отмеченными организационными недостатками в налаживании сельскохозяйственных работ, имели место и такие нарушения требований агротехники, как несвоевременная вспашка зяби. Так, наукой и практикой установлено, что в условиях Тувинской АССР зябь дает хорошие урожаи, когда ее поднимают при температуре почвы 10 — 12 градусов тепла, но со взметом зяби в хозяйствах республики постоянно задерживались. В 1980 г. на начало сентября, т. е. в лучшие сроки, было поднято только немногим более 7 тыс. га из запланированных 145,9 тыс. га⁸².

Нарушение сроков взмета зяби вместе с так и не наладившимся обеспечением колхозов и совхозов сортовыми, районированными семенами зерновых и овощных культур, трав, отсутствием четкой работы семеноводческих хозяйств и своевременной обработки семян непосредственно в хозяйствах явилось причиной того, что заметного роста сборов зерна в национальных районах Сибири не произошло (табл. 4)⁸³.

Данные табл. 4 показывают, что наряду с заметным увеличением производства зерна в Бурятской и Тувинской АССР, Агинском Бурятском автономном округе, в других автономиях в производстве зерна имел место спад или незначительное его увеличение. Кроме того, практически во всех национальных автономиях Сибири наблюдался большой перепад сбора зерна по годам, что свидетельствует о прямой зависимости зерноводческой отрасли хозяйств от погодных условий. Колхозы и совхозы за достаточно продолжительный (25 лет) отрезок времени в полной мере не научились погодным капризам противопоставлять свое умение, технику, достижения науки.

Создавшееся положение приводило к значительному увеличению поставок зернофуража и комбикормов в национальные районы Сибири из государственных фондов, что усложня-

Производство зерна в национальных автономиях Сибири (тыс. т)

Национальные автономии	Год					
	1960	1965	1970	1975	1980	1985
Бурятская АССР	302	408	497	659	183	558
Тувинская АССР	137	149	208	85	148	222
Якутская АССР	24	28	21	46	27	20
Горно-Алтайская а. о.	36	34	47	40	48	50
Хакасская а. о.	337	115	524	350	322	387
Агинский Бурятский авт. округ	50	28	29	114	82	171
Усть-Ордынский Бурятский автономный округ	466	414	513	454	340	423

ло и без того напряженное положение с зерном в стране. Так, чтобы обеспечить благополучную зимовку скота в 1978 г., хозяйствам Бурятии государство выделило 166 тыс. т, в 1979 г. — 200 тыс. т зернофуража. В Горном Алтае ежегодно от 15 до 30% фактического расхода кормов покрывалось за счет государственных зерновых ресурсов⁶⁴.

Изыскивая пути решения сложной кормовой проблемы, колхозы и совхозы национальных районов Сибири уделяли постоянное внимание развитию луговодства, совершенствованию и окультуриванию пастбищ. Значительный интерес в решении этих задач представляет опыт хозяйств Бурятии, где было широко распространено создание механизированных лугомелиоративных отрядов и звеньев. Здесь стали возрождать и с успехом использовать богатый опыт местного крестьянства по выращиванию высоких урожаев трав на сенокосных угодьях. Практическую помощь в этом колхозам и совхозам оказывали местные ученые-селекционеры, луговоды, агрономы.

Учеными республики М. А. Рампиловой, А. Г. Давыдовым, Н. С. Хребтовым, А. М. Останиным была разработана эффективная система ведения лугопастбищного хозяйства, включавшая в себя такие элементы повышения интенсивности использования лугов, как поверхностное и коренное улучшение, орошение, удобрение и развитие травосеяния. На основе опы-

та передовых луговодов и рекомендаций науки в республике осуществлялись действенные меры по подъему луговодства. Только за годы девятой пятилетки было улучшено 120 тыс. га лугов, введено в эксплуатацию 10 тыс. га долголетних пастбищ. Площади посевов многолетних трав увеличились более чем на 30 тыс. га. В результате только этих мер валовой сбор сена из сеяных трав за годы девятой пятилетки увеличился в 1,7 раза, а производство грубых кормов в целом — на 16%, что позволило укрепить кормовую базу для общественного поголовья, а в ряде хозяйств, в том числе в колхозах «Сибиряк» Тункинском, «Заганский» Мухоршибирского районов и некоторых других, создать гарантированный запас кормов⁸⁵.

Важное значение в деле обеспечения грубыми кормами общественного поголовья имело начинание хозяйств Селенгинского района в Бурятии в использовании опыта знатного луговеда республики В. А. Герасимова. С 1972 г. в этом районе стали создаваться вблизи маточных отар овец небольшие огороженные так называемые «герасимовские» участки. Практическая ценность этого опыта состоит в том, что строительство постоянных приотарных кормовых участков в непосредственной близости от мест стоянок овец позволяло не только удачно решать проблему их обеспечения грубыми кормами, но и привлечь для заготовки кормов все силы чабанских бригад, сократить затраты на транспортировку, устранить обезличку в использовании кормов. Опыт селенгинцев был широко распространен по всей республике и за ее пределами⁸⁶.

Постепенно, начиная с 1965 г., в колхозах и совхозах национальных автономий Сибири шло расширение посевов кормовых культур; в том числе сеяных трав. Изгоняемые из севооборота в годы семилетки, они снова стали занимать достойное место, существенно пополняя кормовую базу для общественного поголовья скота (табл. 5)⁸⁷.

Цифры, приведенные в табл. 5, свидетельствуют о том, что в сибирских автономиях шел процесс выхода из непосредственной зависимости от природных условий. Расширение посевных площадей кормовых культур позволяло хоть в какой-то степени гарантировать обеспечение общественного поголовья кормами. Вместе с тем сокращение посевных площадей по годам, а в Хакасской автономной области и в целом, говорит о больших трудностях в решении этого вопроса.

Однако внедрение более прогрессивных форм организации труда в полеводстве шло в автономиях по-разному. Так, в

Посевные площади кормовых культур в национальных автономиях Сибири (тыс. га)

Национальные автономии	Год				
	1965	1970	1975	1980	1985
Бурятская АССР	248,3	245,6	243,0	372,9	338,5
Тувинская АССР	94,3	113,2	106,5	120,6	125,6
Якутская АССР	26,6	177,7	24,4	42,6	59,5
Горно-Алтайская а о	61,5	65,7	85,1	100,0	108,6
Хакасская а. о.	63,7	45,9	49,9	54,3	53,8

годы одиннадцатой пятилетки в колхозах Агинского Бурятского автономного округа была введена звеньевая и отрядная организация труда с оплатой за конечную продукцию, что позволило внедрить короткоротационные севообороты, расширить паровой клин, совершенствовать безотвальную технологию обработки почвы, улучшить естественные кормовые угодья на площади 27488 га, освоить 6314 га долголетних культурных пастбищ, довести площади орошаемых и мелиорируемых земель до 2100 га. Все это позволило за пятилетку на 60% увеличить производство кормов⁸⁸.

В других автономиях, наоборот, в значительной степени были сданы завоеванные ранее позиции. В Бурятии, как следует из данных вышеприведенной таблицы, посевные площади кормовых культур в конце рассматриваемого периода несколько сократились. В целом положение дел с заготовкой кормов в этой республике в одиннадцатой пятилетке вперед практически не продвинулось, что было отмечено в решениях XXIII областной партийной конференции в январе 1986 г. Во многих хозяйствах Бурятии кормопроизводство в самостоятельную отрасль выделено не было и по-прежнему велось примитивно⁸⁹.

Несмотря на разнообразие климатических, географических, исторически сложившихся национальных особенностей организаций производства в других автономиях, как показывают приведенные в разделе данные, достижения в полеводстве, заготовке кормов для общественного поголовья скота также были неадекватными вкладывавшимся средствам. Сложившаяся десятилетиями система хозяйствования на селе без

радикальной перестройки, в том числе основополагающих приоритетов: форм собственности; отношений с центром, правовых вопросов отношений товаропроизводителей с государством и т. д., поставленных задач выполнить не могла.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОГОЛОВЬЯ СКОТА. ДИНАМИКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

В валовой продукции сельского хозяйства национальных автономий Сибири основное место занимало животноводство. Деятельность тружеников колхозов и совхозов в годы семилетки (1959—1965 гг.) принесла следующие результаты. Поголовье крупного рогатого скота в Бурятской АССР с 375 тыс. голов увеличилось до 429 тыс. В Тувинской АССР со 124 тыс. до 165 тыс. В Якутской АССР произошло снижение поголовья с 372 тыс. до 348 тыс. В Горно-Алтайской и Хакасской автономных областях имел место рост поголовья соответственно со 142,9 тыс. до 169,2 тыс. и со 180,3 тыс. до 191,8 тыс. голов. Несколько возросло поголовье крупного рогатого скота в автономных округах. Количество овец и коз в Бурятской АССР увеличилось с 1400 тыс. до 1419 тыс. голов; в Тувинской АССР с 641 тыс. до 746 тыс. В Горно-Алтайской и Хакасской автономных областях соответственно с 787,8 тыс. до 943 тыс. и с 827,9 тыс. голов до 1137,8 тыс. Имелся прирост поголовья овец в Усть-Ордынском автономном округе. В Агинском Бурятском автономном округе было допущено сокращение поголовья овец⁹⁰.

Заметный вклад в развитие животноводства вносили передовики сельскохозяйственного производства. Герой Социалистического Труда О. Лопсанчап, чабан колхоза «30 лет Октября» Тувинской АССР, из года в год получал от каждой сотни овцематок закрепленной за ним отары более 100 ягнят. В 1960 г. благодаря опыту, применению передовой технологии содержания овец он добился рекордного выхода молодняка — по 162 ягнёнка от каждой сотни овцематок. Прославилась трудовыми подвигами чабан колхоза «Победа» Бай-Тайгинского района Тувы У. Ш. Кандан. Тысячи овец вырастила эта замечательная труженица. Почти ежегодно она получала от сотни овец по 150—160 ягнят, настригала больше других шерсти, сдавала полновесных овец. 9 марта 1960 г. за выдающиеся заслуги и трудовые достижения матери-героине Уруле Шыыра-

повне Кандан первой среди женщин Тувы было присвоено звание Героя Социалистического Труда⁹¹.

По всей Бурятии славилась своими делами Героин Социалистического Труда доярки племенной фермы колхоза им. К. Маркса П. Жалсанова и Д. Цырендоржиева, которая первой в зоне Сибири и Дальнего Востока еще в 50-х гг. выдавала свыше 5 тыс. литров молока от каждой закрепленной за ней коровы. Высоких результатов труда добивались не только отдельные животноводы. Были примеры высокопроизводительного труда целых трудовых коллективов. Так, из года в год добивался высоких производственных показателей коллектив колхоза им. К. Маркса. Ряд животноводов этого хозяйства по результатам труда в годы семилетки были награждены орденами СССР. Руководителю колхоза, многие годы возглавлявшему этот коллектив, Ж. Б. Ванкееву было присвоено звание Героя Социалистического Труда⁹². В развитии животноводства Бурятской АССР, как и других автономий, в рассматриваемые годы важную роль играло социалистическое соревнование*. Например, в 1962 г. из 31 тыс. человек, занятых в сельском хозяйстве Бурятской АССР, соревновались 19,2 тыс., что составляло 61,8% всех тружеников села этой республики. К концу семилетки число соревновавшихся расширилось. Само соревнование принимало разнообразные формы. Распространенным было движение за звание бригад и ударников коммунистического труда⁹³. Все это, вместе с увеличением фондовооруженности, некоторым продвижением вперед в деле укрепления материально-технической базы колхозов и совхозов позволило в начале рассматриваемого периода в Бурятской АССР увеличить поголовье скота, добиться роста животноводческой продукции.

По-иному складывалась обстановка с поголовьем скота в Якутской АССР. Начиная с 1960 г. поголовье крупного рогатого скота постоянно росло вплоть до 1963 г. В 1960 г. его насчитывалось 248,7 тыс. голов, в 1963 г. — 264,8 тыс. голов. Затем, в силу различных причин, накопившихся в условиях нескончаемых перестроек, организационных неурядиц, слабой заинтересованности работников колхозов и совхозов в высокопроизводительном труде, исключительно неблагоприятных погодных условий 1964 г., когда работникам живот-

* Социалистическое соревнование в рассматриваемые годы продолжало играть важную роль внеэкономического стимулятора производственной активизации тружеников села. Оживляемое всеми формами пропаганды и агитации, оно охватило подавляющее число колхозников и рабочих совхозов, было действенным средством повышения производительности труда.

новодства, всем привлеченным в помощь селу горожанам не удалось собрать даже минимального количества кормов для скота, произошло сокращение поголовья. Только коров за 1964 г. пало более 6 тыс. голов⁹⁴. Однако поголовье оленей и лошадей было сохранено. Возросла их доходность. Удельный вес оленеводства в доходах хозяйств Анабарского, Оленекского, Жиганского, Томпонского районов Якутии составлял до 60—80%. Высоких производственных показателей ежегодно добивались Герой Социалистического Труда И. К. Спиридонов, кавалер ордена Трудового Красного Знамени И. М. Кытласов, кавалер ордена Ленина Д. К. Туприн. В 1965 г. Д. К. Туприн от каждой сотни важенок получил по 82,9 голов молодняка (тугутов), сохранение молодняка довел до 97,9%⁹⁵.

В Якутии в годы семилетки стала успешно развиваться наиболее скороспелая отрасль животноводства — свиноводство. На промышленное производство начало переходить птицеводство. В 1965 г. по проекту Сибгипроинсельстроя началось сооружение первой в Якутии птицефабрики на 50 тыс кур-несушек, рассчитанной на производство 10 млн штук яиц и 1500 ц мяса в год.

Наиболее рентабельной отраслью животноводства большинства автономий Сибири было овцеводство. Высоких показателей в разведении овец добились труженики сел Хакасской автономной области. В 1965 г. поголовье овец Хакасии достигло рекордного для этой автономии уровня и составляло 1 млн 150 тыс. голов. Средний настриг шерсти с одной овцы составлял 4,3 кг. Весомый вклад в развитие овцеводства внесла депутат Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда, старший чабан совхоза «Россия» А. И. Глазко. В 1965 г. она получила от закрепленной за ней маточной отары 135 ягнят от каждой сотни овцематок и по 5 кг шерсти на одну овцу. По 111 ягнят от сотни овцематок и по 5,4 кг шерсти на одну овцу получила Герой Социалистического Труда старший чабан племсовхоза «Московский» Т. В. Окунева⁹⁶. Их трудовая деятельность, как и труд других передовых животноводов, получила высокую оценку. По итогам работы, например, в 1965 г. 471 животноводу Хакасии было присвоено звание «Почетный» или «Лучший» овцевод, механизатор и т. д.*

* Присвоение различных званий лучшим труженикам полей и ферм сибирских автономий входило в систему главным образом морального поощрения. Главной целью хорошо разработанной системы мер поощрения (чаще внеэкономического) было повышение трудовой активности жителей села.

Большое значение для активизации тружеников села имело постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1966 г. «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства»⁹⁷. На основании этого постановления с 1 июля 1966 г. для колхозников вводилась гарантированная оплата труда (деньгами и натурой), что в большей степени соответствовало их интересам, полнее учитывало образ жизни селян. Все колхозы национальных автономий Сибири были переведены на гарантированную оплату труда. По решению правительства РСФСР зарплата чабанов была повышена на 40%, а чабаны, имевшие звание «Мастер овцеводства», получали дополнительную двадцатипроцентную надбавку⁹⁸.

Опираясь на помощь государства* и учитывая появившиеся экономические возможности и стимулы, местные партийные, советские, хозяйственные органы разрабатывали планы дальнейшего развития народного хозяйства в целом, животноводства, как ведущей отрасли национальных районов Сибири, в особенности. Так, партийно-хозяйственный актив Тувинской АССР в апреле 1966 г. определил основные направления республики по выполнению заданий нового пятилетнего плана развития народного хозяйства. Особое место в решениях актива было обращено на дальнейшее развитие животноводства и его основной отрасли — овцеводства, дававшего наибольшие доходы колхозам и совхозам. Удельный вес баранины в общей заготовке мяса по республике в 1966 г. достигал 51,4%, в 1975 г. превысил 60%. Аналогичное положение было в Бурятии, Хакасии, Агинском и Усть-Ордынском автономном округах. В Горно-Алтайской автономной области объем товарной продукции сельского хозяйства, полученного от овцеводства и козоводства в 1975 г., занимал более 50%⁹⁹.

Крупный вклад в дальнейшее развитие овцеводства внесла новая форма организации труда овцеводов. По инициативе партийной организации и дирекции совхоза «Забайкальский» Оловянского района и Цокто-Хангильского колхоза им. XXII партсъезда Агинского Бурятского автономного округа стали создаваться укрупненные хозрасчетные чабанские

* В соответствии с решениями мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС государство повысило закупочные цены на продукцию животноводства. С экономически слабых колхозов были списаны задолженности. Все автономии получили льготные кредиты. Например, на развитие сельскохозяйственных предприятий Якутии в 1965 г. государство выделило 162,4 млн руб.

бригады. Страстным агитатором за новую организацию труда в овцеводстве и непосредственным руководителем по преобразованию этого новшества в жизнь в Цокто-Хангиле был секретарь партийного бюро, главный зоотехник колхоза Дамба-Жалсан Дондоков, которого в 1965 г. колхозники избрали своим председателем. Суть новшества состояла в том, что в каждую укрупненную бригаду объединялись чабаны, обслуживающие несколько отар. За ними закреплялись пастбища, с помощью специалистов разрабатывались плановые задания по сохранности поголовья, получению и выращиванию ягнят, настригу шерсти и получению привесов, а также по производству и заготовке кормов, для чего за бригадой закреплялась необходимая техника, устанавливались лимиты денежных и трудовых затрат, расходов концентратов, кормов и горючего, система премирования. Но, главное, посредством оборудования «красных уголков», включения укрупненных бригад в план обслуживания культбригадами и т. д. удалось значительно улучшить условия культурно-бытового обслуживания животноводов и тем самым привлечь в животноводство молодежь.

Организация укрупненных чабанских бригад, введение в них хозрасчета привели к повышению рентабельности овцеводства в колхозе. Доходы хозяйства выросли с 1,3 млн руб. в 1965 г. до 2,3 млн руб. в 1970 г. С ростом экономики выросло и благосостояние колхозников. За годы только восьмой пятилетки (1966—1970 гг.) колхоз построил более ста жилых домов для животноводов и механизаторов, здание средней школы, детский комбинат, открыл свою музыкальную школу¹⁰⁰.

Внедрение новых форм организации труда и повышение заинтересованности овцеводов, механизация трудоемких процессов, внедрение достижений науки и передовой практики определили существенные изменения в самом характере этой важнейшей отрасли животноводства национальных районов Сибири. Внедрение искусственного осеменения в овцеводстве, уплотненный окот овцематок, зимне-весенний окот, интенсивный откорм овец на мясо, специализация овцеводческих хозяйств позволили вывести в ряде национальных автономий помесь овец улучшенного типа, отличавшихся крепкой конституцией, высоким настригом качественной шерсти и неприхотливостью. В Агинском Бурятском автономном округе была выведена новая забайкальская порода тонкорунных овец. Колхоз им. Кирова Могойтуйского района этого округа, на базе которого проводились селекционные работы,

стал развитым овцеводческим хозяйством. В отаре этого хозяйства насчитывалось около 50 тыс. голов тонкорунных и полутонкорунных овец. Выросла продажа государству продуктов животноводства этого колхоза, округа в целом¹⁰¹.

Усилиями научных работников и передовых овцеводов Хакасской автономной области была продолжена работа по закреплению и дальнейшему развитию породы овец «хакасская тонкорунная». Кропотливой работой овцеводов Тувы, ведущее место среди которых занимали Герои Социалистического Труда О. Лопсанчап, У. Ш. Кандан, передовые чабаны Д. Д. Седем, К. А. Таргы-Оол, основное стадо овец было преобразовано в тонкорунное и полутонкорунное.

Разведение высокопородных овец приносило хозяйствам сибирских автономий дополнительные доходы, создавало возможности повышения материальной заинтересованности овцеводов, улучшения бытовых и производственных условий труда в колхозах и совхозах, приводило к высокой самоотдаче овцеводства. Успешно трудились в Бурятской АССР и добивались устойчивых экономических показателей Герои Социалистического Труда, Г.-С. Г. Цыремпилова, Г. Л. Рабдаев, Ц. Б. Цыденова, передовые чабаны Д. Д. Дуринов, Б. Г. Банзаракцаев, Б.-Н. Г. Гомбожапов и многие другие. Хороших показателей в труде добивались многие овцеводческие хозяйства. Ведущим предприятием в развитии овцеводства в Забайкалье являлся овцеводческий ордена Ленина совхоз «Боргойский». Именно на базе этого хозяйства был выведен новый тип забайкальской породы тонкорунных овец. Автором нового типа овец явился главный зоотехник совхоза, заслуженный зоотехник Российской Федерации В. П. Шантаханов. Совхоз «Боргойский» стал базой по выращиванию племенных овец. Во многом его усилиями формировались отары овец желаемого типа по всей республике.

Совхоз стал не только лабораторией селекционно-племенной работы в овцеводстве, но и кузницей кадров овцеводов. На всю Бурятию в рассматриваемые годы славились имена старейших боргойских чабанов Б. С. Дабаева, Б.-Н. Балданова, Д. Ц. Норбоева, Д. Д. Дуринова. Из поколения в поколение овцеводов передавался их опыт. И, надо сказать, ученики приумножили трудовую славу учителей. Герои Социалистического Труда Г. Л. Рабдаев и Б.-Н. Гомбожапов в свое время учились у Д. Д. Дуринова, а впоследствии намного превзошли достижения учителя. В этом совхозе трудился ставший чемпионом Бурятии по получению ягнят от сотни овцематок Д. Я. Свистунов. В 1971 г. чабанская

бригада во главе с Д. Я. Свистуновым получила по 127 ягнят от каждой сотни овцематок, в 1972 г. — по 134, в 1973 г. — по 156, в 1974 г. — по 151 и в 1975 г. — по 160 ягнят. В то же время показатели по совхозу составляли соответственно 103, 106, 105, 116, 119 ягнят на каждую сотню овцематок. Росло мастерство овцеводов и в других хозяйствах республики. Если в 1960 г. в Бурятии чабанских бригад, получивших по 100 и более ягнят от сотни овцематок, насчитывалось несколько десятков, то в 1971 г. их было 176, в 1972 г. — 191, в 1975 г. — 250, в 1981 г. — 259 бригад¹⁰².

Вместе с тем, на фоне достижений отдельных хозяйств в целом уровень овцеводства в национальных автономиях Сибири оставался низким. На всем протяжении рассматриваемого времени не прекращался массовый падеж овцепоголовья. Так, за 1971 и 1973 гг. только в Джидинском районе Бурятской АССР пало 150 тыс. овец¹⁰³. Десятки и сотни овец ежегодно погибали в Тувинской АССР, Горно-Алтайской и Хакаской автономных областях, в Агинском и Усть-Ордынском Бурятском автономных округах. Особенно большим был падеж молодняка. Не решенные до конца вопросы оплаты овцеводов, меньшая материальная заинтересованность по уходу за молодняком приводили к тому, что ухаживать за ними поручали молодым, малоопытным животноводам, для пастбы таких отар выделялись худшие участки, им отводились менее приспособленные кошары. Отсюда, как правило, 3/4 падежа всех овец приходилось на молодняк.

Не использовался такой важный резерв, как откорм овец перед сдачей на мясокомбинаты. Несоблюдение режима откорма вместо планируемой прибыли приводило к значительным убыткам. Например, в 1975 г. нарушение техники и условий откорма привело в хозяйствах Кяхтинского района к снижению сдаточного веса по сравнению с 1974 г. на 2 кг на каждую голову¹⁰⁴. Из года в год не выполнялись планы по искусственному осеменению овец. Положение усугублялось хронической нехваткой кормов. Причем, положение с кормами в связи с ростом поголовья скота год от года ухудшалось. В результате чего, например, в 1974 г. в Бурятской АССР по отношению к 1965 г. живой вес каждой овцы снизился на 4 кг. Крупные упущения в организации селекционно-племенной работы привели к тому, что даже на базе созданной группы тонкорунных овец, отвечающих местным условиям, овцепоголовье Бурятской АССР не было доведено по качеству до желаемого уровня. Так, в 1978 г. маточное поголовье овец улучшенного типа в республиканском стаде

насчитывало не более 20%. Только на этом республика теряла до 1 тыс. т шерсти в год¹⁰⁵. Все это было труднопреодолимой преградой в дальнейшем росте доходности овцеводства, увеличении поголовья овец. Если в 1960 г. в Бурятской АССР насчитывалось 1591 тыс. овец и коз, то в 1986 г. — 1593 тыс. голов, правда, в 1970 и 1980 гг. их численность поднималась до 1756 и 1721 тыс. голов соответственно. В Агинском Бурятском автономном округе за эти же годы произошло снижение поголовья овец и коз с 862 тыс. голов в 1960 г. до 763 тыс. голов на конец рассматриваемого периода. В других автономиях, занимавшихся овцеводством, имел место рост поголовья¹⁰⁶.

Наряду с овцеводством, как отмечалось ранее, практически все национальные автономии Сибири занимались разведением крупного рогатого скота. Но как в начале рассматриваемого периода, так и в его конце устойчивых, высоких показателей добивались далеко не все колхозы и совхозы. Хорошо трудились скотники-пастухи, доярки, телятницы, механизаторы колхоза «Свобода труда» Улуг-Хемского района Тувы, из года в год получая хорошие привесы на каждую голову колхозного стада крупного рогатого скота¹⁰⁷. В таких хозяйствах национальных районов животноводство становилось рентабельным.

Новая система оплаты труда, введенная после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, улучшение производственных условий труда пробуждали инициативу и заинтересованность тружеников села. Постепенно росли надои молока. Стали появляться целые фермы и хозяйства, в которых удои поднялись и составляли по 2,5 тыс. литров и выше молока в год от каждой фуражной коровы. Например, в Тувинской АССР в 1973 г. колхозы и совхозы в среднем надоили от каждой коровы молока больше, чем в 1970 г., на 161 литр¹⁰⁸. Передовики производства надаивали по 3 и более тыс. литров молока в год, что для Сибири, где традиционно коровы местной породы давали менее тысячи кг молока в год, стало возможным только с разведением помесных пород скота, большой селекционной работы, переводом на улучшенное его содержание и новую форму оплаты труда животноводов.

В 1977 г. в Кабанском районе Бурятской АССР доярки-трехтысячницы выступили с инициативой включиться в социалистическое соревнование за достижение трехтысячного рубежа. Появились целые фермы, а затем и хозяйства, где средний удой на фуражную корову составил 3 тыс. кг и вы-

ше¹⁰⁹. В целом по Бурятской АССР ежегодно производство молока с 1965 по 1985 г. увеличилось со 196 тыс. до 208 тыс. тонн. За эти годы возросло производство молока в Тувинской АССР с 38 до 64 тыс. т; в Якутской АССР со 183 до 250 тыс. т. Неплохих результатов в производстве молока добились Хакасская автономная область и Усть-Ордынский Бурятский автономный округ¹¹⁰.

Опираясь на помощь государства, труженики колхозов и совхозов национальных автономий увеличили производство мяса, в то же время сохраняя рост поголовья крупного рогатого скота. Заметных успехов добились животноводы Якутии. Так, по итогам 1968 г. на долю животноводства этой республики приходилось 85% всей валовой сельскохозяйственной продукции. Только от реализации мяса республика получила в 1968 г. 17,3 млн руб.¹¹¹ В целом в стоимостном выражении продукция животноводства в Якутской АССР выросла с 119 млн руб. в 1965 г. до 169,2 млн руб. в 1980 г. и до 182,3 млн руб. в 1985 г.¹¹² С 1965 по 1985 г. в национальных автономиях увеличилось поголовье крупного рогатого скота. В Бурятской АССР с 429 тыс. голов до 508 тыс.; в Тувинской АССР со 165 до 181 тыс.; в Якутской АССР с 348 до 397 тыс.; в Горно-Алтайской автономной области со 170 до 182 тыс.; в Хакасской автономной области со 192 до 243 тыс.; в Агинском и Усть-Ордынском Бурятском автономных округах соответственно с 75 до 76 тыс. и со 194 до 250 тыс. голов¹¹³.

Кроме главных отраслей, существенную роль в производстве мяса национальных республик, областей, округов Сибири играли табунное коневодство, оленеводство, яководство, птицеводство и свиноводство. За рассматриваемые годы коневодство Якутской АССР превратилось в одну из высокоотварных отраслей сельскохозяйственного производства. Оно специализировалось на производстве конского мяса, которое нашло большой спрос как внутри страны, так и в экспортных поставках. В 1965 г. конского мяса было произведено 3,4 тыс. т, в 1970 г. — 4,7 тыс. т, в 1985 г. — 6,1 тыс. т.¹¹⁴

Наряду с коневодством дальнейшее развитие в Якутской АССР получило оленеводство. Осваивая необъятные просторы тундры, оленеводы Якутской АССР добились прироста их поголовья и увеличения производства оленьего мяса. Если в 1960 г. в Якутии насчитывалось 342 тыс. оленей, то в 1985 г. их численность составляла 370 тыс. голов¹¹⁵. Увеличению производства оленины и в то же время поголовья оленьего стада способствовали более современные приемы

и новые организационные меры ведения оленеводства. Несомненно, положительную роль на рассматриваемом отрезке времени сыграло преобразование мелких оленеводческих колхозов в совхозы. Уже в 1965—1970 гг. в оленеводстве Якутии на базе мелких хозяйств (в основном колхозов) было образовано 19 совхозов, 2 крупных колхоза, 1 опытно-показательное хозяйство. Проведенные мероприятия способствовали укреплению экономики оленеводческих хозяйств, улучшению производственно-бытовых условий жизни оленеводов. За рассматриваемые годы произошло в основном практическое осуществление перевода кочующего населения оленеводов на оседлый образ жизни*. Принимались меры по профессиональной подготовке оленеводов, чему способствовала ориентация ряда СПТУ на подготовку кадров для этой отрасли хозяйства, а также усилившаяся профориентационная работа в сельских школах. Руководством оленеводческих хозяйств создавались производственные базы на пути миграции оленьих стад, вводился сменно-звеньевой метод пастьбы оленей. Стал шире применяться передовой опыт работы хозяйств Ненецкого автономного округа по содержанию оленей, их предубойного откорма. Была улучшена селекционно-племенная работа. Успешно проводилось скрещивание местной породы оленей горно-таежной зоны с тофаларскими, тундровых с чукотскими оленями харгин. Больших успехов в этой работе добились труженики совхоза «Томпонский», где стали шире использовать собственный опыт, накопленный в 60-х и 70-х гг. Было развернуто социалистическое соревнование. Лучшие из бригад добивались высоких производственных показателей. По всей Якутии славились имена руководителей оленеводческих бригад И. Я. Горулина, М. И. Клепенчина, из года в год добивавшихся высоких показателей в сохранности поголовья оленьих стад и получении большого приплода молодняка¹¹⁶.

* В настоящее время по этому поводу высказываются прямо противоположные точки зрения. Одни считают перевод оленеводов на оседлость, безусловно, положительным явлением, позволившим приблизить кочевников-оленеводов к цивилизации. По мнению других, у оленеводов была достаточная своя цивилизация, при которой они вполне благополучно жили сотни лет. Оседлость, по их мнению, убила самобытность северных народов, привела к невосполнимой утрате местной культуры. По нашему мнению, и та, и другая позиция верна и неверна одновременно. Главная беда состояла в том, что определяли перспективу развития целых народов люди со стороны, часто плохо знавшие специфику жизни и работы в тяжелейших условиях тундры. Благие намерения проводились в жизнь насильственными методами (коллективизация), часто без учета мнения самих оленеводов.

Горному Алтаю традиционно принадлежит приоритет в получении маралых и оленьих пантов — исходного сырья для производства на предприятиях фармацевтической промышленности высокоэффективного препарата пантокрин. Хозяйства Горно-Алтайской автономной области давали 60% пантовой продукции, производимой в РСФСР. Продолжая начатое в первые годы Советской власти парковое разведение маралов, в рассматриваемые годы хозяйства Горного Алтая добились значительных производственных результатов. На всю страну стали известны достижения абайских мараловодов. Семейная династия мараловодов Поповых создала элитное стадо пантачей на Каргайской ферме Абайского совхоза. Особенно успешно бригада трудилась в годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.). За достигнутые результаты в развитии мараловодства ее бригадир П. Ф. Попов был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

Успешно продолжала бригада трудиться и в последующие годы. С замечательными результатами подошла она к финишу десятой пятилетки, превзойдя ранее достигнутые высоты. Средний вес каждой пары срезанных пантов в 1980 г. достигал 9 кг, а у лучшего рогаца он был более 20 кг¹¹⁷, что являлось рекордом в этой отрасли сельскохозяйственного производства.

В целом за рассматриваемые годы в Горном Алтае поголовье маралов возросло с 7 тыс. голов в 1960 г. до 18,1 тыс. в 1985 г. Соответственно поголовье пятнистых оленей увеличилось с 3,7 тыс. до 8,2 тыс. голов¹¹⁸. Вместе с ростом поголовья маралов и пятнистых оленей и в процентном отношении несколько опережая этот рост, что отражает кропотливую селекционную работу мараловодов и оленеводов Горного Алтая, увеличилось количество главной продукции этой отрасли животноводства — пантов. Их производство возросло с 16777 кг в 1965 г. до 45118 кг в 1985 г. Соответственно с 1632 кг до 3324 кг возросло производство пантов пятнистых оленей¹¹⁹.

Наряду с развитием пантового мараловодства и оленеводства природные условия Горного Алтая позволяли с успехом культивировать табунное коневодство, яководство, верблюдоводство. Значительных успехов добился ряд хозяйств области в развитии пухового козоводства. Лучшие достижения в этой отрасли были достигнуты колхозами высокогорного Кош-Агачского района. Этот район стал одним из основных поставщиков козьего пуха.

В колхозах Кош-Агачского района находилось стадо высокопродуктивных горно-алтайских пуховых коз, выведенных в результате многолетней работы чабанов, специалистов сельскохозяйственного производства, научных работников Горно-Алтайской сельскохозяйственной опытной станции Л. В. Окулич-Казариной и Г. В. Алькова. Характерной особенностью этой породы коз является то, что их масть, величина, телосложение одинаковы. По весу новая порода коз превосходила аборигенных на 5—10 кг, а по начесу пуха — в 3—4 раза¹²⁰.

В области выросли высококвалифицированные мастера этой сравнительно молодой для Сибири отрасли животноводства. Больших успехов добивались козоводы колхоза им. 50-летия СССР Кош-Агачского района. Козовод Солтон Максанов, обслуживая 720 коз, получал, например, по 700 г пуха с каждой козы. В колхозе «Путь к коммунизму» лучшим по мастерству был Уакыт Махистов. Он добивался высших показателей в районе на протяжении десятой пятилетки (1975—1980 гг.). Ухаживая за отарой коз в количестве 744 голов, он довел начес пуха в среднем до 737 г с каждой. Передовой козовод из колхоза им. Калинина Абдрашид Абитов превзошел этот показатель, доведя его в среднем до 799 г с каждой головы. За успехи в социалистическом соревновании, достижение хороших показателей в развитии козоводства Абдрашид Абитов по итогам десятой пятилетки был награжден орденом Ленина. Усилиями козоводов области эта отрасль сельскохозяйственного производства стала высокодоходной. Уровень рентабельности козоводства в конце десятой пятилетки в колхозах составлял 60—70, а в совхозах 30—45%¹²¹. Возросли государственные закупки пуха. Они увеличились со 167 ц в среднем за год семилетки (1959—1965 гг.) до 1117 ц пуха в среднем за год одиннадцатой пятилетки (1981—1985 гг.)¹²².

Научные достижения, новая методика ухода за скотом, предложенная чабанами-козоводами Горного Алтая, стали внедряться в производство другими национальными автономиями Сибири.

Развитие специфических отраслей животноводства в национальных автономиях Сибири вносило заметный вклад в выполнение поставленных перед сельским хозяйством задач. Однако главная роль в выполнении пятилетних планов, Продовольственной программы в производстве продукции животноводства, безусловно, лежала на основных отраслях — скотоводстве и овцеводстве, на начавшихся, особенно в годы

девятой и десятой пятилеток, развиваться птицеводстве и свиноводстве. Вместе с тем сельскохозяйственное производство на протяжении всего рассматриваемого периода не изжило крупных недостатков. Так, во всех национальных автономиях была большая пестрота достигнутых результатов работы. В начале 70-х гг. высоких показателей добивались дояры из Амгинского района Якутской АССР, кавалер двух орденов Ленина, впоследствии Герой Социалистического Труда П. И. Яковлев и доярка из Усть-Алданского района А. С. Копырина. Например, в 1974 г. П. И. Яковлев надоил в среднем на одну закрепленную за ним корову по 5250 кг молока, А. С. Копырина в том же году получила от каждой коровы по 4004 кг молока. Однако на таком уровне работали единицы. За ними шли десятки мастеров, имевших результаты по 3—2,5 тыс. кг. Основная же масса доярок надаивала по 1,5—2 тыс. кг молока на фуражную корову¹²³.

Продолжало оставаться на низком уровне качество произведенной продукции. Например, за 1975 г. совхозы Якутской АССР сдали государству первым сортом только 8% молока и в то же время 11% несортным. Совхоз «Булгуннах-тайский» сдал в 1975 г. 1914 т несортной продукции и недополучил на этом 68,3 тыс. руб., а всего за это время по республике было принято с повышенной кислотностью 54% заготовленного молока¹²⁴. Однако борьба за качество молока дальше обсуждения этого вопроса на заседаниях бюро, партийных собраниях не двигалась. Такое положение было не случайным. Имевшиеся материальные преимущества сдачи продукции повышенного качества были настолько незначительными, что не стимулировали получение молока высшего и первого сорта. Только по этой причине в хозяйствах республики часто бездействовали завезенные холодильные установки. Не менее важной причиной такого положения было то, что повсеместно в Якутии, как и в других автономиях Сибири, на протяжении всего рассматриваемого времени главным был количественный (валовой) показатель. На большинстве ферм даже не контролировали, какое молоко сдаст та или иная доярка. Долгое время не был внедрен принцип материального стимулирования качества молока, а оплата труда животноводов не зависела от качества сдаваемого продукта. Даже при подведении итогов социалистического соревнования учитывалось только количество продукции¹²⁵. В результате в 1976 г., как и в 1975 г., удельный вес заготовок молока первого сорта по Якутии составил всего 7%, второго 81%, несортного 12%. Возвращена хозяйствам

как брак 321 т. 55% молока сдано государству с повышенной кислотностью¹²⁶.

Выход из создавшегося положения был в материальной заинтересованности хозяйств, непосредственно работников животноводства в улучшении качества молока, но сами хозяйства решить вопрос о повышении оплаты за качество не имели права. Только в 1977 г. были повышены закупочные цены на молоко повышенной сортности, что незамедлительно привело к положительным результатам. В 1977 г. в Якутии молока первым сортом было сдано 17% против 8,2% в 1976 г. В 1978 г. сдача молока первым сортом возросла до 27,2%, в 1979 г. достигла 35%¹²⁷.

Большое влияние на развитие животноводства, в том числе производство молока, оказывала кормовая база. Притчей во языцех стала систематическая нехватка кормов для общественного поголовья скота во всех национальных автономиях Сибири. Однако заготовка кормов в хозяйствах велась далеко не одинаково. Так, в засушливом 1980 г. совхоз «Заветы Ильича» Улан-Удэнского района Бурятской АССР заготовил за пределами республики и своевременно завез в хозяйство 1500 т соломы, что явилось хорошим подспорьем в проведении зимовки скота. Для сравнения, все вместе взятые хозяйства Закаменского района этой республики, где положение с кормами было крайне тяжелым, за это время заготовили 1100 т соломы, а завезли всего 390 т. Колхоз им. К. Маркса Селенгинского района заготовил на месте и за зимовку скормил скоту более 500 т хвоя, в то время как все вместе взятые хозяйства Еравнинского района заготовили для своего скота только 349 т хвоя¹²⁸.

Документы руководящих органов Еравнинского района показывают, что здесь не меньше, чем в других райкомах и райисполкомах, обсуждались вопросы проведения зимовки, подготовки к ней, принимались решения и постановления, но они не оказывали необходимого воздействия¹²⁹. На местах все ощутимее стала проявляться тенденция, утвердившаяся в высших партийных и государственных органах власти, когда главным считалось принятие нового решения, постановления, программы.

В хозяйствах и районах национальных автономий, где были хорошо подобраны хозяйственные и партийные руководители, отлажена традиционно действовавшая система управления, принимаемые решения претворялись в жизнь. Более того, там получали неплохие результаты. В целом же по республикам, областям и округам имело место замедление

темпов развития сельскохозяйственного производства. В Бурятской АССР в 1980 г. было 479 тыс. голов крупного рогатого скота против 492 тыс. в 1975 г. В Тувинской АССР соответственно 161 тыс. против 184 тыс. голов, в Агинском и Усть-Ордынском автономных округах соответственно 76 тыс. и 79 тыс. голов и 228 тыс. и 230 тыс. голов, в Якутской АССР и Горно-Алтайской автономной области имелся незначительный прирост поголовья¹³⁰.

Сопоставление результатов развития животноводства национальных автономий, объемов прироста сельскохозяйственного производства с усилиями трудящихся масс, с деятельностью партийных, советских, хозяйственных органов власти приводит к выводу о несоответствии затрат труда, материальных ценностей, огромных финансовых вложений государства, с одной стороны, и результатов работы сельскохозяйственного производства национальных автономий, с другой. Причем, вывод этот характерен для всех автономий независимо от того, автономная это республика, область или округ, структуры производства (колхоз или совхоз), национальных особенностей и природно-климатических условий. Повсеместно привычные, хорошо отработанные приемы командно-административного метода руководства все чаще и чаще не срабатывали, вызывая равнодушие исполнителей к своим обязанностям, что являлось одной из основных причин замедления темпов прироста продукции животноводства.

В 80-е гг. в национальных автономиях официально стало больше внимания уделяться развитию личного подсобного хозяйства (ЛПХ), что привело к некоторому росту его вклада в обеспечение населения сельхозпродуктами, прежде всего продуктами животноводства. Так, в Туве за 1981—1985 гг. поголовье крупного рогатого скота в ЛПХ увеличилось на 48%, свиней — на 38%, овец и коз — на 26%, лошадей — на 53%. Несколько возросло поголовье крупного рогатого скота в расчете на 100 сельских семей в Бурятии и Якутии. В Якутской АССР стала активно развиваться кооперация личных подсобных хозяйств с общественным производством на договорных началах. Кооператорам стали выделяться сенокосные угодья, пашни. За ними закреплялась техника¹³¹.

Однако радикальных перемен в аграрное производство сибирских автономий в 80-е гг. эти новшества не внесли. Если в 1981—1985 гг. по трем автономным республикам темпы прироста производства мяса составляли 2,4%, то в это же время в Бурятии было получено меньше молока, в Бурятии и Туве меньше шерсти, чем в 1976—1980 гг.¹³²

В целом в рассматриваемый период сельскохозяйственное производство национальных автономий Сибири развивалось далеко не однозначно. На основе устойчивого проявления тех или иных тенденций в его развитии можно определить основные этапы продвижения вперед.

Четко выделяются годы семилетки (1959—1965 гг.). Это было время попыток наладить сельскохозяйственное производство, как и народное хозяйство страны в целом, путем политико-волевых усилий при сохранении в основном экстенсивных форм ведения хозяйства. Общее политическое оживление нашего общества (борьба с проявлениями культа личности, выдвижение новых, необычных задач — непосредственное строительство коммунистического общества) всколыхнуло людей труда, подняло их трудовую активность, подтверждением чего может служить массовое участие колхозников и рабочих совхозов в движении бригад и ударников за коммунистическое отношение к труду. Достигнутые на этой основе трудовые достижения явились важным вкладом в развитие сельскохозяйственного производства национальных автономий Сибири. Правда, планы, о чем шла речь в начале данной главы, полностью выполнены не были, но по сравнению с предыдущими годами был сделан заметный шаг вперед как по гектам прироста, так и по производству валовой продукции колхозами и совхозами сибирских автономий.

1966—1970 гг. характеризовались действительно огромными вкладами средств в село, быстрым обновлением основных фондов и довольно высокими среднегодовыми темпами прироста производства.

С 1971 по 1982 г. обозначился период застоя в сельскохозяйственном производстве национальных автономий Сибири. Темпы прироста сельскохозяйственной продукции снизились, количество производимых мяса, шерсти, молока, зерновых культур и т. д. не только не удовлетворяло возrastавших потребностей государства, но и не оправдывало затраченных на их производство средств. Огромные вложения государства в сельское хозяйство, при сохранении старых форм руководства (административно-командная система, бесправие колхозов и совхозов в решении таких основополагающих факторов, как определение цены на выпускаемую продукцию, планирование производства, формы и размеры оплаты труда и т. д.), не дали ожидаемых результатов. Началось замедление, а затем (по ряду наименований сельхозпродукции) и приостановка темпов роста.

С 1982 г., с одной стороны, имело место углубление кризиса сельскохозяйственного производства, с другой — предпринимались попытки выйти из тупикового положения. Была принята государственная Продовольственная программа, определившая приоритетность сельского хозяйства. Стали последовательно предприниматься меры по интенсификации сельскохозяйственного производства, что в отдельных районах национальных автономий по ряду сельскохозяйственных направлений (свиноводство, птицеводство, пригородное овощеводство) приводило к положительным результатам.

В то же время сохранение отживших форм руководства селом, сохранение бесправия непосредственных товаропроизводителей, безраздельное господство партийных структур, непомерно раздутые номенклатурно-управленческие штаты, наличие только одной (общественной) формы собственности тормозили, мешали радикальным преобразованиям на селе

¹ Пленум ЦК КПСС 22—25 декабря 1959 г.: Стеногр. отч. М., 1960. С. 427.

² ЦДНИРА, ф. 1, оп. 2, д. 2867, л. 7.

³ Справочник партийного работника. М., 1961. Вып. 3. С. 328.

⁴ Очерки истории Горно-Алтайской автономной области. Горно-Алтайск, 1973. С. 468.

⁵ Народное хозяйство Бурятской АССР 1971. С. 181; Очерки истории Бурятской АССР периода развитого социализма. Новосибирск, 1983. С. 34.

⁶ Народное хозяйство Тувинской АССР Кызыл, 1971. С. 64.

⁷ Горно-Алтайской автономной области 60 лет. Стат сб. Горно-Алтайск, 1982. С. 18, Якутия в цифрах. 50 лет. Стат сб. Якутск, 1967. С. 72.

⁸ Народное хозяйство Тувинской АССР. Стат сб. Кызыл, 1971. С. 176. Народное хозяйство Бурятской АССР. Стат сб. Улан-Удэ, 1971. С. 157.

⁹ ЦДНИРА, ф. 67, оп. 3, д. 9, л. 102.

¹⁰ ИАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 91, л. 184.

¹¹ Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. Стат. ежегодник М., 1966. С. 186, Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. Стат. ежегодник М., 1981. С. 128, Производительность труда в сельском хозяйстве РСФСР 1965, 1970, 1975—1980 гг. М., С. 3, 39, 41, Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. Стат. ежегодник М., 1986. С. 111, 158, 159, 163; Народное хозяйство Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1967. С. 142, 147; Бурятская АССР в цифрах (1923—1973). Улан-Удэ, 1973. С. 115, 121, 125; Народное хозяйство Бурятской АССР в десятой пятилетке (1976—1980). Улан-Удэ, 1981. С. 48, 49; Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке (1981—1985). Улан-Удэ, 1986. С. 42, 86, 89, Горно-Алтайской автономной области 60 лет. Горно-Алтайск, 1982. С. 16, 17, 45, Звезда Алтая 1986. 17 апр; Советская Тува в цифрах. Кызыл, 1984. С. 43, 45, 83; Народное хозяйство Тувинской АССР в одиннадцатой пятилетке. Кызыл, 1985. С. 44,

47; Народное хозяйство Якутской АССР за 60 лет. Якутск, 1982. С 21—23; Народное хозяйство Якутской АССР в одиннадцатой пятилетке (1981—1985 гг.). Якутск, 1986. С 36, 37.

¹² Там же, Годовой отчет агропромышленного комитета Горно-Алтайской автономной области за 1985 г. С. 13

¹³ Народное хозяйство Бурятской АССР в десятой пятилетке: Стат. сб. Улан-Удэ, 1981. С 48, 106; Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке (1981—1985 гг.) Стат. сб. Улан-Удэ, 1986. С. 43, 86.

¹⁴ См. Годовой отчет агропромышленного комитета Горно-Алтайской автономной области за 1985 г. С. 52

¹⁵ См. сноску 13. С. 18, 19.

¹⁶ Якутия за 70 лет. Стат. сб. Якутск, 1987. С. 12.

¹⁷ Горно-Алтайской автономной области 60 лет: Стат. сб. Горно-Алтайск, 1982. С. 19, 20; Годовой отчет агропромышленного комитета Горно-Алтайской автономной области за 1987 г. С. 58.

¹⁸ См. сноску 13.

¹⁹ См. сноску 16.

²⁰ См. сноску 14.

²¹ Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке Стат. сб. Улан-Удэ, 1986. С. 22.

²² См. сноску 16.

²³ Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат. сб. М., 1986. С. 86; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. сб. М., 1986. С. 49; Народное хозяйство Тувинской АССР в одиннадцатой пятилетке: Стат. сб. Кызыл, 1986. С. 18; Годовой отчет агропромышленного комитета Горно-Алтайской автономной области за 1985 г. С. 49.

²⁴ Правда. 1961. 23 февр.

²⁵ НАРС (Якутия), ф. 3, оп. 215, д. 18, л. 19.

²⁶ Народное хозяйство Якутской АССР в десятой пятилетке: Стат. сб. Якутск, 1981. С. 15.

²⁷ Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке Стат. сб. Улан-Удэ 1982. С. 21.

²⁸ Народное хозяйство Тувинской АССР в одиннадцатой пятилетке: Стат. сб. Кызыл, 1986. С. 19.

²⁹ Звезда Алтая 1982. 17 июня; Аргунов И. А. Социальное развитие якутского народа. Историко-социологическое исследование образа жизни Новосибирск, 1985. С. 199

³⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. М., 1966. С. 341; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. Стат. ежегодник М., 1981. С. 219; Народное хозяйство в 1985 г. Стат. ежегодник М., 1986. С. 47; Бурятская АССР в цифрах (1923—1973) Улан-Удэ, 1973. С. 52, 121; Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке (1981—1985 гг.) Улан-Удэ, 1986. С. 39; Народное хозяйство Тувинской АССР (1944—1970 гг.) Кызыл, 1971. С. 64; Народное хозяйство Тувинской АССР в одиннадцатой пятилетке Кызыл, 1986. С. 16, 17; Якутия за 50 лет в цифрах. Якутск, 1967. С. 9, 72; Народное хозяйство Якутской АССР в одиннадцатой пятилетке (1981—1985 гг.) Якутск, 1986. С. 36, 37.

³¹ Под знаменем Октября. 1917—1977. Улан-Удэ, 1977. С. 165—166.

³² Знамя Ленина. 1976. 4 янв.

³³ Народное хозяйство Тувинской АССР в девятой пятилетке: Стат. сб. Кызыл, 1976. С. 157, 158; Народное хозяйство Тувинской АССР в одиннадцатой пятилетке Стат. сб. Кызыл, 1986. С. 125.

³⁴ Горно-Алтайской автономной области 60 лет Стат. сб. Горно-Алтайск, 1982 С 54; Звезда Алтая 1988. 17 марта.

³⁵ Народное хозяйство Бурятской АССР в десятой пятилетке Стат. сб. Улан-Удэ, 1981 С. 121, Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке: Стат. сб. 1986. С. 36

³⁶ НАРБ, ф. 1, оп. 22, д. 101, л. 12, 13; оп. 2, д. 91, л. 25, 29; оп. 23, д. 6, л. 6, 9, 10; д. 73, л. 3.

³⁷ Там же, оп. 36, д. 16, л. 10, оп. 42, д. 22, л. 18, 37, 46; оп. 45, д. 13, л. 10, 22

³⁸ Социалистическая Якутия, 1983 3 марта.

³⁹ Ладенков В. Н., Носков А. А. Проблемы развития сельского хозяйства Западной Сибири Новосибирск, 1977. С. 25.

⁴⁰ Головных Ф. И. Современное состояние и основные направления развития сельского хозяйства в Якутской АССР//Эффективность размещения и специализации сельского хозяйства Якутии Якутск, 1977. С. 35—36.

⁴¹ Там же.

⁴² Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. сб. М., 1987. С. 19

⁴³ История Тувы. М., 1964 Т. 2 С. 340.

⁴⁴ Очерки истории Бурятской АССР периода развитого социализма. Новосибирск, 1983. С. 42.

⁴⁵ Там же. С. 43.

⁴⁶ Якутская АССР в условиях развитого социализма. Якутск, 1982 С. 18

⁴⁷ Там же. С. 19

⁴⁸ Народное хозяйство Бурятской АССР в десятой пятилетке Стат. сб. Улан-Удэ, 1981. С. 68

⁴⁹ Народное хозяйство Якутской АССР в десятой пятилетке (1976—1980 гг.) Стат. сб. Якутск, 1981 С. 37—38

⁵⁰ ГАРА, ф. 33, оп. 15, д. 75, л. 47.

⁵¹ ЦХИИДНИКК, ф. 26, оп. 37, д. 5, л. 17

⁵² Правда Бурятии, 1976. 17 сент.; НАРБ, ф. 1, оп. 37, д. 13, л. 23.

⁵³ Тувинская правда 1966, 18 авг.; 1976 13 янв

⁵⁴ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1967 г. О неотложных мерах по защите почв от ветровой и водной эрозии//Ленинская аграрная политика КПСС. М., 1978. С. 138—148

⁵⁵ ГАЧО, ф. 595, оп. 1, д. 37, л. 1, 5, 9, 10, 13, 41, 42, 73.

⁵⁶ Там же, д. 49, л. 1, 5, 7, 9, 10.

⁵⁷ Там же, л. 4

⁵⁸ Очерки истории Читинской областной организации КПСС. Иркутск; Чита, 1975 С. 301, 302

⁵⁹ История Сибири Л., 1969. Т. 5. С. 414, 415

⁶⁰ ЦГАРХ, ф. 2, оп. 1, д. 2769, л. 94; Советская Хакасия, 1968 19 янв.

⁶¹ ЦХИИДНИКК, ф. 26, оп. 37, д. 5, л. 17, 18, 21; ЦГАРХ, ф. 2, оп. 1, д. 3266, л. 47

⁶² РЦХИИДНИ, ф. 17, оп. 142, д. 541, л. 124; ЦГАРХ, ф. 2, оп. 6, д. 19, л. 21

⁶³ ЦДНИГАЧО, ф. 447, оп. 24, д. 1, л. 10, 12

⁶⁴ ГАЧО, ф. 3, оп. 39, д. 22, л. 74.

⁶⁵ Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С. 357

⁶⁶ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири 1960—1980-е гг. Новосибирск, 1991. С. 158.

⁶⁷ Конгар Н. М. Актуальные проблемы развития сельского хозяйства в Туве. Кызыл, 1974. С. 3.

- ⁶⁸ ЦГАРТ, ф. 2, оп. 14, д. 5, л. 22, л. 18, 20.
- ⁶⁹ Там же, оп. 16, д. 2, л. 27, Тувинская правда. 1988. 13 нояб.
- ⁷⁰ ЦДТО ГАИО, ф. 447, оп. 18, д. 14, л. 11
- ⁷¹ Там же, оп. 20, д. 16, л. 21; оп. 22, д. 4, л. 11, 12
- ⁷² Народное хозяйство СССР в 1985 г. Стат. ежегодник. М., 1986. С. 271; Народное хозяйство Бурятской АССР в десятой пятилетке: Стат. сб. Улан-Удэ, 1981. С. 71
- ⁷³ ЦДНИИО, ф. 47, оп. 22, д. 4, л. 11, 12.
- ⁷⁴ НАРБ, ф. 437, оп. 1, д. 41, л. 12, 15
- ⁷⁵ Там же, д. 54, л. 4, 22, 24.
- ⁷⁶ Правда Бурятии. 1975. 12 февр.
- ⁷⁷ НАРС (Якутия), ф. 3, оп. 237, д. 19, л. 12, 13.
- ⁷⁸ Там же, ф. 3, оп. 237, д. 19, л. 22
- ⁷⁹ Там же, л. 19
- ⁸⁰ НАРС (Якутия), ф. 3, оп. 249, д. 287, л. 21
- ⁸¹ Там же, д. 341, л. 12
- ⁸² Тувинская правда. 1980. 5 сент.
- ⁸³ Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегодник. М., 1987. С. 17.
- ⁸⁴ Правда. 1980. 12 апр.; Звезда Алтая. 1980. 20 апр.
- ⁸⁵ Под знаменем Октября 1917—1977. Улан-Удэ, 1977. С. 179.
- ⁸⁶ Там же. С. 180.
- ⁸⁷ См. сноску 83.
- ⁸⁸ Агинская правда. 1986. 19 июня
- ⁸⁹ Правда Бурятии. 1986. 18 янв.
- ⁹⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. ежегодник. М., 1986. С. 182, 189, 192, 193, 195, 197.
- ⁹¹ История Тувы. М., 1964. Т. 2. С. 340.
- ⁹² Очерки истории Бурятской АССР периода развитого социализма. Новосибирск, 1983. С. 42.
- ⁹³ Там же. С. 43.
- ⁹⁴ Якутская АССР в условиях развитого социализма. Якутск, 1982. С. 18.
- ⁹⁵ Там же. С. 19.
- ⁹⁶ ЦГАРХ, ф. 2, оп. 1, д. 2769, л. 94
- ⁹⁷ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1966 г. О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства//Ленинская аграрная политика КПСС. М., 1978. С. 136, 137.
- ⁹⁸ Очерки истории Бурятской АССР периода развитого социализма. Новосибирск, 1983. С. 74.
- ⁹⁹ История Сибири. Л., 1969. Т. 5. С. 414, 415; ГАРА, ф. 33, оп. 65, д. 75, л. 47.
- ¹⁰⁰ ГАЧО, ф. 595, оп. 1, д. 3769, л. 3, 5, 7, 10, 13, 41, 73.
- ¹⁰¹ Там же, л. 4.
- ¹⁰² Трудовая слава. Очерки о передовиках животноводства. Улан-Удэ, 1976. С. 46; Правда Бурятии 1976. 17 сент.; НАРБ, ф. 1, оп. 37, д. 13, л. 23.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ НАРБ, ф. 1, оп. 37, д. 13, л. 21, 23, 24.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегодник. М., 1987. С. 21.
- ¹⁰⁷ ЦГАРТ, ф. 2—1, оп. 6, д. 1, л. 26
- ¹⁰⁸ Тувинская правда. 1974. 22 янв.

- ¹⁰⁸ Правда Бурятии. 1978 4 янв.
- ¹¹⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. Стат. ежегодник. М., 1986 С. 182, 189, 192, 193, 195, 197.
- ¹¹¹ Народное хозяйство Якутской АССР в десятой пятилетке: Стат. сб. Якутск, 1981. С. 33.
- ¹¹² РЦХИИДНИ, ф 17, оп. 105, д 1213, л. 34.
- ¹¹³ См. сноску 110.
- ¹¹⁴ Якутия за 70 лет Стат. сб Якутск, 1987. С. 40.
- ¹¹⁵ См. сноску 110. С. 192.
- ¹¹⁶ Якутская АССР в условиях развитого социализма. Якутск, 1982. С. 66; Социалистическая Якутия. 1977. 4 мая; 1982. 16 авг.
- ¹¹⁷ Звезда Алтая. 1980. 12 нояб
- ¹¹⁸ Горно-Алтайской автономной области 60 лет Стат. сб. Горно-Алтайск, 1982. С. 36. Годовой отчет агропромышленного комитета Горно-Алтайской автономной области за 1985 г. С. 37.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Очерки Горно-Алтайской автономной области. Горно-Алтайск, 1973. С. 475.
- ¹²¹ Звезда Алтая. 1986. 9 февр.
- ¹²² См. сноску 78.
- ¹²³ НАРС (Якутия), ф. 3, оп. 249, д. 108, л. 3, 10.
- ¹²⁴ Социалистическая Якутия. 1976. 25 янв.
- ¹²⁵ Социалистическая Якутия. 1976. 1 дек.
- ¹²⁶ Социалистическая Якутия. 1976. 19 авг.
- ¹²⁷ НАРС (Якутия) ф. 3, оп. 264, д. 17, л. 108.
- ¹²⁸ НАРБ, ф. 1, оп. 42, д. 12, л. 3, 4.
- ¹²⁹ Там же, д. 24, л. 4, 5.
- ¹³⁰ См. сноску 110.
- ¹³¹ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960—1980-е гг. Новосибирск. 1991. С. 410—411.
- ¹³² Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1971 С. 97; Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1988. С. 147.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ СИБИРИ

СЕЛЬСКИЕ ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК, ОБЛАСТЕЙ И ОКРУГОВ

Происходившие в стране перемены, связанные с решениями XX съезда КПСС, критикой культа личности Сталина, поднимали не только юридические, экономические, но и моральные проблемы. Население страны, в том числе национальных автономий Сибири, все чаще и громче стало говорить о законе, о своих отношениях с государством, коллективом, об этике, т. е. об отношениях между людьми вне юридических рамок. Моральные проблемы переплетались с новыми политическими проблемами. Возвращение заключенных из сталинских лагерей, их трагические воспоминания создали в стране обстановку критики, требовавшей правды о прошлом. Медленно растущий уровень жизни, особенно на селе, повышение социальной активности грядущих масс поставили перед партией далеко не простые задачи.

Реакция центральных партийных органов на новые политические настроения в стране была однозначной. Она четко выражалась в решениях XX и XXI съездов партии и была сформулирована в требовании усиления руководящей роли партии в государстве. В сознание коммунистов, всех граждан страны внедрялась идея о том, что партия — это единственная сила, способная и имеющая право управлять и для этого ей даже не нужно постоянно завоевывать это право. Такая установка провозглашалась как основной принцип официальной политической мысли.

Все это делает крайне интересной и принципиально важной задачу изучения результатов развития экономики, культуры и т. д. страны под руководством партии в рассматриваемые годы. На одно из первых мест выдвигается проблема анализа роста, качественных и структурных изменений, форм работы самой партии, ее местных организаций.

Общезвестна тенденция роста партийных рядов в союзном масштабе. В 1959 г. в рядах партии насчитывалось 8,2 млн., в 1961 г. — 9,7 млн., в 1966 г. — 12,4 млн. человек. Значительно изменился качественный состав КПСС.

На начало 1960 г. только 5% членов партии представляли старшие поколения коммунистов. Около половины остальных вступили в партию перед войной, во время войны и до смерти Сталина (1953 г.). Остальная часть коммунистов вступила в партию после XX съезда КПСС³.

К этому времени в вопросах качественного изменения партии имели место две заметные тенденции. Первая из них состояла в увеличении приема новых членов партии прежде всего из рабочего класса, вторая — в усилении роли и количественного роста сельских парторганизаций. Так, на начало рассматриваемого периода почти каждый колхоз и совхоз национальных автономий Сибири имел низовую парторганизацию. В целом шел рост числа коммунистов, занятых в сельскохозяйственном производстве, о чем свидетельствуют данные табл. 6⁴.

Т а б л и ц а 6

Динамика роста числа коммунистов национальных автономий Сибири, занятых в сельскохозяйственном производстве (на январь)

Национальные автономии	Год					
	1960	1966	1971	1976	1981	1986
Бурятская АССР	7385	9214	9388	9214	10049	10612
Тувинская АССР	2806	3113	3421	3548	3792	3846
Якутская АССР	4381	5010	4854	5469	6492	6587
Горно-Алтайская а. о.	2338	3055	3159	3145	3352	3486
Хакасская а. о.	2835	3630	3709	3367	3273	3219
Агинский Бурятский авт. округ	998	1210	1316	1353	1421	1476
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	2838	3528	3536	3485	3819	3904

Таким образом, данные табл. 6 свидетельствуют о том, что в целом в национальных автономиях шло увеличение числа коммунистов, занятых в сельскохозяйственном производстве. Однако рост числа коммунистов шел неравномерно. Наблюдалось замедление его темпов и даже сокращение числа членов партии, работающих в колхозах и совхозах. Так,

в Хакасской автономной области произошло довольно резкое сокращение числа сельских коммунистов в 1971—1976 гг. В эти же годы имело место уменьшение числа коммунистов в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе. В Якутской АССР сокращение числа коммунистов на селе имело место в 1966—1971 гг. В Горно-Алтайской автономной области незначительное сокращение численности членов партии в колхозах и совхозах наблюдалось в 1971—1976 гг.

Имелась и другая общая тенденция, характерная для всех сибирских автономий. Суть ее раскрывают данные табл. 7⁵.

Т а б л и ц а 7

Динамика численности коммунистов, занятых в сельскохозяйственном производстве, к общему числу членов партии национальных автономий,
%

Национальные автономии	Год					
	1960	1966	1971	1976	1981	1986
Бурятская АССР	29,1	26,9	24,6	22,4	20,7	20,2
Тувинская АССР	45	37,5	34,5	32,1	29,5	26,9
Якутская АССР	22,4	16,6	13,5	13,8	14	14,3
Горно-Алтайская а. о.	38,7	38,2	36	34	31,9	30,5
Хакасская а. о.	23,45	21,8	20	16,5	13,8	12,7
Агинский Бурятский авт. округ	54,6	52,4	51,4	50,1	49,4	48,4
Усть-Ордынский Бурят- ский авт. округ	62,6	69,8	56,8	55,2	55,7	56,1

Динамика роста числа коммунистов в автономиях Сибири свидетельствует о том, что во всех национальных автономиях шло увеличение партийных рядов. В то же время количество коммунистов, занятых непосредственно в сельскохозяйственном производстве, росло несколько замедленными темпами, о чем свидетельствует процентное соотношение между числом коммунистов, занятых в сельскохозяйственном производстве, и общим составом парторганизаций той или другой автономии.

Более медленные темпы роста партийных рядов за счет непосредственных тружеников сельскохозяйственного производства были характерны для всех автономий. В то же время

процесс этот был далеко не одинаков. В партийных организациях Бурятской АССР отставание в темпах составило 8,9%, в Тувинской АССР — 18,1%, в Якутской АССР — 8,1%, в Горно-Алтайской автономной области — 8,1%, в Хакасской автономной области — 10,7%, в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе — 6,6%. Как видим, данные разнятся от 6,5% в парторганизации Агинского Бурятского автономного округа до 18,1% в Тувинской АССР.

Причин подобного положения несколько. Едва ли не главной из них являются демографические колебания населения национальных автономий Сибири, как и в целом всего сельского населения РСФСР, сократившегося с 1960 по 1986 г. включительно с 54,7 до 38,7 млн человек⁶. В то же время в национальных автономиях Сибири имели место локальные особенности. Если в Бурятской АССР, Хакасской автономной области, Усть-Ордынском Бурятском автономном округе сельское население значительно сократилось: например, в Бурятии с 420 тыс. человек на начало 1961 г. до 385 тыс. человек на 1 января 1986 г., в Хакасии со 178,6 тыс. человек на начало рассматриваемого периода до 150 тыс. человек на 1 января 1986 г., в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе со 113 тыс. человек в начале 1959 г. до 105 тыс. человек на 1 января 1986 г., то в Тувинской и Якутской АССР и Агинском Бурятском автономном округе оно возросло, а в Горно-Алтайской автономной области практически осталось без изменений⁷. Имели место колебания численности сельского населения по отдельным годам и пятилеткам. Так, практически во всех национальных автономиях Сибири отмечался прирост сельского населения в годы семилетки⁸.

Не менее важное влияние на рост партийных рядов, в том числе непосредственных тружеников полей и ферм, оказывал уровень организационно-партийной и политико-воспитательной работы партийных организаций той или иной национальной автономии Сибири. Анализ решений бюро обкомов, окружкомов и райкомов показывает, что за рост рядов партии, особенно из числа рабочих и колхозников, боролись не везде одинаково напряженно. Имелись случаи, когда отдельные парторганизации колхозов и совхозов не росли годами. Не всегда усилия партийных организаций были направлены на пополнение своих рядов за счет представителей ведущих профессий сельскохозяйственного производства, например животноводов.

Из данных табл. 8 следует, что численность коммунистов, занятых в животноводстве национальных районов Си-

**Динамика численности коммунистов, работавших в животноводстве
национальных районов Сибири (на январь)**

Национальные автономии	Год					
	1960	1966	1971	1976	1981	1986
Бурятская АССР	2239	2974	2605	2567	2673	2698
Тувинская АССР	832	1975	1162	1215	1253	1279
Якутская АССР	1170	1873	2023	1786	1788	1802
Горно-Алтайская а. о.	788	1171	1153	1085	1075	1068
Хакасская а. о.	498	710	683	585	606	617
Агинский Бурятский авт. округ	372	456	452	432	402	414
Усть-Ордынский Бурят- ский авт. округ	570	956	823	763	750	742

бири, стабильно росла во всех автономиях только в первой половине 60-х годов. После 1966 г. постоянный рост имел место только в Тувинской АССР. Наибольшее сокращение числа членов партии, запятых в животноводстве, произошло в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе и Бурятской АССР.

Наряду с названными причинами замедления роста рядов партии следует отметить специфику организации животноводства (большая разбросанность животноводческих стоянок, гургов, отар, оленьих стад и т. д.), цикличность труда и малочисленность животноводческих коллективов, текучесть кадров и тому подобное. Кроме того, следует учитывать, что, проводя работу по привлечению в ряды партии как можно более широкого числа тружеников ведущей отрасли хозяйства, ни в одной из партийных организаций колхозов и совхозов вопрос о том, чтобы членами партии стали буквально все работающие той или иной профессии, просто не ставился.

По-иному складывалось положение с ростом рядов партии среди механизаторов (табл. 9)¹⁰.

Данные табл. 9 показывают, что во всех национальных районах Сибири, за исключением Агинского Бурятского автономного округа, произошел численный рост коммунистов-механизаторов. Причем более интенсивным он был в Бурятской и Тувинской АССР. Если же учесть, что обеспечение национальных автономий техникой в рассматриваемый пери-

Таблица 9

**Динамика роста числа коммунистов среди механизаторов
национальных автономий Сибири**

Национальные автономии	Год					
	1960	1966	1971	1976	1981	1986
Бурятская АССР	1012*	1712	1966	1985	2371	2412
Тувинская АССР	193	456	561	657	748	873
Якутская АССР	291	758	912	899	895	915
Горно-Алтайская а. о.	332*	558	634	617	653	717
Хакасская а. о.	631*	916	1003	891	1056	1118
Агинский Бурятский авт. округ	221*	236	348	239	204	216
Усть-Ордынский Бурят- ский авт. округ	558	1017	1082	1247	1263	1976

* Данные относятся к концу 1960 г.

од шло относительно одинаково и равномерно, то более быстрый рост числа коммунистов-механизаторов в Бурятии и Туве следует отнести исключительно к уровню организаторской работы. Табл. 9 позволяет также судить об уровне организаторской работы партийных организаций по пятилеткам.

В первой половине 60-х гг. имел место значительный рост числа коммунистов-механизаторов во всех автономиях, кроме Агинского Бурятского автономного округа. В Бурятской АССР с 1960 по 1966 г. их число увеличилось на 700 человек, в Якутской АССР — почти на 500, в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе — почти вдвое. В последующие годы общая тенденция роста числа коммунистов-механизаторов, за исключением Якутской АССР и Агинского Бурятского автономного округа, сохраняется, однако прирост носил скачкообразный характер.

В целом за исследуемый период постоянный рост числа коммунистов-механизаторов из пятилетки в пятилетку имел место только в парторганизациях Бурятской АССР и Усть-Ордынского автономного округа. Но и здесь рост рядов партии имел неравномерный характер, что свидетельствует об отсутствии постоянной работы партийных организаций по

Динамика числа коммунистов национальных автономий Сибири, занятых в полеводстве, огородничестве и садоводстве (на январь) *

Национальные автономии	Год					
	1960	1966	1971	1975	1981	1986
Бурятская АССР	1643	1337	1010	797	637	627
Тувинская АССР	383	340	393	187	182	179
Якутская АССР	932	958	916	743	658	636
Горно-Алтайская а. о.	446	361	254	179	131	122
Хакасская а. о.	340	202	37	26	26	24
Агинский Бурятский авт. округ	123	53	46	33	36	31
Усть-Ордынский Бурят- ский авт. округ	473	545	516	398	264	249

* Поскольку общественное огородничество и садоводство в национальных автономиях, за исключением Якутской АССР, было развито слабо, данные относятся в основном к полеводству.

привлечению в партию представителей ведущих профессий сельскохозяйственного производства.

К интересным выводам и не только об уровне партийно-организационной работы приводит анализ изменения численности коммунистов, занятых в полеводстве национальных районов Сибири (табл. 10)¹¹.

Приступая к анализу данных таблицы, следует иметь в виду большие изменения, произошедшие в механизации полеводства национальных районов Сибири. Как отмечалось во второй главе данного исследования, были полностью механизированы производство зерна и во многом кормопроизводство. Занятые в этих процессах коммунисты стали учитываться как механизаторы. Поэтому приведенные в таблице данные, наряду с работой партийных организаций по подготовке и приему в члены партии полеводцов, о чем речь ниже, в значительной степени отражают ход механизации. Чем быстрее и полнее механизация охватывала полеводческие работы, тем меньше оставалось представителей полеводства, не относящихся к механизаторам. Это люди, исполнявшие ручные или конно-ручные работы, занятые на поливе, собственно полеводы, агрономы, счетные работники и т. д.

Поэтому объективную картину деятельности по привлечению в ряды партии тружеников полеводства за рассматриваемые годы можно представить в значительной степени условно. Правильнее рассматривать наличие коммунистов, занятых в полеводстве, в совокупности с механизаторами. Да и само понятие «полевод» без понятия «механизатор» уже в рассматриваемые годы едва ли правильно.

Сопоставляя число коммунистов-механизаторов и полеводов в начале и конце рассматриваемого периода, можно убедиться, что за это время в национальных автономиях, за исключением Агинского Бурятского автономного округа и Горного Алтая, количество коммунистов, занятых на возделывании зерновых, кормовых и технических культур, росло. В то же время подсчеты показывают, что прирост был неравномерным. В Горно-Алтайской автономной области количество коммунистов (механизаторов и полеводов) с 778 человек в начале рассматриваемого периода увеличилось до 919 в начале 1966 г., а затем стало постепенно снижаться и в середине 80-х гг. составляло 777 человек. В Бурятской АССР число коммунистов-механизаторов и полеводов, увеличившись с 2655 человек в начале 1960 г. до 3099 человек в 1966 г., затем снизилось до 2782 человек в начале 1976 г. и к 1986 г. возросло до 3039.

Причиной значительных колебаний числа коммунистов, занятых на полеводческих работах, кроме отмеченных выше, было столь же неравномерное использование посевных площадей. Так, в Тувинской АССР посевные площади всех сельскохозяйственных культур, увеличившись с 274,5 тыс. га в 1960 г. до 320 тыс. га в 1965 г., к концу восьмой пятилетки сократились до 307,6 тыс. га, затем, увеличившись до 370,7 тыс. га в 1980 г., к 1985 г. составляли только 296,8 тыс. га¹¹. Кроме того, произошло сокращение естественных сенокосных угодий, связанное с укрупнением ряда населенных пунктов, объединением хозяйств, закрытием мелких животноводческих ферм и т. д., что привело к росту бросовых земель, ранее обрабатываемых вручную или на конном тягле. Все это влияло на количество людей, занятых в полеводстве, сужало базу роста партийных организаций колхозов и совхозов за счет занятых непосредственно в сфере материального производства.

Этот вывод подтверждает простое сравнение темпов роста числа коммунистов ведущих профессий сельскохозяйственного производства и партийных организаций, работающих на селе, в целом. Сопоставительные данные показывают, что

более быстрыми темпами росло число коммунистов, занятых в управленческом аппарате. Шло укрепление административно-командной системы управления сельскохозяйственным производством. Отмеченная тенденция была характерной для партийных организаций всех национальных автономий. Общий рост партийных рядов создавал иллюзию благополучия в партии вообще и в ее национальных отрядах на местах.

Вместе с тем деятельность партийных организаций не ограничивалась только работой по росту своих рядов. Она тесно смыкалась с мероприятиями по совершенствованию структуры самих партийных органов и организаций. В парторганизациях большинства национальных автономий увеличилось количество партийных групп (табл. 11) ¹².

Таблица 11

Динамика количества партгрупп в партийных организациях сельскохозяйственного производства национальных автономий Сибири (на январь)

Национальные автономии	Год					
	1960	1966	1971	1976	1981	1986
Бурятская АССР	118	307	264	278	383	392
Тувинская АССР	данные не выявлены	182	154	140	245	257
Якутская АССР	36	133	149	164	210	217
Горно-Алтайская а. о.	24	168	111	183	60	99
Хакасская а. о.	58	92	122	76	78	83
Агинский Бурятский авт. округ	29	14	40	37	34	41
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	данные не выявлены	152	164	147	183	195

Из данных табл. 11 можно сделать ряд выводов. Во-первых, партийные организации всех автономий достаточно активно использовали такую структурную ячейку, как партийная группа. Во-вторых, количественное изменение партгрупп свидетельствует о широком перечне задач, при решении которых руководители колхозов и совхозов предпочитали опереться на партийные силы. В-третьих, общий рост числа

партгрупп говорит о том, что в целом эти партийные объединения своей работой приносили положительные результаты.

Другим направлением активизации работы сельских коммунистов было создание в парторганизациях колхозов и совхозов парткомов (табл. 12)¹³.

Таблица 12

Динамика наличия парткомов в парторганизациях колхозов и совхозов автономий Сибири (на январь)

Национальные автономии	Год					
	1960	1966	1971	1976	1981	1986
Бурятская АССР	65	82	82	100	96	98
Тувинская АССР	18	26	33	41	48	50
Якутская АССР	36	64	59	86	80	84
Горно-Алтайская а. о.	13	20	29	32	52	46
Хакасская а. о.	7	35	49	45	45	44
Агинский Бурятский авт. округ	4	7	3	3	3	4
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	15	35	44	49	54	54

Прежде всего следует отметить, что право избрать партком* определялось прежде всего количеством членов партии в той или иной партийной организации. Однако были отступления от этого принципа. Учитывались, например, территория хозяйства, особо сложный рельеф местности, форма ведения хозяйства и т. д.

Данные табл. 12 показывают, что партийные организации большинства колхозов и совхозов национальных автономий Сибири добивались права на избрание парткома. Так, в Тувинской АССР в 1985 г. из 66 совхозных парторганизаций 50 имели парткомы. В Горно-Алтайской автономной области из 57 парторганизаций колхозов и совхозов 46 имели парткомы.

* Создание парткома давало возможность партийной организации иметь одного, а то и нескольких освобожденных парработников, свой транспорт, определенные средства на организацию и проведение различных мероприятий, учебы, обмена опытом и т. д.

Структурные изменения в парторганизациях колхозов и совхозов (образование партгрупп, парткомов, расширение сети цеховых и первичных парторганизаций, закрепление членов партии на решающих участках колхозно-совхозного производства и т. д.), как и рост числа коммунистов, предполагали повышение влияния партии (коммунистов) в трудовых коллективах и, вместе с этим, значительное улучшение экономических показателей работы колхозов и совхозов. И надо отметить, что целый ряд партийных организаций добивались заметных практических результатов. Среди них партийная организация колхоза им Чапаева Эхирит-Булагатского района Усть-Ордынского автономного округа. В ней на протяжении всех рассматриваемых лет не менее 80% коммунистов трудились непосредственно на фермах, в бригадах, мастерских. На решающих участках производства были созданы партийные группы. Партийное бюро строго следило за выполнением уставных требований коммунистами, своевременно проводило партийные собрания и заседания бюро, на которых обсуждались важные вопросы организационно-партийной и идеологической работы, развития экономики колхоза, организации соцсоревнования и движения за коммунистическое отношение к труду, руководства общественными организациями и распространения передового опыта, повышения роли коммунистов во всех сферах производственной и общественной жизни села¹⁴.

В этом колхозе производство было стабильным. Так, урожай зерновых здесь выросли с 13,2 ц в 1965 г. до 15 ц в 1966 г. и 19 ц с га в 1967 г. Только за 1966 и 1967 гг. заготовка молока увеличилась на 73%, шерсти — на 60%, прибыль колхоза в 1967 г. составила 176 тыс. руб. вместо 141 тыс. руб. по плану¹⁵.

Однако не все партийные организации находили нужный стиль работы. Отдельные из них подменяли хозяйственные и общественные организации. Их работа отличалась многословием, отсутствием конкретности в принимаемых решениях. Например, при рассмотрении вопроса «О подготовке к зимовке скота» на собрании партийной организации колхоза «40 лет Октября» Усть-Абаканского района Хакассской автономной области, проходившего 20 октября 1965 г., было принято постановление, состоящее из 18 пунктов и 25 подпунктов. Но среди 43 пунктов и подпунктов не было ни одного слова о работе партгрупп с комсомольской организацией, о политической работе коммунистов среди животноводов, об улучшении условий труда¹⁶.

Изученные автором документы партийных организаций десятков колхозов и совхозов в различных национальных автономиях показывают, что аналогичные ситуации имели место в течение всего анализируемого периода. Но фактом является и то, что большинство партийных организаций колхозов и совхозов исправляли имевшиеся недостатки, совершенствовали формы и методы своей работы. В начале рассматриваемого периода неоднократно подвергалась критике партийная организация колхоза им К. Маркса Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области. Переизбрание бюро, затем создание парткома подняли уровень работы парторганизации этого колхоза. Была повышена ответственность коммунистов за порученный участок работы, определена и конкретизирована деятельность партгрупп и цеховых парторганизаций. Партком взял под свой контроль работу клуба, библиотеки, детского сада, на повестку дня заседаний парткома, партийных собраний стали выноситься отчеты коммунистов-руководителей подразделений колхозного производства, ответственных за проведение той или другой сельскохозяйственной кампании.

Повышение активизации партийной организации послужило одной из главных причин улучшения работы всех производственных подразделений колхоза. В 1967 г колхоз им. К. Маркса успешно справился с плановыми заданиями¹⁷.

Аналогичные изменения в организации работы колхозных и совхозных парторганизаций происходили и в других национальных автономиях Сибири. Неоднократно о стиле работы партийной организации колхоза «Красный пахарь» Пий-Хемского района Тувинской АССР шла речь на пленумах, активах, конференциях коммунистов этой республики. Партком колхоза «Красный пахарь» подчинил всю деятельность партийной организации повышению роли коммунистов в выполнении поставленных перед хозяйством задач. Главными вопросами на заседаниях парткома стали вопросы: «О роли коммунистов в колхозном производстве», «О работе коммунистов на заготовке кормов и подготовке к зимовке скота», стали заслушиваться информации парткома о выполнении критических замечаний и предложений коммунистов. Усилилось внимание партийной организации колхоза к политическому и экономическому образованию тружеников села. Партийный комитет поднял роль и ответственность общественных организаций. В составе руководителей общественных организаций увеличилась партийная прослойка. Партком совхоза через профсоюзную организацию усилил работу по орга-

низации социалистического соревнования среди работников животноводства и полеводства

Активизация коммунистов способствовала тому, что, например, в 1972 г. колхозники добились повышения плодородия земель, что позволило собрать на полях этого хозяйства по 19,9 ц зерновых с га пашни при плане 12,4 ц. Была снижена себестоимость одного центнера зерна до 3 руб. 92 коп. при плане 8 руб. 60 коп.

Активизация деятельности партийных организаций колхозов и совхозов потребовала кропотливой работы партбюро и парткомов по подбору партгруппоргов. И надо отметить, что в партийных организациях национальных автономий Сибири за рассматриваемые годы выросло немало партгруппоргов, которые заслуженно пользовались уважением коммунистов и беспартийных. Например, коммунист, доярка Татьяна Найкуновна Барбарова из колхоза им. Калинина Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области¹⁹.

Широко было известно в Туве имя знатного чабана совхоза «Алдан-Маадыр» Д.-Н Ч. Ооржака, Героя Социалистического Труда, кавалера двух орденов Ленина. Он более 10 лет возглавлял партийную группу в оргшольской бригаде, коллектив которой постоянно добивался хороших результатов. Бригада являлась передовиком социалистического соревнования в годы девятой пятилетки. В 1975 г. она досрочно выполнила свои социалистические обязательства по всем показателям, получила по 105 ягнят от каждой сотни овцематок²⁰.

Однако систематической подготовки и обучения партгруппоргов в партийных организациях, райкомах партии национальных автономий Сибири налажено не было, а единичные и краевременные семинары не решали поставленных задач. Дело подготовки партгруппоргов осложнялось крайней нестабильностью партийных групп. Кроме того, ежегодно на время проведения важнейших сельскохозяйственных кампаний создавались временные партийные и партийно-комсомольские группы. Все это затрудняло систематическую, тем более предварительную работу с партгруппоргами, однако, как правило, партгруппорги, партийные группы проделывали большую работу, были во главе трудящихся масс, возглавляли социалистическое соревнование, были организаторами добросовестного отношения к труду, к выполнению плановых заданий и социалистических обязательств.

Более систематической в рассматриваемые годы была работа по подготовке, воспитанию и повышению квалификации секретарей первичных партийных организаций.

Повышенное внимание к данной проблеме заметно влияло на улучшение качественного состава партийных работников, занятых в сельском хозяйстве. Процесс улучшения качественного уровня партийных работников продолжался на протяжении всего рассматриваемого периода. Так, в партийной организации Якутской АССР в 1959 г., как отмечалось в решении XXIII Якутской областной конференции, 41% секретарей партийных организаций колхозов и совхозов не имели среднего образования, в том числе у 16,6% было только начальное образование²¹. В 1970 г. высшее и среднее образование имело у 83% секретарей всех первичных парторганизаций республики²².

Улучшение качественного состава секретарей, совершенствование структуры первичных партийных организаций сельскохозяйственного производства продолжались и в последующие годы (табл. 13)²³.

Данные табл. 13 показывают динамичное изменение состава секретарей партийных организаций совхозов Якутской АССР. Из года в год увеличивалось число секретарей парторганизаций с высшим образованием, заметно сократилось количество секретарей, имевших среднее образование. Исчезли в среде этой категории партийных работников люди без образования. Имел место рост освобожденных секретарей партийных организаций. Заметно среди секретарей увеличилось количество специалистов сельского хозяйства, постоянно высоким оставался состав секретарей коренной национальности.

На фоне качественного изменения состава секретарей партийных организаций на селе явная недооценка существенных возможностей улучшения работы сельских парторганизаций за счет привлечения к руководству ими коммунистов-женщин.

Отмеченные процессы качественного изменения состава секретарей парторганизаций колхозов и совхозов носили общий характер и были типичными для всех автономных республик, областей и округов Сибири. Так, в Горно-Алтайской автономной области значительно поднялся образовательный уровень секретарей сельских парторганизаций. Увеличилось количество освобожденных секретарей. Несколько возросло количество секретарей-женщин. Если в 1960 г. из 54 секретарей женщин было 5, то в 1980 г. — 8, в 1985 г. — 9²⁴.

**Динамика качественных изменений состава секретарей партийных
организаций, предприятий сельскохозяйственного производства
Якутской АССР**

Категории секретарей	Год						
	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981
Секретари первичных парторганизаций:	85	85	92	83	87	89	90
в том числе коренной национальности	74	65	75	73	71	73	83
женщин	10	7	10	7	8	12	7
специалистов сельского хозяйства:	2	2	9	5	5	7	11
из них:							
с высшим образован.	50	53	57	62	65	66	73
с незаконченным высшим образованием	10	8	9	4	10	10	—
со средним образованием	23	20	23	16	10	13	10
с неполным средним образованием	2	3	2	—	1	—	—
освобожденных секретарей	69	69	69	75	76	75	79
В том числе							
сняты как несправившиеся	5	—	—	—	—	—	—

За это же время заметно повысился образовательный уровень руководителей колхозно-совхозного производства, входивших в номенклатуру партийных органов. Например, в Якутской АССР в 1970 г. среди руководящих работников колхозов имели высшее и среднее специальное образование 64%, в совхозах — 67%. Эти показатели были значительно выше, чем в среднем по РСФСР и Дальневосточному региону²⁵. В республике выросли способные организаторы сельскохозяйственного производства — председатели правлений колхозов, директора совхозов: коммунисты Н. Е. Васильев, Н. Е. Едисеев, С. Г. Жирков, М. П. Захаров, С. Г. Охлопков, П. П. Ощепков, М. Д. Петров, Н. И. Прокопьев, А. А. Шадрин и многие другие.

Проводя большую воспитательную работу, улучшая подбор, повышая образовательный уровень партийных, советских, профсоюзных, комсомольских работников, партийные организации национальных районов Сибири занимались подготовкой и выдвижением на руководящую работу лиц коренной национальности. В Хакасии, например, в 1964 г. только 11% всех специалистов сельского хозяйства были коренной национальности, 4 хакаса работали секретарями райкомов партии, 2 — председателями райисполкома. В 1967 г. среди освобожденных партийных работников хакасы составляли 16%, советских — 13%, среди специалистов сельского хозяйства хакасов было 12%. В 1971 г. среди освобожденных партийных работников до 23% было хакасов, работников Советов депутатов трудящихся — 16,5%, профсоюзных — 17%, комсомольских — 19%²⁶, что значительно превосходило процентное отношение хакасов к населению области.

В работе по подготовке партийных, советских, хозяйственных руководителей партийные организации большое внимание обращали на подготовку кадрового резерва. С этой целью была усилена воспитательная и разъяснительная работа по привлечению в ряды партии специалистов сельского хозяйства. Если, например, в 1975 г. в Якутской АССР среди специалистов сельского хозяйства с высшим специальным образованием было 1983 члена партии и 56 кандидатов в члены КПСС, то в 1980 г. — 2547 членов и 68 кандидатов. В Бурятской АССР соответственно 2417 и 65 в 1975 г. и 3253 и 121 в 1980 г.²⁷

Решающая роль в проведении всей партийно-политической работы на селе принадлежала районным комитетам КПСС. После их восстановления по решению ноябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС райкомы возглавили партийные организации, направляли их усилия на решение главных задач развития сельскохозяйственного производства, укрепление экономики колхозов и совхозов, повышение благосостояния и культуры сельских тружеников.

В национальных автономиях Сибири насчитывалось 89 сельских райкомов партии. За рассматриваемые годы изменились и сами сельские райкомы, улучшился качественный состав (по уровню образования, опыту работы). Практически все секретари районных комитетов партии имели высшее образование. Большинство из них являлись специалистами в той или другой отрасли народного хозяйства, многие работали после обучения в высших партийных школах или учились в них заочно.

Райкомы повышали роль и ответственность первичных партийных организаций, колхозных и совхозных кадров, опирались на актив сельских тружеников. Лучшие из них добились хороших результатов. Так, Кабанский райком партии (Бурятская АССР) установил тесную связь с парторганизациями колхозов и совхозов района, а через них с хозяйственными органами, зоотехниками, инженерами, экономистами. Райком опирался на их опыт и знания, и от этого возрастали его возможности, еще выше поднимался авторитет. Чем настойчивее райком партии старался утвердить такой стиль, тем заметнее поднималась роль специалистов, ответственность руководителей за дела вверенных им участков. Райком партии совместно с советскими и хозяйственными органами способствовал внедрению в сельское производство района внутрихозяйственной, а затем и межхозяйственной специализации. В Кабанском районе для каждого хозяйства было определено свое направление развития. Колхозы и совхозы, опираясь на специализацию, выполняли и перевыполняли плановые задания по всем основным отраслям производства. В целом Кабанский район из года в год в экономическом отношении был одним из стабильных районов Бурятской АССР²⁸.

Во многом активизации партработы способствовал проведенный обмен партийных документов, начавшийся по решению майского (1972 г.) Пленума ЦК КПСС.

Ряд партийных организаций колхозов и совхозов, работавших в специфических условиях гундры Якутской АССР, высокогорных районов с отгонным животноводством Бурятии, Тувы, Горного Алтая, во время обмена партийных документов практиковали перенос своей работы на места сосредоточения оленьих стад, гуртов крупного рогатого скота, отар овец. Нередко там проводились выездные заседания бюро и партийные собрания. В ходе обмена партийных документов в ряде организаций практиковалась такая форма работы, как заслушивание отчетов коммунистов. Широко использовались собеседования. Например, в партийной организации Овюрского района Тувинской АССР только за полтора года с момента выхода постановления ЦК КПСС об обмене партдокументов (май 1972 г.) на пленумах и заседаниях бюро райкома партии, парткомов колхозов и совхозов были заслушаны отчеты 50% состава районной партийной организации²⁹.

Ход и результаты обмена партийных документов обсуждались на районных, окружных и областных бюро, пленумах и конференциях комитетов партий. Партконференция Ту-

винской республиканской партийной организации в январе 1974 г. отметила, что в период обмена около 2 тыс. членов партии дополнительно включились в общественно-политическую деятельность, коммунисты в целом активизировались, в том числе выполняя производственные задания³⁰.

Примеры активизации сельских коммунистов были отмечены на пленуме Бурятского областного комитета партии и на собрании партийного актива Якутской АССР³¹. В документах партийных организаций всех автономий Сибири констатировался факт повышения уровня работы сельских парторганизаций.

Особенностью принимавшихся решений стало более частое появление в них вопросов о стиле и методах работы с массой. Прижилась, вошла в порядок вещей и стала системой для большинства партийных органов и организаций информация о ходе выполнения предшествующих решений. Об этом стали постоянно сообщать по радио и в местной печати³². Так, на пленуме Бичурского райкома партии Бурятской АССР, проходившем 13 января 1978 г., при рассмотрении вопроса о ходе развития сельскохозяйственного производства и улучшении обслуживания населения был высказан ряд критических замечаний в адрес партийных, советских и хозяйственных организаций. Следующий пленум райкома заслушал специально подготовленную информацию о ходе выполнения критических замечаний, высказанных на предыдущем пленуме, и разработал мероприятия дальнейшего развития сельскохозяйственного производства. Очередной пленум райкома КПСС, проходивший 11 августа 1978 г., рассмотрел вопрос о ходе выполнения мероприятий, принятых на предыдущем пленуме³³.

В то же время анализ партийных документов райкомов, окружкомов, обкомов КПСС, первичных партийных организаций колхозов и совхозов показывает, что организационное улучшение партийной работы, более критический подход к достижениям и недостаткам, выявлению причин недоработок в десятой пятилетке, так же как и в предшествующих, преследовал преимущественно решение производственных задач.

Человек с его заботами, чаяниями, в целом социально-культурная сторона жизни села продолжали оставаться на втором плане, подтверждением чему может служить отсутствие хороших дорог на селе, неподведенное электричество к животноводческим стоянкам, доильным площадкам, плохое медицинское обслуживание сельского населения и так далее.

Вместо этого партийные органы, особенно в годы десятой пятилетки (1975—1980 гг.), сделали заметный шаг вперед в

деле всестороннего и грамотного оформления решений бюро, пленумов, партконференций. В целом даже партийные организации колхозов и совхозов заметно улучшили бумажную сторону своей деятельности. Повсеместно стал использоваться в партийной работе принцип перспективного планирования. Можно заметить сходную, четкую структуру этих планов. В них, как правило, 4 главных раздела, которые подчинены выполнению конкретных экономических, хозяйственных и политических задач. Первый раздел плана обычно посвящался развитию сферы материального производства, второй — сфере обслуживания, третий — идеологической работе с трудящимися, четвертый — повышению активности партийных организаций как основы решения всех задач. В работу партийных органов, таким образом, все больше и больше проникал формализм.

Широкое распространение получила практика привлечения коммунистов для работы в аппарате комитетов на общественных началах в качестве внештатных сотрудников. Из них создавались постоянные или временные советы, комиссии, группы. Особое место в их ряду занимали созданные по решению ЦК КПСС во всех райкомах партии внештатные комиссии по предварительному рассмотрению вопросов приема в партию и персональных дел коммунистов. В состав таких комиссий, как правило, входили коммунисты с большим жизненным опытом и партийным стажем, привлекались пенсионеры. Создавались группы внештатных инструкторов и докладчиков, лекторов.

В райкомах партии стали традицией еженедельные производственные совещания работников аппарата, где инструкторы и заведующие отделами делились впечатлениями об обстановке в партийных организациях колхозов и совхозов, докладывали о проделанной работе, секретари парткомов информировали о положении дел в районе. Совещания работников аппарата являлись школой подготовки молодых сотрудников райкомов партии. В то же время такая практика прививала и негативные навыки работы. Чрезвычайное количество указаний, распоряжений, решений, постановлений, идущих сверху, создавало иллюзию необходимости бумаготворчества, насаждало бюрократический стиль работы, учило заниматься не живым делом, а отписками, сочинением ответов, запросов, справок и т. д. Бумажный стиль работы становился нормой.

Многолетняя практика такой системы приводила к тому, что партийные органы теряли вкус к самостоятельности и

оперативности, начинали усиленно заниматься тем или иным вопросом не потому, что он в районе, области, республике стал актуальным, не потому, что другие проблемы решены, а потому, что вышло очередное постановление вышестоящего партийного органа. Такая практика приводила к игнорированию местных особенностей. Одинаковые задачи приводили к однотипным путям их решения. Круг проблем чаще всего ограничивался задачами выполнения производственных заданий, текущих хозяйственных кампаний.

Однако сосредоточение внимания партийных организаций исключительно на решении экономических проблем приводило к ослаблению их влияния в массах. Решения становились необязательными для выполнения. Об этом свидетельствует, например, выборочный анализ, проведенный Якутским обкомом КПСС в 1971 г.: только 30—40% принятых партийными организациями решений выполнялись в установленные сроки³⁴.

Односторонность, забвение социальных задач, проблем преодоления существенных различий между городом и деревней, повышения благосостояния и культуры сельского населения, коренного переустройства деревни, ее облика и быта, излишняя опека партийных организаций колхозов и совхозов, наряду с нерешенностью ряда общеэкономических проблем тормозили инициативу масс, понижали ответственность коммунистов, руководителей и рядовых тружеников за порученное дело. Они привели к снижению заинтересованности колхозников и рабочих совхозов в результатах своего труда, порождали в массовом масштабе иждивенчество и рвачество. Аппараты райкомов, пытаясь скрыть свою несостоятельность, все чаще использовали метод взысканий как главный способ воздействия на подчиненных и стимулирования выполнения решений. Так, в Могойтуйском районе Агинского Бурятского автономного округа более напряженная, хозяйственная кампания, как правило, влекла больше взысканий³⁵. В сельских парторганизациях все больше утверждался бюрократический тип внутрипартийных отношений, из которых уходило товарищество, дискуссии, инициатива.

В партии утверждалась власть меньшинства — партаппарата. Меры партийных организаций национальных автономий по росту рядов партии, увеличению количества партгрупп, совершенствованию форм и методов партийной работы в массах не могли полностью компенсировать этого явления. Партия, как и страна в целом, погружалась в застой и стагнацию.

ПАРТИЙНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И МАССОВО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА НА СЕЛЕ

В 60—80-е гг. общественно-политическая жизнь в целом протекала преимущественно в четко очерченных ЦК КПСС рамках.

Деятельность партийных органов и организаций национальных автономий в этом направлении имела свои особенности. Ее сложность была детерминирована климатическими, географическими, производственными, национальными особенностями автономных республик, областей и округов Сибири. Сезонность работ, а отсюда быстрая смена производственных задач трудовых коллективов, сжатые и напряженные сроки отдельных видов деятельности, определенная зависимость от погодных условий, рассредоточение людей по отдельным стоянкам, гуртам и отарам, специфические условия миграции оленьих стад по бескрайним просторам тундры, например в Якутской АССР, требовали от партийных комитетов, первичных парторганизаций особой собранности, оперативности в организации массово-политической работы*.

Определенный шаг вперед в решении этого вопроса по сравнению с предшествующими годами был сделан в годы семилетки. Партийная учеба начала складываться в стройную систему. Быстро росло число тружеников национальных автономий, охваченных партийным просвещением. Так, в Горно-Алтайской областной партийной организации в 1959 г. кружками и теоретическими семинарами было охвачено 5689 человек, в том числе 4022 коммуниста. В конце 1965 г. количество охваченных партучебой составляло 9860, из них 6745 были членами и кандидатами в члены партии³⁶. Значительно увеличилось количество газет и журналов, выписывавшихся в области: с 379 экземпляров на 1 тыс. жителей в 1960 г. до 569 в 1965 г.³⁷ Из года в год росло количество лекций и докладов, прочитанных на родном языке коренных жителей. Все больше и больше распространялась такая форма политмассовой работы, учитывавшей специфику работы сельских жителей (отгонное скотоводство), разъездных агитаторов и пропагандистов.

В силу сложившихся исторических условий Горный Алтай как глухая окраина Российской империи был местом,

* Любой политический строй утверждает свои политические воззрения. Формы этой работы могут быть различными. В рассматриваемые годы основным направлением деятельности партии в этом плане была массово-политическая учеба.

где селились старообрядцы и другие противники официальной церкви. Горный Алтай был к тому же национальной окраиной, где местное население веками находилось под властью баев и мулл, шаманов и камов. Отдельные проявления этого имели место и в рассматриваемый период.

Партийные организации считали одной из главных задач борьбу с сектантами, религиозными пережитками в сознании людей. Значительный опыт по антирелигиозной деятельности коммунистов был накоплен в высокогорных национальных по своему составу жителей Кош-Агачском и Онгудайском районах Горно-Алтайской автономной области. Здесь, наряду с общепризнанными формами работы, особое внимание было обращено на атеистическое воспитание в школе.

Большую работу по атеистическому воспитанию проводили разъездные агитаторы на животноводческих стоянках колхозов и совхозов. Особое внимание в своей работе они уделяли национальным особенностям населения. Ими проводились индивидуальные и групповые беседы на темы: «Что такое кайэн?» (преклонение перед стариками), «ороза» — пост, «намаз» — молитва, «келин» — сноха, как она себя должна вести в семье мужа и др. Много лекций было прочитано учителям школ на темы: «Наука и суеверие», «О знахарстве», «Происхождение жизни и человека на земле» и др.³⁸

В целом по национальным автономиям Сибири в годы семилетки наиболее распространенной формой массово-политической работы была политическая беседа в производственном коллективе или по месту жительства. С середины 60-х гг в агитационно-пропагандистской работе стало выделяться другое основное ее направление — политическая информация, однако после XXIII съезда КПСС (1966 г) это направление было дополнено темами по экономической, культурной и международной жизни. Более того, в партийных документах обращалось внимание идеологических работников, местных парторганизаций на необходимость самого глубокого разъяснения хозяйственных задач, активного привлечения к этой работе инженерно-технических работников, руководителей предприятий. Им в обязанность вменялись политико-воспитательные функции.

Именно с 1965 г. в целом в политико-воспитательной работе был сделан заметный крен, с одной стороны, на все более широкий охват системой политучебы тружеников села, с другой, стал заметным поворот к изучению в политической учебе вопросов конкретной экономики.

Так, в Тувинской АССР охват слушателей системой политического просвещения с 15 тыс. человек в 1965 г. вырос до 28519 человек в 1980 г.³⁹ В Горном Алтае с 9860 человек до 29,7 тыс. в 1975 г. и более чем 40 тыс. человек в 1985 г. При помощи пропагандистов только в 1983 г. 16,3 тыс. слушателей системы экономического образования области разработали годовые социалистические обязательства, 12 тыс. были вовлечены в движение за экономию и бережливость, 1,8 тыс. человек составили счета экономии сырья и материалов⁴⁰. В Хакасской автономной области число занимавшихся в системе политического и экономического образования с 1965 до 1980 г. возросло с 38446 человек до 96324, в 1984/85 уч. г. оно превысило 102 тыс. человек⁴¹.

Партийные комитеты национальных округов, областей и республик Сибири держали в поле своего зрения ход, содержание и уровень политической и экономической учебы коммунистов и беспартийных трудящихся. Вопросы партийно-политической, экономической учебы были постоянными в повестках дня бюро и пленумов райкомов, окружкомов, обкомов партий. Так, 15 октября 1965 г. бюро Усть-Ордынского окружкома партии рассмотрело вопрос «О работе партийной организации колхоза им. Калинина Бохонского района среди работников животноводства». В решениях бюро были высказаны серьезные замечания и предложены меры по улучшению организации воспитательной работы на фермах и животноводческих стоянках колхоза⁴².

В марте 1966 г. бюро окружкомов КПСС вернулось к состоянию воспитательной работы в этом хозяйстве и рассмотрело вопрос «О руководстве райкома колхоза им. Калинина марксистско-ленинским образованием коммунистов». В своих решениях бюро отметило оживление в деле организации политического образования в колхозной парторганизации. В сети партийно-просветительной учебы колхоза работало 7 начальных политшкол и одна школа марксизма-ленинизма, в которых занималось большинство коммунистов колхозной парторганизации⁴³. В целом в 1965/66 уч. г. в Усть-Ордынском округе действовало 285 начальных политшкол, 53 школы основ марксизма-ленинизма и 80 теоретических семинаров. Из 529 руководителей школ и семинаров высшее и неполное высшее образование имели 411 человек, 201 человек из них были партийными, советскими или хозяйственными руководителями, специалистами сельского хозяйства⁴⁴.

27 марта 1967 г. вопросу «О состоянии марксистско-ленинского образования коммунистов в окружной партийной орга-

низации» был посвящен V пленум Усть-Ордынского окружного комитета КПСС⁴⁵. В окружной партийной организации ежегодно подводились итоги партийного просвещения, учебные планы увязывались с хозяйственными задачами колхозов и совхозов и со знаменательными датами. Именно об этом шла речь 28 ноября 1968 г. на III пленуме Усть-Ордынского окружкома КПСС, рассмотревшем вопрос «О задачах окружной партийной организации по усилению массово-политической работы среди трудящихся в связи с подготовкой к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина»⁴⁶.

Парторганизации других национальных автономий также усилили постоянное внимание к вопросам просвещения трудящихся. Повсеместно перешли к обобщению и распространению опыта лучших агитаторов, руководителей кружков и теоретических семинаров.

В Джидинском районе Бурятской АССР был обобщен опыт работы агитатора партийной организации ордена Ленина совхоза «Боргойский» В. Г. Базарова, чабана маточной отары, члена КПСС, работавшего агитатором на протяжении нескольких лет.

С 1965 г. совхоз «Боргойский» перешел на хозрасчет. Поэтому одним из главных направлений работы агитатора В. Г. Базарова было разъяснение, особенно молодым чабанам, принципов хозрасчета, механизма складывания прибыли, необходимости экономии, изыскания внутренних резервов⁴⁷.

В активизации и оживлении политической учебы партийные органы видели возможность преодоления с каждым годом усиливавшихся противоречий в самом социалистическом производстве. С этой целью местным партийным органам и организациям сверху рекомендовались все новые и новые формы коммунистического воспитания трудящихся. Так, во второй половине 70-х гг. партийные организации колхозов и совхозов национальных автономий стали переходить к комплексному планированию политического воспитания трудящихся. Например, партком колхоза им. Чапаева Бохонского района разработал и принял перспективный план идеологической работы на 1976—1980 гг., в котором обеспечивалось единство идейно-политического, трудового и нравственного воспитания в комплексном сочетании с организационными и экономическими мероприятиями. В целом идеологическая работа стала больше учитывать специфику и особенности хозяйственной деятельности колхозов и совхозов. Так, в Кижингинском районе Бурятской АССР в октябре 1975 г. были разработаны и на заседании райкома партии утверждены

мероприятия по комплексному обслуживанию животноводов. По этому плану значительно расширился круг людей, обслуживающих работников животноводческих ферм и стоянок. Зимой 1975/76 г. работали 103 лектора, 165 политинформаторов и 272 агитатора. За каждым из них были закреплены животноводческие точки, определены темы для выступлений и бесед. Райком КПСС совместно с парткомами каждый месяц проводил кустовые семинары политинформаторов⁴⁸. В Бичурском районе практически во всех хозяйствах были созданы материальные условия для проведения политической и культурно-просветительной работы. В совхозах «Окино-Ключевский», «Хилокский», колхозах «Дружба», «Рассвет» были построены полсные станы, где были общежитие, столовая, «красный уголок». В колхозе им. Калинина организованы «красные уголки» на всех МТФ⁴⁹.

Значительные коррективы в идейно-политическую работу райкомов партии вносило строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Райкомы партии, на территории которых пролегла магистраль, должны были перестроить свою работу: перейти от тем сельскохозяйственного производства к идейно-политической деятельности среди строителей, путеукладчиков, изыскателей. В 1976/77 уч. г для обучения строителей БАМа было создано 2 политшкол, 19 школ основ марксизма-ленинизма, 10 теоретических семинаров, где занимались 1236 слушателей. К занятиям в 76 школах и кружках комсомольского политпросвещения были привлечены 3250 человек. В 19 школах экономического образования занимались 971 человек. Во время прокладки БАМа по территории районов Бурятской АССР среди строителей-бамовцев работало 210 агитаторов, 227 политинформаторов⁵⁰. А в целом в республике в 1976/77 уч. г было 6 тыс. пропагандистов, 19 тыс. агитаторов, политинформаторов и лекторов. В идейно-политической работе партийные организации широко использовали технические средства массовой информации. В республике было 4 станции «Орбита», более 20 малых приемно-передающих устройств, 44 ретранслятора телевидения, что позволяло до 90% населения Бурятской АССР смотреть программы телевидения. Значительно увеличилась подписка на газеты и журналы. На каждую тысячу населения приходилось 1228 экземпляров периодики.

В 1979/80 уч. г. в Бурятской АССР всеми формами партийной учебы было охвачено более 71 тыс. человек, в том числе 40 тыс. членов партии. В следующем 1980/81 уч. г. количество слушателей партийного просвещения возросло на 3

тыс. человек. В школах и кружках по изучению экономики в это же время обучалось более 74 тыс. рабочих, колхозников, специалистов. Значительно повысился уровень занятий, что было достигнуто прежде всего более тщательным подбором агитаторов, пропагандистов, преподавателей и постоянной методической помощью им. 94% пропагандистов, руководителей школ и курсов, семинаров и кружков имели высшее или незаконченное высшее образование⁵¹.

Особое внимание партийные организации уделяли коммунистическому воспитанию молодежи. С этой целью использовали как традиционные, так и новые формы воспитательной и культурно-просветительной работы. Так, в поселке Ийи-Тал Улуг-Хемского района Тувинской АССР по инициативе партийной организации был создан совет интеллигенции, который возглавлял коммунист В. О. Баву-Сюрюн. Совет наладил занятия кружков политических, общеобразовательных и профессиональных знаний. В Якутии только в 1966 г. работали 23 городских и районных клуба революционной, боевой и трудовой славы, в которых состояло свыше 800 человек ветеранов революции, участников гражданской и Великой Отечественной войн, ветеранов труда. Только за первое полугодие 1967 г. члены клуба провели около тысячи встреч и выступлений перед молодежью. Ветераны участвовали в приеме молодежи в комсомол, в проводах призывников в армию, в организации музеев, в сооружении памятников и обелисков, в походах по местам боевой и трудовой славы. По их инициативе были присвоены имена П. Алексеева, Курпатовского, Ольминского, Ф. Кона, Бабушкина, Ногина, Урицкого, Яковлева и др. улицам и школам ряда сел Якутской АССР⁵².

Партийные организации для выполнения поставленных политико-воспитательных задач привлекали советские, профсоюзные, комсомольские органы. С их помощью стало больше внимания уделяться внедрению в жизнь на селе новых советских обрядов.

Большую работу в Тувинской АССР, особенно в годы девятой и десятой пятилеток, играли «агитквартиры». Впервые созданные в начале 60-х гг. в местечке Кызыл-Даг совхоза «Тээли» «агитквартиры» организацией встреч чабанов, скотников, пастухов, проведении дней чабана, пастуха, показом фильмов и т. д. доказали свою жизненность. Как форма организации воспитательной, политической работы «агитквартира» сначала была распространена в Бай-Тайгинском районе, а затем в других районах Тувинской АССР⁵³.

В Селенгинском районе Бурятской АССР стало традиционным проведение дня чабана. Клубные учреждения этого района организовывали тематические вечера Партком совхоза им. Ленина, работники загустайского Дома культуры проводили чествование трудовых семей механизаторов, посвящение курсантов местного СПТУ в хлеборобы. В Заиграевском районе стало традиционным проведение каждой осенью красочного театрализованного праздника урожая. В ряде районов республики большой популярностью пользовался национальный праздник Сурхарбан — праздник трудовой славы, силы, ловкости и красоты⁵⁴.

Важным направлением в идейно-политической деятельности партийных организаций национальных автономий было интернациональное воспитание трудящихся. Эта работа вызывалась самим интернациональным составом трудовых коллективов. В то же время в повседневной работе партийные организации нередко выпускали ее из внимания. О недостатках интернационального воспитания шла, например, речь на XXV республиканской партийной конференции Бурятской АССР, проходившей в феврале 1966 г. В решениях конференции были вскрыты серьезные недостатки в работе обкома партии по организации борьбы с пережитками, с существовавшим мнением, что бурятскому народу вообще не присущи рецидивы национализма и национального эгоизма⁵⁵. В Горном Алтае в областных газетах «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны» 2 декабря 1969 г. была опубликована редакционная статья «За правдивое освещение отдельных исторических событий и фактов», в которой отмечались серьезные недостатки, допускавшиеся рядом научных работников в оценке событий периода установления Советской власти в Горном Алтае⁵⁶. Вместе с тем были и положительные примеры этой работы.

Интересный опыт интернационального воспитания накопила партийная организация одного из передовых колхозов Горно-Алтайской автономной области «Мухор-Тархата». Колхоз по своему составу многонациональный. За свою трудовую деятельность награжден орденом Трудового Красного Знамени. Интернациональное воспитание в колхозе начиналось с наглядной агитации, выполненной на двух языках. Партийная организация являлась организатором воспитания молодежи на лучших боевых и трудовых традициях колхозников — ветеранов войны и труда. В быт колхоза были внедрены советские традиции: посвящение в чабаны, проводы в Советскую Армию, празднование дня животноводов.

комсомольско-молодежные свадьбы. Значительное число свадеб были межнациональными. Успешно развивалось сотрудничество коллектива колхоза с трудящимися сомона «Улан-Хус» Баян-Ульгейского аймака МНР⁵⁷. Национальный вопрос учитывался при выдвижении кадров не только в этом хозяйстве, но и в Кош-Агачском районе, во всей области. Например, в Кош-Агачском районе в 25 первичных парторганизациях секретарями были избраны 4 русских, 3 алтайца, 12 казахов, 1 украинец. В 9 колхозах председателями работали 3 алтайца, 6 казахов. Из 760 специалистов в районе трудилось 125 русских, 235 алтайцев, 368 казахов, 24 специалиста других национальностей⁵⁸.

Значительный опыт интернационального воспитания трудящихся в рассматриваемые годы был накоплен Усть-Ордынским Бурятским автономным округом. Округ являлся наиболее многонациональным в составе Иркутской области. Здесь проживали и вместе трудились представители 30 национальностей.

Партийная организация округа сумела организовать дружную производственную работу людей разных национальностей. За выдающиеся достижения в труде высокое звание Героя Социалистического Труда в округе было присвоено буряту Ф. Б. Петухову, русскому И. Н. Вязьмину, украинцу С. И. Шумику, татарину И. Е. Рыцеву. Многие десятки тружеников сельскохозяйственного производства округа различных национальностей были удостоены орденов и медалей⁵⁹. Среди трудящихся округа большой популярностью пользовались кинофестивали, проводимые под лозунгом «Союз республик равных». В округе был проведен в два этапа фестиваль, посвященный 50-летию образования Союза ССР, «Союз нерушимый». Об интернациональном характере художественной самодеятельности свидетельствует наличие в округе русских и украинских хоровых коллективов, бурятского и белорусского фольклорных коллективов и бурятского оркестра народных инструментов.

Труженики всех национальностей, проживавших в округе, активно участвовали в общественной жизни. Только в составе депутатов Советов, сельских, поселковых, районных и окружном, в 1974 г. из 2114 человек было 1111 русских, 881 бурят, 56 татар, 52 украинца, 41 представитель других национальностей⁶⁰.

Обмен культурными ценностями стал не только достоянием всех народов нашей многонациональной Родины, но он превратился в важнейший фактор интернационального воспи-

тания трудящихся. В 1980 г. успешно были проведены дни литературы и искусства Якутии в Красноярском крае, Казахстане, Карачаево-Черкесии, дни журнала «Полярная звезда» в г. Иркутске. Стали традицией фестивали русской поэзии и музыки в районах и городах Якутии.

В практику духовного сотрудничества вошли такие формы взаимного обмена, как проведение дней, недель, декад литературы и искусства, выступления деятелей культуры за рубежом, гастролы художественных коллективов в различных городах нашей страны. Улан-Удэнский театр драмы им. Х. Намсараева в 1969 г. гастролитировал в Москве. В Москве и Свердловске в 1973 г. прошли дни бурятской литературы и искусства. В 1979 г. в Москве и Ленинграде с гастроллями выступал Бурятский ордена Ленина театр оперы и балета и получил высокую оценку творческих союзов СССР и Российской Федерации, а также общественности Москвы и Ленинграда⁶¹.

Важную роль в интернациональном воспитании трудящихся играла периодическая печать, которая заметно расширилась количественно, выросла качественно. В 1960 г. в Бурятии издавалось 25 наименований газет разовым тиражом 103 тыс. экземпляров, в Туве — соответственно 3 и 65 тыс., в Якутии — 47 и 136 тыс., в Горном Алтае — 2 и 8,7 тыс., в Хакасии — 11 и 33,6 тыс. В середине 80-х гг. в автономных республиках и областях Сибири издавалось уже более 120 наименований газет, разовый тираж которых превышал 840 тыс. экземпляров⁶². В каждой автономии издавались газеты на языке коренного населения и на русском языке. В 1985 г. на алтайском и хакасском языках выходило по одной газете, на тувинском — 5, на бурятском — 15, на якутском — 28. Разовый тираж этих газет составлял в общей сложности 224 тыс. экземпляров. В середине 80-х гг. здесь выпускались журналы и продолжающиеся издания. Такие издания насчитывали 12 наименований с годовым тиражом 1050 тыс. экземпляров⁶³.

В духовной жизни деревни возросла роль радио и телевидения. Как уже отмечалось выше, в начале рассматриваемого периода практически все населенные пункты национальных автономий были радиофицированы, увеличилось время радиопередач. Например, в Бурятской АССР передачи радио продолжались 19 часов в сутки, в том числе местного вещания на русском и бурятском языках — 5 часов⁶⁴. В Тувинской АССР радиофикация сельских населенных пунктов была завершена в 1964 г., в Якутии к концу семилетки все районы имели местное радиовещание. В Горном Алтае в

1960 г. насчитывалось 25 тыс. трансляционных точек, в Хакасии — 44 тыс.⁶⁵ В 1983 г. по сравнению с 1960 г. число радиотрансляционных точек возросло в Горном Алтае в 2,7 раза, в Хакасии в 4,3 раза. Кроме того, по данным единовременного выборочного обследования ЦСУ СССР, резко увеличилось количество радиоприемных устройств. На конец 1984 г. на каждые 100 семей рабочих и служащих Бурятии приходилось 63 радиоприемника, на сельских жителей этой автономии — 61, в Туве — 53, в Якутии — 48⁶⁶.

Начиная с 60-х гг. в национальных районах Сибири получило развитие новое средство информации — телевидение, превратившееся в короткие сроки в распространенный и эффективный инструмент массовой коммуникации. В 1960—1965 гг. телецентры функционировали в Улан-Удэ, Кызыле, Якутске, Горно-Алтайске, Абакане. Местные студии телевидения вели передачи на двух языках — национальном и русском. Содержание и тематическая направленность теле- и радиопередач на национальном языке в немалой степени определялись потребностями жителей деревни, где проживала большая часть коренного населения. В конце рассматриваемого периода почти каждая семья национальных автономий Сибири имела телевизор. Так, в конце 1984 г. на 100 семей рабочих и служащих приходилось телевизоров: в Бурятии — 96, в Туве — 90, в Якутии — 100, на столько же семей сельских жителей в Бурятии приходилось 94 телевизора, в Туве — 72, в Якутии — 96⁶⁷.

В одну из действенных форм массово-политической работы превратилось изучение общественного мнения. В национальных автономиях был проведен ряд массовых анкетирований и социологических обследований. Так, в Бурятской АССР социологические обследования показали, что русский и бурятский языки используются различными социально-профессиональными группами населения неравномерно. На уровне таких небольших микроколлективов, как животноводческая ферма, чабанские отары или семейные коллективы, бурятский язык остается основным средством межличностного общения, получения знаний и информации. Из 3367 человек, назвавших в качестве родного языка бурятский язык, 54,7% ответили, что им понятнее слушать лекции, доклады, радио и телепередачи на бурятском языке; 58,1% опрошенных ответили, что им легче, удобнее выступать на собраниях, в кружках, на пионерских сборах на родном языке, 8,4% — на русском, 13,6% — на обоих языках. Из общего числа опрошенных предпочитали слушать концерты и смотреть спек-

такли на бурятском языке — 56,8%, на русском языке — 4,8%, на обоих языках — 31,6% анкетированных⁶⁸.

Результаты опросов и социологических обследований с неизбежностью ставили задачу более всестороннего учета особенностей работы в национальных районах, нахождения и выбора новых форм организации политической учебы как широкого круга трудящихся (прежде всего коммунистов), так и агитаторов, лекторов, пропагандистов. И если наиболее распространенными в системе партийного и политического просвещения на селе в первой половине 60-х гг. были политшколы, кружки по истории партии, экономические школы и кружки, то с середины 60-х гг. стала внедряться трехзвенная система политучебы: двухгодичные политшколы (начальное звено), школы основ марксизма-ленинизма (среднее звено) и методологические семинары, университеты марксизма-ленинизма, школы партийного актива (высшее звено). Такая структура лучше учитывала различия в уровне политической подготовки коммунистов и отделялась от форм массовой пропаганды.

В середине 60-х гг. подавляющая часть слушателей национальных автономий обучалась в начальном звене, однако уже в 70-х гг. возросло количество слушателей среднего и высшего звена политической учебы. Для трудящихся массовых профессий в 70-е — начале 80-х гг. одной из ведущих форм системы обучения стали «школы коммунистического труда». В то же время повсеместно шел поиск новых форм в системе политической учебы. Так, в Абаканском районе Хакасской автономной области родилась инициатива демократических выборов пропагандистов системы политического просвещения. В лекционной пропаганде на селе получили развитие лектории, народные университеты, чтение лекций по циклам, объединенным общей темой. Партийные организации стали применять такие формы идеологической работы, как единый политемь, встречи с делегатами съездов партии, выступления партийных работников, агитпоезда и др. Не отвергая накопленного опыта, партийные организации обновляли арсенал средств идеологической работы с учетом требований общественного мнения. В связи с этим менялось содержание проведения единых политемь. Раньше они носили характер обзорных лекций районных руководителей в трудовых коллективах. Позднее руководители стали не только информировать, но и обсуждать с сельскими тружениками проблемы их труда, быта. Во встречах стали принимать участие представители всех служб района, хозяйства. Стали фиксироваться

критические замечания и предложения, высказанные в ходе встречи. В политической учебе большое распространение получили диспуты, дискуссии, «круглые столы».

О положительных сдвигах в системе политической учебы говорят, например, результаты собеседования и социологических опросов, проведенных среди слушателей и пропагандистов в ряде районов Хакасии в 1986 г. От 60 до 80% опрошенных положительно оценили результаты и формы политической учебы⁶⁹.

За рассматриваемые годы партийными органами был накоплен большой опыт работы с массами трудящихся в различных условиях, со всеми группами населения. Постепенно укреплялась материально-техническая база и совершенствовались формы идейно-политической работы. Коммунистическая пропаганда умело использовала в своих интересах общественные организации, клубы, школу, весь потенциал культурно-образовательного населения села.

Система политического просвещения сглаживала годами и десятилетиями не решавшиеся межнациональные проблемы.

Сегодня, оценивая весь процесс идейно-политического воздействия КПСС на массы с позиции новых подходов, более широкой документальной базы и открывшихся фактов, мы видим не только негативные стороны (безальтернативность, строго ограниченные рамки пропаганды, воинствующий монополизм марксизма-ленинизма), но и положительные моменты организации идейно-политической работы. Целый ряд ее направлений и форм вполне приемлемы в настоящее время. К ним мы относим: пропаганду и воспитание патриотизма, использование в воспитательных целях учреждений культуры; привлечение к идейно-политическому воспитанию молодежи широких кругов интеллигенции; более рациональное использование теле- и радиопередач.

СОВЕТЫ, ПРОФСОЮЗЫ, КОМСОМОЛ

Советы, согласно Конституции СССР, составляли политическую основу страны. Участие сельских жителей в государственной деятельности проявлялось в различных формах. Это выборы депутатов в представительные органы государства — Советы депутатов трудящихся (с 1977 г. — Советы народных депутатов), работа в них в качестве полномочных представителей и актива, обсуждение различных государственных законопроектов, внесение в них своих предложений, замечаний и т. д. Правда, все это носило формальный характер.

Особенностью политической структуры национальных районов Сибири являлось наличие у коренных народов региона национально-государственных образований: у бурят, тувинцев и якутов — автономных республик, у алтайцев и хакасов — автономных областей. Большие группы бурят, проживавших на территориях Иркутской и Читинской областей, объединены в автономные округа. Национально-государственные образования были приравнены к соответствующим административно-территориальным структурам, что объективно не могло не сказаться на государственной власти национальных автономий. Например, Хакасская и Горно-Алтайская автономные области в своих фактических правах были приравнены к обычным районам Красноярского и Алтайского краев и всецело зависели от краевых органов власти. В итоге в хозяйственной и политической практике не в полной мере учитывались веками сложившиеся национальные традиции того или другого народа. Такой подход нивелировал, сглаживал национальные особенности и, вольно или невольно, препятствовал реализации национально-особенного в решении экономики, социально-политического развития, культуры, здравоохранения и т. д.

Отмеченное, конечно, не означало, что национальные автономии Сибири были совершенно лишены своего социально-политического облика. В рассматриваемые годы, согласно Конституции СССР и РСФСР, национальные автономии Сибири имели своих представителей во всех вышестоящих советских органах власти. В автономиях проводилась определенная работа по развитию языка и культуры коренного населения, решались вопросы преимущественного выдвижения на руководящую работу лиц коренной национальности.

Постепенно изживалось негативное влияние на деятельность Советов, нанесенное перестройкой в годы семилетки (1959 — 1965 гг.), когда замена территориально-производственного принципа построения советских и других органов по так называемому производственному принципу, привела к умалению роли Советов депутатов трудящихся в решении многих вопросов, особенно в экономике хозяйств, объективно произошло смешивание функций, прав и обязанностей партийных, советских и хозяйственных органов.

Вопросы работы Советов исчезли из повесток для многих парткомов*. Так, с конца 1962 г., когда вышло постановление

* Сегодня читатель может поставить вопрос, почему парткомы имели право рассматривать и решать вопросы о работе Советов. Чтобы пра-

о перестройке, и по ноябрь 1964 г. (время его отмены), на заседаниях парткомов колхозно-совхозных управлений, в какой-то степени заменивших райкомы партии, за редким исключением, в Горно-Алтайской автономной области о них речи не шло⁷⁰. В Якутской АССР за 1963 — 1964 гг. в большинстве колхозно-совхозных управлений ни разу не обсуждались вопросы о работе Советов, хотя многие Советы, в силу разных причин, работали слабо, имелись случаи невыполнения конституционного требования по созыву и проведению сессий Советов⁷¹.

После октябрьского и ноябрьского (1964 г.) Пленумов ЦК КПСС, отменивших результаты перестройки, для деятельности Советов депутатов трудящихся были созданы благоприятные условия. Восстановление районного звена позволило усилить руководство сельскими и поселковыми Советами депутатов трудящихся, а принятые ЦК КПСС постановления «Об улучшении работы сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся»⁷², «О мерах по дальнейшему улучшению работы районных и городских Советов депутатов трудящихся»⁷³ и другие закрепили возросший уровень их работы. Верховный Совет АССР, областные и окружные Советы национальных автономий Сибири принимали законы (постановления) по регламентации и улучшению деятельности местных Советов. Например, в декабре 1968 г. Верховный Совет Бурятской АССР принял Закон «О сельском (сомонном) Совете депутатов трудящихся Бурятской АССР», а в декабре 1971 г. — Закон «Об аймачном Совете депутатов трудящихся Бурятской АССР» и «О городском, районном в городе, Совете депутатов трудящихся Бурятской АССР»⁷⁴. Впервые был поставлен на сессии Верховного Совета ЯАССР информационный отчет его Президиума. Шире стали практиковаться отчеты членов республиканского правительства на Президиуме Верховного Совета и перед населением республики о деятельности Совета Министров ЯАССР, министерств и управлений, доклады исполкомов местных Советов⁷⁵. В начале 1967 г. проводилось республиканское совещание председателей исполкомов районных и городских Советов Якутии. 18 апреля 1967 г. состоялось совместное заседание бюро Якутского обкома КПСС и Совета Министров ЯАССР, одоббившего план мероприятий

вильно понять эту проблему, надо помнить, что Конституцией СССР 1977 г. КПСС была узаконена как руководящая и направляющая сила советского общества.

по реализации Постановления ЦК КПСС. Районные, сельские и поселковые Советы рассматривали на своих сессиях вопрос о мерах по улучшению работы Советов. В ряде районов эта проблема обсуждалась на пленумах райкомов партии⁷⁶. 25 декабря 1968 г. Верховный Совет ЯАССР принял Закон о сельском (наследном) поселковом Совете депутатов трудящихся Якутии⁷⁷, в котором были четко определены полномочия, права и обязанности, подчеркивалась их высокая роль как органов государственной власти.

По итогам восьмой пятилетки (1965—1970 гг.) большая группа советских работников ЯАССР была награждена орденами и медалями страны. А председателю Бетюнского сельского Совета депутатов трудящихся Амгинского района А. М. Васильевой за достижения возглавляемого ею Совета было присвоено звание Героя Социалистического Труда⁷⁸.

Принятый в 1972 г. четвертой сессией Верховного Совета СССР восьмого созыва Закон «О статусе депутатов трудящихся» закрепил возросший уровень деятельности Советов депутатов трудящихся. На основе этого закона в национальных районах Сибири была проведена заметная работа по дальнейшему совершенствованию структуры Советов, укреплению представительства в них трудящихся масс.

Во всех национальных автономиях возросло количество местных Советов. Если в 1969 г. в автономных республиках было 673 местных Совета, то в 1987 г. — 794, в том числе сельских — с 527 до 598. Число депутатов местных Советов за этот период увеличилось с 21,6 до 27,5 тыс. человек, из них в сельских Советах с 13,6 тыс. до 15,3 тыс. человек. В Горно-Алтайской и Хакасской автономных областях в местные Советы были избраны в 1987 г. 7,8 тыс. депутатов против 6,9 тыс. в 1969 г.

В составе органов государственной власти от выборов к выборам неуклонно росла численность представителей коренных национальностей Сибири. В целом в 1969 г. депутатами местных Советов было избрано бурят — 4,9 тыс. человек, а в 1987 г. — 6,0 тыс. человек, тувинцев соответственно 2,1 тыс. и 3,0 тыс., якутов — 7,0 тыс. и 7,7 тыс., алтайцев — 1,0 тыс. и 1,3 тыс., хакасов — 787 и 930 человек.

В составе местных Советов национальных автономий было много депутатов — работников аграрного сектора экономики, в котором занята основная масса коренного населения. Так, среди депутатов местных Советов, избранных в 1987 г.,

труженики сельского хозяйства составляли в Бурятии 35,6%, в Туве — 44,2, в Якутии — 39,8, в Горном Алтае — 44,9, в Хакасии — 30,2%⁷⁹.

Депутатами Советов являлись лучшие представители сельскохозяйственного производства. Передовым работником, ударником коммунистического труда была депутат Верховного Совета СССР Монгуш Байыровна Сепей — чабан колхоза «Путь к коммунизму» Овюрского района Тувинской АССР. Чабан колхоза «Красное знамя» Каа-Хемского района Тувинской АССР, депутат Верховного Совета Тувы Салчак Самбурович Борзек из года в год полностью сохранял закрепленное за ним поголовье и родившийся молодняк, добивался хорошего настрига шерсти с каждой овцы. Бригадир бригады высокой культуры земледелия колхоза «Путь к коммунизму» депутат Сарыг-Сепского сельсовета Каа-Хемского района Н. В. Жуйков получал по 17 ц с га зерновых с площади 1280 га, что являлось лучшим показателем республики. Продолжительное время депутатом сельского Совета избирался механизатор Д. Д. Даваа, дважды награжденный орденом Ленина⁸⁰.

Ярким примером представительства лучших людей среди депутатского корпуса были Герой Социалистического Труда, председатель колхоза им. К. Маркса Селенгинского района Ж. Б. Ванкеев, механизатор-свекловод колхоза им. XXI партсъезда Бичурского района Е. М. Павлов, старший чабан колхоза им. К. Маркса Баргузинского района Ш. Л. Цыремпилова и многие другие⁸¹.

Одной из важных форм участия депутатов в осуществлении управленческих функций являлась их деятельность в постоянных комиссиях Советов. Комиссии действовали на всех уровнях органов советской власти. Так, в Хакасии они были созданы при областном, районных, сельских и поселковых Советах депутатов трудящихся. В годы девятой пятилетки (1971—1975гг.), например, в них были объединены 83% общего числа депутатов⁸². В местных Советах Усть-Ордынского Бурятского автономного округа действовало 397 постоянных комиссий. Только в 1974 г ими было подготовлено и рассмотрено на заседаниях исполкомов и сессиях Советов 519 вопросов, сделано 577 докладов и содокладов. Многие из вопросов, подготовленных комиссиями, непосредственно касались производственной деятельности колхозов и совхозов округа. Так, комиссией окружного Совета были рассмотрены

вопросы: «О дополнительных мерах по увеличению производства и улучшению использования кормов», «О состоянии бухгалтерского учета в колхозе им. XXII партсъезда», «О состоянии племенной работы в хозяйствах Эхирит-Булагатского района». Комиссии практиковали проведение выездных заседаний⁸³.

Количество комиссий в Советах народных депутатов, как правило, от выборов к выборам росло. Увеличивалось число занятых в них депутатов. Так, в Бурятской АССР в 1969 г. в Советах всех степеней насчитывалось 1328, в том числе по селу 162 комиссии, в 1975 г. — соответственно 1437 и 173, в 1980 г. — 1595 и 189, в 1985 г. — 1705 и 198. В Тувинской АССР — соответственно 554 и 76, 672 и 89, 658 и 91, 703 и 95⁸⁴ комиссий.

Происходило изменение состава депутатов местных Советов национальных автономий и работников исполкомов по уровню образования, профессиональных знаний. В Якутии, например, в годы девятой пятилетки все представители исполкомов районных Советов прошли обучение на месячных курсах при Хабаровской высшей партийной школе. 249 председателей исполкомов поселковых Советов повысили свою квалификацию на месячных курсах при обкоме КПСС, более 100 работников сельских Советов обучались в вечерних и заочных средних и высших учебных заведениях⁸⁵. Прошли переподготовку в Новосибирске, Барнауле, Омске, Красноярске, Чите и Иркутске работники Советов Горного Алтая, Хакасии, Тувы, Агинского и Усть-Ордынского Бурятских автономных округов.

Повсеместно возросло число специалистов со средним и высшим образованием среди председателей сельских и поселковых Советов. Значительно поднялся образовательный уровень в целом депутатов местных Советов. Если в 1971 г. депутаты местных Советов всех уровней с начальным образованием в Горно-Алтайской автономной области составляли 18,7 %, в 1975 г. — 11,2 %, то в 1985 г. — менее 6%⁸⁶. Аналогичные изменения имели место во всех национальных автономиях Сибири.

Повышение образовательного уровня депутатов местных Советов способствовало улучшению деятельности Советов, совершенствованию форм и методов их организационно-массовой работы. Укрепилось единство системы Советов при сочетании централизованного начала с инициативой на местах. Советы усилили деятельность по выполнению наказов изби-

рателей, стали систематическими отчеты депутатов о своей работе и деятельности Советов перед трудовыми коллективами и общественными организациями⁸⁷.

Важной формой работы Советов, их депутатов, способствующей расширению непосредственного участия населения в решении вопросов местного и общегосударственного значения, являлись возрождавшиеся сельские сходы. В национальных автономиях такие сходы использовались для организации трудящихся, широкой общественности на заготовку кормов для общественного поголовья скота, наведения санитарного порядка в населенных пунктах. Такие сходы, например, в августе 1976 г. были проведены депутатами Горского сомонного Совета в улусах Торы, Зун-Мурино, Шулуты, Дала-хан и других населенных пунктах Бурятии⁸⁸.

С принятием Конституции 1977 г., закрепившей права Советов как органов государственной власти, местные Советы и их исполнительные органы усилили внимание к выполнению наказов избирателей. Заметное влияние на улучшение этой работы оказало постановление президиума Верховного Совета СССР от 24 февраля 1978 г. «О практике работы Советов народных депутатов Белорусской ССР с наказами избирателей». Например, только за 1,5 года после выхода в свет этого постановления местными Советами Якутской АССР из 6961 наказов избирателей, принятых ими к исполнению, было выполнено 4594, или 65,4 %⁸⁹.

Активизация деятельности Советов шла также за счет широкого привлечения к работе женщин и молодежи (табл. 14)⁹⁰. Активизируя труд молодежи и женщин, Советы вместе с партийными органами повсеместно проводили районные, окружные, областные и республиканские слеты и конференции, поддерживали деятельность общественных организаций, особое внимание уделяли работе женсоветов.

Начиная с 1985 г. все чаще стала использоваться такая эффективная форма контроля со стороны Советов за работой государственных органов и должностных лиц, как депутатский запрос. Более регулярными стали отчеты депутатов перед своими избирателями. Однако эффективность деятельности поселковых комиссий, как и в целом местных органов советской власти, по руководству экономикой и социальной сферой была невысокой. Советы не имели достаточной экономической базы, чтобы быть полновластными хозяевами своих территорий и противостоять ведомственному диктату, контролировать

**Динамика изменений представительства в местных Советах
национальных автономий женщин и молодежи, в процентах
к общему числу депутатов**

Национальные автономии	Год					
	1973	1980	1985	1973	1980	1985
	Женщины			Молодежь до 29 лет		
Бурятская АССР	44,8	48,2	48,3	24,8	30,5	31,9
Тувинская АССР	45,7	47,6	50,2	27,2	31,6	34,3
Якутская АССР	46,9	49,5	50,1	36,6	41,7	42,6
Горно-Алтайская а. о.	45,9	48,6	49,3	28,3	33,2	32,4
Хакасская а. о.	46,1	49,3	49,5	26,3	33,2	33,9
Агинский Бурятский авт округ	47,4	47,5	46,7	27,0	31,7	32,2
Усть-Ордынский Бурятский авт округ	45,4	50,2	49,5	29,4	33,9	34,3

экономическую ситуацию и состояние земельных ресурсов. По этой причине в какой-то степени выполнялись указы, касающиеся улучшения жилищных условий, бытового, медицинского обслуживания населения, строительства школ, домов культуры, спортивных сооружений и в меньшей степени — охраны окружающей среды, создания условий для высокопроизводительного труда. В 1985 г. местными Советами Бурятии было принято к исполнению 2290 наказов, в Горном Алтае — 1620 наказов.

Деятельность Советов, начиная с формирования депутатского корпуса и кончая выполнением наказов избирателей, во многом была ограничена не только экономическими, но и политическими факторами. В значительной степени состав депутатского корпуса формировался по номенклатурному принципу. В ряде Советов национальных районов Сибири (депутаты по должности) фактически игнорировали указы избирателей. Уже на начальном этапе перестройки население многих сельских районов стало отказывать в доверии кандидатам в депутаты, которые выдвигались по принципу занимаемой должности. Так произошло с секретарем Романовского сельсовета А. Минеевой и директором совхоза «Сосновский»

Ц. Дугдановым на выборах в местные Советы в Бурятской АССР, состоявшихся в июне 1987 г.⁹¹

Вместе с тем в силу сохранявшейся централизации управления народным хозяйством местные Советы были лишены необходимой экономической базы для реализации своих управленческих полномочий. На селе хозяином положения продолжала оставаться администрация совхоза или колхоза, в руках которой находились средства для строительства и содержания жилья, учебных и школьных заведений, учреждений культуры. Советы в таких условиях, получив формально большие права в решении социально-культурных вопросов, но располагая мизерными материальными средствами, продолжали оставаться фактически бесправными. Это приводило к снижению их авторитета, в значительной степени способствовало текучке кадров. Например, только за два года (1985 и 1986) в Горном Алтае сменилось 80% председателей сельских Советов. Аналогичное положение имело место и в других автономиях. В Бурятии за это же время сменилась половина председателей городских, районных, сельских и поселковых Советов. Большая сменяемость имела место среди секретарей исполкомов⁹².

В целом созданные Конституцией СССР 1977 г., Конституциями союзных и автономных республик условия для значительного повышения правового статуса всех звеньев Советов экономически не были подкреплены. До конца не был решен вопрос о разделении функций между партийными и советскими органами. На работе Советов, как и общественных организаций трудящихся, отрицательно сказывался тезис о возращении руководящей роли партии, сформулированный в документах партийных съездов 60—70-х гг. Эта тенденция ориентировала партийные комитеты на административно-командные методы управления вместо воздействия на Советы присущими партии политическими и идеологическими средствами. В партийных комитетах образовывались новые отделы, дублирующие советские и хозяйственные органы, что негативно сказывалось на деятельности Советов, усиливало бюрократизацию партийного и советского аппарата.

Составной частью общественно-политической системы на селе являлись профсоюзные организации колхозов и совхозов. Толчком к их созданию послужили решения февральского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций».

После перехода значительной части механизаторов и специалистов МТС на работу в колхозы и совхозы за ними было сохранено профсоюзное членство, а также право на государственное страхование. Они принесли с собой в деревню, и прежде всего в колхозы, свойственную рабочему классу форму объединения — профсоюз. В это же время многие экономически слабые колхозы национальных районов Сибири были реорганизованы в совхозы. Колхозники перешли в категорию рабочих и стали членами профсоюза. Все это позволило внедрить работу профсоюзов в колхозы и оживить ее в совхозах.

Однако задача распространения профсоюзных форм работы в сельской местности, особенно в колхозах, решалась в начале 60-х гг. непоследовательно, встречая на своем пути непонимание со стороны местного, в том числе и партийного, руководства. Так, бюро Хакасского обкома партии 30 ноября 1961 г., обсуждая вопрос о создании обкома профсоюза работников сельского хозяйства и заготовок, посчитало целесообразным включить в сферу его деятельности только совхозы⁹³.

Большим препятствием на пути укрепления профсоюзов на селе явились перестройка партийных и советских органов и административное перекраивание районов в годы семилетки. Не окрепшие еще организационно профсоюзные организации колхозов и совхозов нередко сводили свою работу к сбору членских взносов, слабо занимались организацией социалистического соревнования, укреплением трудовой дисциплины, вопросами улучшения условий труда и отдыха тружеников деревни.

Восстановление в 1964 г. районов как административно-территориальных единиц определило необходимые условия для повышения уровня работы сельских профсоюзов. Большое значение в развитии сельских, особенно колхозных, профсоюзных организаций имело принятие Президиумом ЦК профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок в 1965 г. «Временного положения о профсоюзном комитете колхоза», которое заложило нормативную базу для регулирования профсоюзной деятельности⁹⁴.

Принятые меры позволили профсоюзным организациям колхозов и совхозов национальных автономий Сибири укрепить организационную структуру, активнее включиться в развертывание социалистического соревнования за увеличение производства зерна, мяса, молока и другой сельскохозяйст-

венной продукции. Например, в Тувинской АССР охват профсоюзным членством работников сельскохозяйственного производства на начало 1966 г. составил 93 %. В республике ожидалась работа постоянно действующих производственных совещаний, активизировалось движение за коммунистическое отношение к труду⁹⁵.

В Горном Алтае заметно расширились формы соревнования. Профсоюзные организации усилили борьбу с нарушителями трудовой дисциплины и общественного порядка, готовили вопросы для собрания рабочих и колхозников, принятые решения доводили до сведения всех трудящихся. Заметно возросла роль профсоюза в лучшем использовании средств материального и морального поощрения коллективов и отдельных тружеников колхозов и совхозов, выполнивших производственные планы и социалистические обязательства. Был решен вопрос обеспечения рабочих совхозов и колхозников бесплатной спецодеждой. Все это приводило к повышению авторитета профсоюзных организаций, быстрому численному росту профсоюзных рядов. В Агинском Бурятском автономном округе в профсоюзе рабочих и служащих сельского хозяйства в 1966 г. числилось до 88 % тружеников села⁹⁶. В Бурятии в 1970 г. в профсоюзах состояло 95,6 %⁹⁷.

В конце 60-х — начале 70-х гг. ⁹⁸ в национальных районах Сибири были созданы штатные районные советы профсоюзов сельского хозяйства и заготовок. Оформление руководящих органов профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок в масштабах районов, автономных округов, областей и республик Сибири имело важное значение. Оно усилило межсоюзные связи и тем самым более тесные взаимоотношения города с селом.

Положительной в рассматриваемые годы считалась активизация работы партийных органов в решении проблем профсоюзного строительства. Вопросы работы профсоюзных организаций стали чаще выноситься на обсуждение бюро и пленумов райкомов, обкомов КПСС. Избранные руководители профсоюзных организаций были введены в номенклатуру партийных органов. В национальных автономиях стали создаваться школы и курсы переподготовки профсоюзных кадров. Такие школы, как правило, организовывались на базе передовых колхозов и совхозов. Так, несколько лет подряд действовала школа в колхозе им. XXII партсъезда в Агинском Бурятском автономном округе⁹⁹.

Окрепнув и структурно определившись, сельские профсоюзные организации расширили сферу своей деятельности. Насущным делом профсоюзов на селе стало проведение социального страхования. Повсеместно была проведена проверка по расходованию и учету средств по бюджетному социальному страхованию¹⁰⁰.

В Якутской АССР профсоюзные организации большое внимание уделяли организации школ коммунистического труда. Например, в 1972/73 уч. г. только в Мегино-Кангаласском районе действовало 28 школ коммунистического труда, в которых обучалось 394 человека. В республике профсоюзы курировали движение сельских рационализаторов. Например, во всех хозяйствах Ширинского района работали советы ВОИР, проводились районные конференции сельских рационализаторов¹⁰¹.

В Тувинской АССР профсоюзные организации, опираясь на развернувшееся движение рационализаторов и изобретателей, организовали соревнование бригад и ферм за достижение наивысших результатов при меньших затратах, мобилизовали коллективы хозяйств на решение стоящих задач, особенно в периоды сельскохозяйственных кампаний. Активно трудились профкомы колхоза «Путь к коммунизму» Эрзинского района Тывы, совхозов «Нарын», «Шекпээр», «Хемчик», «Тее-Хем», «Алдан-Маадыр», и др.¹⁰²

Профсоюзные организации расширили сеть сельских клубов и домов культуры, стали открывать местные дома отдыха и пансионаты для работников сельского хозяйства, улучшать условия труда. Например, в Бурятской АССР объем бытовых услуг для сельского населения за рассматриваемые годы вырос в несколько раз¹⁰³.

Профсоюзные организации значительно расширили круг своих обязанностей. Постоянными стали общественныемотры готовности техники к сельскохозяйственным работам, скотных дворов к зимовкам, хода расплодной кампании и заготовки кормов. На повестку дня профсоюзных собраний стали выноситься вопросы социального страхования колхозников и рабочих совхозов, решения экономических задач сельскохозяйственных предприятий. Профсоюзные организации превращались в одну из ведущих сил по выработке условий и проведения социалистического соревнования, разработке и претворению в жизнь перспективных планов социально-экономического развития хозяйств по воспитанию и закреплению молодежи на селе.

Все это способствовало росту числа участников социалистического соревнования. За 1965—1985 гг. в сельском хозяйстве Горного Алтая численность ударников коммунистического труда выросла с 1434 до 11132 человек. А в целом количество сельских тружеников, участвующих в социалистическом соревновании, увеличилось с 50,2 тыс. в 1980 г. до 58,3 тыс. человек в 1985 г. В Бурятии количество участников социалистического соревнования достигло в 1986 г. 348 тыс. человек, т. е. практически в соревновании участвовало все трудоспособное население республики¹⁰⁴.

Профсоюзы организовывали шефство опытных высококвалифицированных работников над молодыми, что способствовало передаче профессиональных знаний, навыков, производственного опыта. Так, в Хакасии в 1975 г. наставниками молодежи являлись 690 коммунистов, 12 Героев Социалистического Труда, 46 кавалеров ордена Ленина. В Горном Алтае в 1983 г. наставниками молодежи были 484 человека, в том числе 4 Героя Социалистического Труда, 797 орденосцев, 402 ветерана труда. Профсоюзные комитеты руководили постоянно действующими производственными совещаниями, обществами рационализаторов и изобретателей, научно-техническими обществами, общественными комиссиями, бюро и т. д.

Увеличение материальных возможностей сельских профсоюзов в решении комплексных задач организации быта и отдыха трудящихся, защиты интересов вело к повышению авторитета профсоюзных организаций, к быстрому численному росту профсоюзных рядов. Так, в Бурятии с 1961 по 1981 г. численность профсоюзов увеличилась с 167,3 тыс. до 390,3 тыс. человек; в Туве — с 31,4 тыс. до 104,9 тыс. человек; в Якутии — со 155,0 тыс. до 457,0 тыс. В Горном Алтае численность профсоюзов увеличилась до 81,8 тыс. человек, в Хакасии — до 233,3 тыс.¹⁰⁵

Вместе с тем, в деятельности профсоюзных организаций, работавших на селе в национальных автономиях Сибири, имели место существенные недостатки. Во многом они определялись сложившейся в стране административно-командной системой руководства, излишней централизацией в управлении экономикой нашего государства. В то же время целый ряд упущений в деятельности профсоюзных организаций автономных республик, областей и округов стал возможным из-за навязывания своей воли со стороны местных партийных органов. Нередки были случаи, когда на партийных конфе-

ренциях, пленумах сибирских автономий, рассматривающих важнейшие народнохозяйственные вопросы, среди выступающих не было представителей профсоюза вообще, тем более представителя работников сельского хозяйства.

В деятельности самих профсоюзных организаций и их органов вопросы производства часто полностью превалировали над вопросами быта, условий труда рабочих и служащих, защиты прав трудящихся. Об этом, например, шла речь на заседаниях президиума Тувинского обкома профсоюзов работников сельского хозяйства 21 февраля 1979 г., рассмотревшего вопрос «О состоянии производственного травматизма и освоении средств, ассигнованных на охрану труда в 1978 г., и задачах хозяйственных и профсоюзных организаций на 1979 г.». В докладе обкома было отмечено, что, несмотря на объявленный ВЦСПС Всесоюзный общественный смотр условий труда, быта и отдыха трудящихся женщин, на ряде предприятий республики к этой работе даже не приступали. Для проведения смотра не были созданы комиссии по Министерству сельского хозяйства республики, где трудилось более 10 тыс. женщин. В то же время из общего числа пострадавших и получивших травму четвертая часть приходилась на женщин¹⁰⁶.

Многие профкомы сужали сферу своего влияния, проявляли робость при решении вопросов развития производства, защиты интересов трудящихся от произвола администрации. Анализ документов профсоюзных органов автономий свидетельствует об отсутствии практически острого реагирования профкомов на необоснованные корректировки производственных планов, нарушение администрацией законодательства об охране прав работников и несоблюдение техники безопасности.

Важное место среди общественно-политических организаций деревни занимал комсомол. В рассматриваемые годы трудоспособное население колхозов и совхозов в национальных районах Сибири было в значительной мере представлено молодежью, поэтому возрастала роль организационных идейно-политических факторов в мобилизации усилий этой крупной социальной группы на выполнение народнохозяйственных и социально-культурных задач. Серьезные проблемы стояли и в сфере воспитания подрастающего поколения. Однако решались они в противоречивой обстановке и порой неадекватными средствами. Волонтаризм в общественно-политической жизни, консерватизм и застойные явления оказывали корро-

зирующее воздействие на сознание молодежи. Перманентное отставание социально-культурной сферы в сельской местности, неблагоприятные условия труда и быта вели к оттоку населения, и прежде всего молодежи, в город. Например, в колхозе «Родина» Кяхтинского района Бурятской АССР число комсомольцев с 1963 по 1966 г. уменьшилось со 127 до 80 человек. Комсомольская организация совхоза «Кударинский» за эти же годы сократилась с 215 до 159 человек¹⁰⁷. Количество комсомольцев в ведущих профессиях колхозно-совхозного производства — механизаторов и животноводов — в Хакасской автономной области сократилось с 3057 человек в 1961 г. до 1414 в 1969 г. И только с 1970 г. начало снова возрастать, достигнув в 1971 г. 1812 человек, в 1973 г. — 2178 человек, причем это сокращение происходило на фоне увеличения общего состава комсомольских организаций Хакасии. В 1961 г. на учете в областной организации числилось 24762 комсомольца, в 1979 г. — 37718, в 1970 г. — 40910, в 1973 г. — 54708 человек. Только за 1972 г. в комсомол было принято 10396 юношей и девушек¹⁰⁸.

Закрепление молодежи в сельскохозяйственном производстве в 60-е гг. оставалось напряженным и в других национальных автономиях. Если в 1967 г. в колхозах и совхозах Агинского Бурятского автономного округа трудились 142 комсомольско-молодежные бригады, то в 1968 г. — только 112, а за весь 1968 г. комсомольские организации округа в ведущую сельскохозяйственную отрасль — овцеводство — направили только 61 человека комсомольского возраста¹⁰⁹. Тонкой была комсомольская прослойка среди ведущих профессий на селе Бурятии. В 1965 г. среди доярок комсомольцы составляли 15%, среди скотников — 3%, чабанов — 1,5%. Низким был образовательный уровень секретарей первичных комсомольских организаций, шла быстрая их сменяемость. Например, в Баунтовском районе из 38 секретарей первичных комсомольских организаций за год был заменен 31, в Мухор-шибирском из 43 — 37, Кижингинском из 22 — 15¹¹⁰.

Причин подобного положения несколько. Одной из них являлось слабое практическое руководство комсомолом со стороны партии. Декларативные заявления о постоянной заботе партии о комсомоле на практике часто подменялись формализмом и безразличием. Например, в Хакасии в 1966 г. насчитывалось 582 парторганизации. Среди них за целый год только 5 организаций рассматривали молодежную проблему в том или ином аспекте 4 раза, 36 организаций — 3 раза,

92 организации — 2 раза, 321 организация — 1 раз. 125 партийных организаций предприятий, в которых были комсомольские организации, к этому вопросу не обратились ни разу¹¹¹. Эта же причина была основной в неустойчивости сети комсомольского просвещения. Так, успешно созданная и начавшая работать сеть комсомольского просвещения в Бурятии, например, в 1967/68 уч. г. в конце года была развалена. Из 613 кружков, семинаров и клубов 50 распались, не дожив и до половины учебного года, многие кружки не закончили изучение программного материала¹¹². В целом в практике работы комсомольских организаций и руководивших ими партийных органов ведущей и устойчивой была привычка ждать указаний сверху.

Отмеченные факты для партийных организаций национальных автономий не являлись секретом. О них часто речь шла на заседаниях бюро и пленумах райкомов, горкомов и обкомов КПСС. Однако действенные меры к их устранению в национальных автономиях начали активно применяться только после выхода в свет известного постановления ЦК КПСС (май 1968 г.) «О работе Красноярской краевой партийной организации по руководству комсомолом», в котором впервые открыто было сказано об имевшихся недостатках как в работе комсомола, так и партийных органов. Кроме того, в постановлении, действительно, имелись конкретно разработанные меры по исправлению имеющихся недостатков работы партийных органов и комсомола.

Во всех автономиях были разработаны конкретные планы по претворению решения ЦК КПСС в жизнь. Так, партийные и комсомольские организации Усть-Ордынского Бурятского автономного округа приняли меры по выдвижению комсомольцев на выборные руководящие посты. На проходивших в марте 1969 г. выборах в местные Советы депутатами было избрано 284 комсомольца, против 105 на предыдущих выборах. За 1968 г. и 5 месяцев 1969 г. в округе выдвинуто на руководящую работу из числа комсомольцев и молодежи более 30 человек, в том числе управляющими отделений 5 человек, бригадирами — 15, заведующими фермами — 14 человек¹¹³.

Значительно улучшилось обеспечение сети комсомольского просвещения опытными пропагандистами. В Хакасии в 1969 г. в комсомольской политсети 74,6% пропагандистов составляли коммунисты, многие из которых являлись руководителями колхозов и совхозов или секретарями партийных организаций¹¹⁴. Увеличилась прослойка коммунистов среди

секретарей комсомольских организаций. Если в 1966 г. среди всех секретарей первичных комсомольских организаций Горного Алтая было 32 коммуниста, что составляло 10%, то в 1969 г. их число выросло до 30%. В Усть-Ордынском Бурятском автономном округе среди секретарей колхозных и совхозных комсомольских организаций в 1970 г. членов и кандидатов в члены партии было 76%. В два раза больше по сравнению с 1965 г. увеличилась партийная прослойка среди секретарей первичных комсомольских организаций Якутской АССР. В этой республике комсомол стал активно привлекаться для выполнения больших общественных поручений. 13 комсомольцев республики были избраны в Верховные Советы СССР, РСФСР и Якутской АССР. 115 комсомольцев стали представлять молодежь в районных и городских Советах депутатов трудящихся. Свыше 800, или каждый десятый депутат поселкового и сельского Советов Якутии в 1968 г., были комсомольцами¹¹⁵.

Однако всплеск в партийном руководстве, как и активность в работе комсомольских организаций, вызванные постановлением ЦК КПСС, постепенно угасали. На низком уровне осталась работа комсомольских организаций по привлечению молодежи к овладению сельскохозяйственной техникой. В колхозах и совхозах Якутской АССР механизаторов было меньше, чем техники, а, например, набор в училища механизации в 1968 г. составил только 86% к необходимому. В связи с отсутствием специалистов медленно решались вопросы механизации сельского хозяйства, хотя на животноводческих фермах уборка навоза была механизирована только на 2%, поение скота — на 30%, раздача кормов — на 15%, доение — на 5%¹¹⁶.

В конце 60-х — начале 70-х гг. комсомольская работа во всех автономиях Сибири концентрировалась вокруг подготовки и проведения празднования 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. В Горном Алтае, например, был объявлен ленинский смотр комсомольских организаций. В задачи смотра входили активизация труда молодежи, борьба за экономию и бережливость под девизом «Мой личный трудовой подарок юбилею вождя», открыты лицевые счета Ленинского фонда экономии, куда только за первое полугодие 1970 г. внесено 50 тыс. руб. Областной комитет ВЛКСМ Горного Алтая с обществом рационализаторов и изобретателей объявил смотр-конкурс «Пятилетке — мастерство и поиск молодых!»¹¹⁷

Серия организационно-политических мероприятий, входивших в Ленинский зачет, посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и объявленный обязательным для всех комсомольцев, одной из главных задач на селе выдвигала привлечение молодежи в сельскохозяйственное производство. Хороших результатов в этой работе добились комсомольские организации Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Здесь в юбилейном году в сельское хозяйство по путевкам комсомола было направлено 510 юношей и девушек. В основе этой акции лежал почин выпускников Харатской средней школы, изъявивших желание остаться работать в родном колхозе. Такая инициатива имела место и в других автономиях. В 1971 г. ряды сельских тружеников Якутии пополнили более 2 тыс. выпускников школ. За 1973—1975 гг. в животноводство Хакасии по путевкам комсомола пришло 816 человек¹¹⁸. Однако призывы комсомольских органов, подъем и порыв молодежи носили непродолжительный характер. Молодежь уходила из сельскохозяйственного производства так же быстро, как и приходила. Поэтому вопросы закрепления молодежи на селе оставались важнейшими на протяжении всего времени. Повсеместно шли поиски путей решения данной проблемы.

В Забайкалье была поддержана инициатива колхоза им. XXII партсъезда, где правление этого хозяйства вместе с комитетом ВЛКСМ пошли по пути создания укрупненных комсомольско-молодежных бригад. Новшество состояло в объединении нескольких отар в одну, что давало возможность лучше организовать быт молодых животноводов, рациональнее использовать трудовые ресурсы и технику.

Первая укрупненная комсомольско-молодежная бригада состояла из 10 человек и обслуживала 2300 овец вместо 600—700. Правление колхоза обеспечило молодежь этого участка работы хорошим жилым домом со столовой и кухней, «красным уголком» и жилыми комнатами. К стоянке было подведено электричество, построена баня, налажена регулярная доставка почты. Инициатива цокто-хонгильцев стала распространяться¹¹⁹.

Своеобразными мероприятиями в активизации молодежи, в том числе закрепления ее в сельскохозяйственном производстве, явились обмен комсомольских билетов, проведенный по решению ЦК ВЛКСМ в 1974—1975 гг., и организация участия комсомольцев национальных автономий в соревновании за право подписи рапорта Ленинского комсомола XXV съез-

зду КПСС (1976 г.). В этом соревновании только в Бурятской АССР приняло участие более 100 тыс. человек¹²⁰.

При обмене документов заметно повысилась индивидуальная работа с комсомольцами. В Якутии в ходе обмена комсомольских документов индивидуальное собеседование прошли 26 тыс. членов ВЛКСМ, до 72% поднялся удельный вес комсомольцев, успешно выполнявших постоянные комсомольские поручения¹²¹. Вместе с тем комсомол еще больше потерял свою самостоятельность. Как и при выполнении известного постановления ЦК КПСС «О работе Красноярской партийной организации по руководству комсомолом», поднялась волна привлечения к работе с молодежью членов партии. Увеличилась прослойка коммунистов, избранных в комсомольские органы. Если, например, в 1974 г. в состав выборных органов комсомольской организации Горно-Алтайской автономной области было избрано 369 коммунистов, то в 1975 г. — 653. Среди секретарей цеховых комсомольских организаций было 107 коммунистов, стало 661. Возросло число коммунистов, работавших в комсомоле и избранных в состав парткомов или бюро партийных организаций¹²². В Бурятской АССР число коммунистов, занятых на комсомольской работе, выросло с 402 человек в 1965 г до 2668 на 1 января 1981 г.¹²³

Комсомольцы сельских районов национальных автономий участвовали во всенародном обсуждении проекта Конституции СССР, вносили предложения и дополнения. Было, например, учтено и вошло в текст новой Конституции дополнение, предложенное комсомольцами Андрюшинского отделения совхоза «Нижеколымский» Якутской АССР, к статье 66 Конституции СССР: «Забота о своих престарелых родителях — забота и обязанность детей», — о чем писала «Комсомольская правда».

Однако и это мероприятие, прошедшее в форме очередной кампании, не могло заменить реальной и постоянной работы в молодежной среде. Деятельность комсомола все в большей степени приобретала аппаратные очертания, копируя стиль и методы управления, культивируемые в партийных органах. Этому объективно способствовало возрастание в составе выборных комсомольских органов партийной прослойки. Аппарат комсомольских организаций в своей повседневной работе все теснее замыкался на аппарат партийный, отрывался от комсомольских масс и молодежной проблематики. В сферу его внимания все в большей мере попадали вопросы,

пришедшие сверху, а не снизу. В то же время партийные комитеты осуществляли руководство комсомолом сквозь призму преимущественно хозяйственных, а не идеологических задач. Так, бюро обкома КПСС Бурятской АССР 3 июля 1976 г. рассмотрело вопрос «О работе комсомольской организации совхоза «Верхне-Талицкий» Хоринского района по подготовке и организованному проведению заготовки кормов¹²⁴. Вопрос, как видим, стоял даже не об участии молодежи и комсомольцев в заготовке кормов, что было бы вполне нормальным и оправданным, а речь шла именно о подготовке и организованном проведении заготовки кормов.

Чрезмерная привязка комсомола к решению хозяйственных и производственных вопросов объективно отодвигала на второй план проблемы быта, культуры, спорта и отдыха молодежи. Все это снижало интерес молодежи к общественным делам, глушило ее энтузиазм. Аппарат же на процесс отчуждения реагировал принятием все новых и новых починов и начинаний, которые могли бы подогреть общественный интерес. Подсчитано, что только за 1976—1978 гг. в Якутии было выдвинуто более 15 инициатив республиканского значения. Многие из них не были доведены до завершения, так как не получили организационного обеспечения на местах¹²⁴.

В первой половине 80-х гг. разрыв между аппаратом и рядовыми комсомольскими массами еще больше увеличился. В 1984 г. ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи». В нем отмечалось, что в среде молодежи имеют место пассивность, индивидуализм, недисциплинированность и другие негативные явления. Комсомольские органы критиковались за шаблонные приемы и средства работы. Однако новой концепции взаимоотношений партии и комсомола, места комсомольских организаций в политической системе этот документ не выдвинул. Напротив, была подтверждена неизбежность механизмов общественных отношений, сложившихся в 70-е гг. На основании этих решений ЦК КПСС были приняты меры по укреплению партийного ядра в комсомоле, увеличено представительство комсомольцев в советских и профсоюзных органах, народном контроле, расширилась сеть «комсомольских прожекторов», увеличилась численность комсомольско-молодежных бригад. Но все эти меры в большей степени носили формальный, аппаратный характер.

Перестройка деятельности комсомольских организаций начала осуществляться лишь после XXVII съезда КПСС на основе решений XX съезда ВЛКСМ. Во всех городских и сельских организациях были проведены собрания с обсуждением решений съезда. Стала разворачиваться, хотя еще робко, работа по реорганизации аппарата комсомольских органов, искоренению проявлений формализма, заорганизованности, бюрократизма, по преодолению в молодежной среде бездуховности, потребительства. Комсомольские организации начали более тесно контактировать с неформальными объединениями, искать пути и формы более активной работы среди различных слоев молодежи.

Однако в целом процесс перестройки сельских комсомольских организаций национальных районов Сибири шел неоднозначно. Не была выработана новая концепция молодежных общественных организаций. Чрезвычайно расширительной оставалась сама трактовка функций и задач комсомола. На уровень работы комсомольских организаций во многом влияли условия труда, морально-политический настрой, а также экономическое положение того или другого хозяйства, отделения, фермы, даже их местонахождение. Это подтверждают данные анкетного опроса, проведенного на животноводческих фермах двух типов в Якутской АССР: I тип — механизированные и расположенные вблизи крупных населенных пунктов; II тип — немеханизированные и расположенные вдали от крупных населенных пунктов. На фермах I типа 90% юношей и девушек выполняли общественные поручения. На фермах II типа выполняющих общественные поручения насчитывалось только 50%¹²⁵.

В целом комсомол, некритично перенимая (копируя) стиль и методы работы КПСС, берясь в своей деятельности за все сразу, в итоге не выполнял присущих этой молодежной организации задач. Непосредственно проблемы молодежи в деятельности комсомола нередко оставались на втором и даже на третьем месте.

В целом вся общественно-политическая жизнь национальных автономий Сибири формально находилась на достаточно высоком уровне. Численно росли общественные организации. Расширяли свои функции Советы народных депутатов (до 1977 г. депутатов трудящихся). Совершенствовалась система политического просвещения трудящихся. Вырос тираж газет и журналов, в том числе на языках коренных жителей национальных автономий. Телевидение было в самых отдаленных уголках Бурятии, Тувы, Якутии, Горного Алтая, Ха-

касии, Агинского и Усть-Ордынского Бурятских автономных округов.

Вместе с тем общественно-политическая жизнь в национальных автономиях Сибири всецело была направлена прежде всего на выполнение задач партии. Декларативно выдвигая на первое место интересы народа, на практике КПСС подменила их своими собственными интересами, даже не всей партии — ее аппарата. С этой целью как в центре, так и на местах расширялись партийные структуры: внизу — первичные, цеховые парторганизации и партгруппы; наверху — в ЦК, обкомах и райкомах параллельные советским и хозяйственным органам власти партийные подразделения (комитеты, отделы, подотделы и т. д.).

Через разросшуюся систему партийных организаций, руководство Советами, профсоюзом, комсомолом и т. д. партия контролировала все стороны жизни общества. Охватывавшая подавляющее большинство трудящихся национальных автономий Сибири система партийной учебы давала возможность парторганам контролировать умонастроения большинства населения. Через средства массовой информации (радио, телевидение, пресса) партия проводила в сознание людей свои, все больше и больше переставшие отражать чаяния людей идеи. Имевшиеся права рабочих и крестьян приобретали совершенно определенную направленность — трудиться, трудиться при сохранении низкой оплаты труда, отсталой технической оснащенности, плохих жилищно-бытовых условиях. Замкнутость жизни, полное господство над средствами массовой информации позволяли партии создавать такие условия, когда отсутствовала возможность сравнивать, например, уровень труда и условий жизни тружеников села у нас и за рубежом. Эта возможность подменялась сравнением нашего с нашим: Тувы и Хакасии, Якутии и Бурятии, Восточной Сибири с Западной и т. д.

Широко разрекламированные права и возможности Советов как органов власти были полностью подчинены выполнению решений партии. Профсоюзы и комсомол самостоятельными в своих решениях не были.

Все это не позволяло на полную мощь использовать широко известные и практикуемые в развитых странах экономические законы развития производства. Слепое преклонение перед изжившими себя выводами и установками времен гражданской войны, «военного коммунизма», коллективизации и индустриализации сдерживало продвижение вперед эконо-

номики, общества, личности. Не учитывалась необходимость более глубокого решения национальных и межнациональных проблем. Вместо их разрешения они под громкие заявления о разрешении в нашей стране этих проблем загонялись вглубь, и тем самым создавались предпосылки для с такой яростью выплеснувшихся после развала СССР межнациональных конфликтов.

¹ Партийные организации на селе автономных республик, областей и округов.

² XX съезд КПСС... Стен. отч. М., 1956. Т. 1. С. 98; XXI съезд КПСС... Стен. отч. М., 1959. Т. 1. С. 112, XXII съезд КПСС... Стен. отч. М., 1961. Т. 1. С. 111; XXIII съезд КПСС... Стен. отч. М., 1966. Ч. 1. С. 86.

³ XXIII съезд КПСС... Стен. отч. М., 1966. Т. 1. С. 86, 114.

⁴ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 6285, л. 1, 2; д. 6349, л. 1, 2; д. 6415, л. 1, 2; д. 6479, л. 1, 2; оп. 2, д. 27, л. 1, 2; д. 73, л. 1, 2; д. 122, л. 1, 2; оп. 22, д. 52, л. 1, 2; д. 148, л. 1, 2; оп. 23, д. 48, л. 1, 2; д. 113, л. 2, 3; оп. 25, д. 69, л. 2, 3; оп. 26, д. 61, л. 2, 3; оп. 31, д. 57, л. 3, 4; оп. 33, д. 33, л. 4, 5, 18, 19; оп. 36, д. 50, л. 2, 3; оп. 34, д. 69, л. 2, 3; оп. 37, д. 60, л. 2, 3, оп. 49, д. 126, л. 115, 116; оп. 42, д. 66, л. 2, 3.

ЦГАРТ, ф. 2-УП, оп. 3, д. 8, л. 29, 30, 36, 37, 43, 44, 54, 62, 80, 81, 93, 94, 101, 102; оп. 4, д. 1, л. 5, 6, 11, 12, 20, 21, 36, 37; оп. 5, д. 1, л. 5, 6, 13, 14, 21, 22, 29, 30, 39, 40; оп. 12, д. 83, л. 5, 6; оп. 13, д. 39, л. 5, 6; оп. 15, д. 85, л. 7, 8, оп. 16, д. 65, л. 8, 9; д. 156, л. 5, 6.

НАРС (Якутия), ф. 3, оп. 185, д. 109, л. 1, 2, 12, 14; оп. 221, л. 36, л. 16, д. 44, л. 20, д. 50, л. 15, д. 91, л. 44; оп. 236, д. 1, л. 9; д. 2, л. 9, д. 3, л. 8, д. 6, л. 8; д. 104, л. 3; оп. 205, д. 34, л. 12, д. 71, л. 8; оп. 19, д. 32, л. 456; оп. 205, д. 24, л. 9, д. 60, л. 9; оп. 225, д. 5, л. 35; оп. 21, л. 9, 11; д. 109, л. 15; оп. 221, д. 36, л. 17; д. 44, л. 21; д. 50, л. 16; д. 91, л. 45; д. 22, л. 8; д. 87, л. 8; д. 88, л. 7; д. 271, л. 9, 10, 18, 19, 22, 23, 37, 38, 48, 56, 69, 70, 80, 82, 91, 92.

ЦДНИРА, ф. 1, оп. 2, д. 2932, л. 1, 2; оп. 6, д. 95, л. 1, 2; оп. 7, д. 36, л. 1, 2; оп. 9, д. 47, л. 1, 2; оп. 11, д. 48, л. 1, 2, оп. 4, д. 295, л. 1, 2; д. 342, л. 1, 2; оп. 15, д. 26, л. 1, 2; оп. 17, д. 31, л. 1, 2; оп. 19, д. 22, л. 1, 2; оп. 22, д. 28, л. 1, 2, оп. 25, д. 22, л. 1, 2, оп. 18, д. 35, л. 1, 2, оп. 34, д. 31, л. 1, 2, оп. 37, д. 32, л. 1, 2; оп. 40, д. 75, л. 1, 2; оп. 37, д. 140, л. 1, 2; оп. 43, д. 64, л. 1, 2; оп. 46, д. 37, л. 3, 4; оп. 50, д. 3, л. 3, 4.

ЦГАРТ, ф. 2, оп. 1, д. 2400, л. 26, 27; д. 2471, л. 22, 23; д. 2563, л. 28, 29; д. 2677, л. 44, 45; д. 2789, л. 31, 32; д. 2990, л. 28, 29; д. 3069, л. 32, 33; д. 3156, л. 39, 40; д. 3237, л. 32, 33; оп. 3320, л. 37, 38; д. 3406, л. 32, 33, д. 3491, л. 34, 35; оп. 2, д. 71, л. 39, 40; оп. 3, д. 59, л. 28, 29; оп. 6, д. 79, л. 30, 31; оп. 7, д. 214, л. 31, 32, д. 86, л. 27, 28; оп. 8, д. 92, л. 35, 36; оп. 9, д. 115, л. 32, 33, оп. 10, д. 118, л. 25, 26; оп. 11, д. 73, л. 25, 26.

ЦДНИ ГАИО, ф. 447, оп. 14, д. 48, л. 10, 11; оп. 15, д. 8, л. 3, 4, 7, 8; д. 16, л. 5, 6; д. 25, л. 3, 4, 7, 8; оп. 16, д. 6, л. 5, 6; д. 20, л. 5, 6; д. 36, л. 5, 6; оп. 17, д. 10, л. 5, 6; д. 34, л. 5, 6; д. 66, л. 5, 6; оп. 18, д. 13, л. 5, 6; оп. 18, д. 23, л. 5, 6; оп. 19, д. 19, л. 1, 2; ф. 127, оп. 100, д. 262а, л. 116—125; оп. 103, д. 152, л. 102—103; оп. 106, д. 102, л. 95—106; оп. 108, д. 136а, л. 99—110.

ГАЧО, ф. 57, оп. 29, л. 8, 9; д. 24, л. 6, 7; д. 25, л. 5, 6; д. 26, л. 10, 11; оп. 33, л. 3, л. 5, 6, 13, 14, 19, 20; оп. 34, д. 11, л. 1, 2, 17; оп. 35, л. 9, л. 5, 6; оп. 37, л. 10, л. 17, 18; оп. 38, д. 7, л. 26, 27; д. 19, л. 5, 6, оп. 39, д. 9, л. 16, 17; оп. 40, л. 17, 18, оп. 41, д. 8, л. 5, 6; оп. 42, д. 10, л. 7, 8, 9, ф. 3, оп. 32, д. 90, л. 1, 3, д. 96, л. 1, 3, оп. 36; д. 17, л. 1, 2; ф. 3, оп. 39, л. 1, 3; оп. 42, д. 148 л. 1, 3

⁵ Там же.

⁶ XXIII съезд КПСС. Т. 1. С. 86, 114

⁷ См. сноску 4.

⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: Стат. ежегодник. М., 1966 С. 15; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. Стат. ежегодник М., 1986 С. 7, 8

⁹ См. сноску 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Народное хозяйство Бурятской АССР в девятой пятилетке: Стат. сб. Улан-Удэ, 1981 С. 55; Горно-Алтайской автономной области 60 лет. Стат. сб. Горно-Алтайск, 1982. С. 21.

¹² См. сноску 4.

¹³ Там же.

¹⁴ ЦДНИИГАИО, ф. 447, оп. 17, д. 13, л. 113.

¹⁵ Там же, л. 113, 114.

¹⁶ ЦГАРХ, ф. 2, оп. 1, д. 3055, л. 1.

¹⁷ ЦДНИРА, ф. 1, оп. 15, д. 25, л. 34.

¹⁸ ЦГАРТ, ф. 2, оп. 11, д. 103, л. 3.

¹⁹ Звезда Алтая 1979. 25 дек.

²⁰ Тувинская правда. 1976 14 марта.

²¹ ЦАРС (Якутия), ф. 3, оп. 215, д. 26, л. 31, 37, 38.

²² Там же, оп. 237, д. 7, л. 44.

²³ См. сноску 4.

²⁴ ЦДНИРА, ф. 1, оп. 14, д. 29, л. 18, 19

²⁵ Якутия за 50 лет в цифрах Якутск, 1977. С. 74—75

²⁶ ЦГАРХ, ф. 4, оп. 1, д. 3064, л. 13, д. 3263, л. 71; оп. 2, д. 2, л. 91.

²⁷ См. сноску 4.

²⁸ Правда Бурятии 1976. 6 янв.

²⁹ ЦГАРТ, ф. 2, оп. 11, д. 80, л. 11.

³⁰ РЦХИИДНИ, ф. 17, оп. 142, д. 1115, л. 51

³¹ Правда Бурятии. 1976 8 июня; Якутская областная организация КПСС в цифрах 1919—1980. Якутск, 1981 С. 154.

³² Правда Бурятии 1976 3 авг.; 1977 1 июня; 1978. 14 июня; Туvinская правда. 1976 19 сент.; 1977 4 апр.; Звезда Алтая. 1976. 14 авг.; 1978 3 февр.

³³ Суханов А. В. Научный подход и деловитость в партийной работе // О деловитости в партийной работе Якутск, 1972. С. 9.

³⁴ Там же. С. 21, 22.

³⁵ ГАЧО, ф. 3, оп. 18, д. 48, л. 86

³⁶ ЦДНИРА, ф. 1, оп. 6, д. 43, л. 201, оп. 12, д. 41, л. 34.

³⁷ Там же, оп. 2, д. 2944, л. 1; оп. 12, д. 15, л. 145.

³⁸ Там же, ф. 52, оп. 1, д. 11, л. 4.

³⁹ ЦГАРТ, ф. 2, оп. 10, л. 7, оп. 16, д. 180, л. 6, 78

⁴⁰ ЦДНИРА, ф. 1, оп. 4, д. 282, л. 1; Звезда Алтая 1980. 27 сент. Материалы делегату XXXIII Горно-Алтайской областной конференции КПСС. Горно-Алтайск, 1984. С. 30.

⁴¹ ЦГАРХ, ф. 2, оп. 1, д. 3038, л. 17; оп. 10, д. 44, л. 8; Очерки истории Хакасской организации КПСС. Абакан, 1987. С. 314.

⁴² ЦДНИИО, ф. 447, оп. 16, д. 9, л. 96; д. 17, л. 98, 100.

- ⁴³ Там же, д 32, л 68, 69
- ⁴⁴ Там же, л 18, 19
- ⁴⁵ ЦДНИГАЧО, ф 447, оп 17, д 1, л 2, 6, 7
- ⁴⁶ ЦДНИГАЧО, ф 447, оп 16, д 17, л 2
- ⁴⁷ НАРБ, ф 1, оп 35, д 22, л 153, 154
- ⁴⁸ Там же, д 15, л 2, 3; д 20, л 16
- ⁴⁹ Там же, оп 34, д 72, л 10, 11
- ⁵⁰ Там же, д 57, л 46
- ⁵¹ Правда Бурятии 1981. 16 янв
- ⁵² Очерки истории Тувинской организации КПСС. Кызыл, 1975
- C 249
- ⁵³ НАРС (Якутия), ф 3, оп 232, д 18, л 65.
- ⁵⁴ Тувинская правда 1976 10 янв
- ⁵⁵ Мамусев Н. Ю. Новые традиции//Идеологической работе — комплексный подход. Улан-Удэ, 1976. С. 9.
- ⁵⁶ НАРБ, ф 1, оп 22, д 73, л 48, 52
- ⁵⁷ Очерки истории Горно-Алтайской областной организации КПСС. Горно-Алтайск, 1971. С. 266
- ⁵⁸ ЦДНИРА, ф. 1, оп. 37, д. 30, л. 67, 69, оп. 28, д. 14, л. 157, 158.
- ⁵⁹ Там же, оп. 31, д. 30, л. 5, 6
- ⁶⁰ ЦДНИГАЧО, ср. 447, оп. 18, д. 26, л. 28, 29.
- ⁶¹ Там же, л 30, 31.
- ⁶² Очерки истории Бурятской АССР периода развитого социализма. Новосибирск, 1983. С. 206.
- ⁶³ Печать в СССР в 1985 г.: Стат. сб. М., 1986. С. 236
- ⁶⁴ Подсчитано по: Печать в СССР в 1985 г. С. 118, 119.
- ⁶⁵ НАРБ, ф 1, оп 2, д. 127, л. 38.
- ⁶⁶ Очерки культуры. Улан-Удэ, 1974. Т. 1. С. 512, 513.
- ⁶⁷ Показатели социального развития автономных республик, краев и областей РСФСР М., 1986. С. 112, 116.
- ⁶⁸ Бадмаев А. Р. Языковая ситуация у бурят//Вопросы языка и литературы народов Сибири. Сб. науч. трудов института истории, философии и филологии СОАН СССР. Новосибирск, 1974. С. 5—7.
- ⁶⁹ Красноярский рабочий 1988. 18 сент.
- ⁷⁰ ЦДНИРА, ф 5, оп 3, д 1, л 14, 26; д 1027, л. 8, 17; оп 1, д 4, л. 6, 13; д. 5, л 36, 39, д 6, л 1, 8; д 149, л. 1, 6; д 151, л. 1, 4; ф. 1121, оп. 1, л. 2, л. 1, 8, 13; д. 3, л. 2, 5; д. 4, л. 161
- ⁷¹ НАРС (Якутия), ф. 3, оп. 224, д. 11, л. 11.
- ⁷² КПСС в резолюциях. М., 1972 Т. 9 С. 239—243.
- ⁷³ Там же Т. 10. С. 331—336.
- ⁷⁴ Под знаменем Октября. Улан-Удэ, 1977. С. 54.
- ⁷⁵ Якутская АССР в условиях развитого социализма. Якутск, 1982.
- C 78
- ⁷⁶ НАРС (Якутия), ф. 50, оп. 58, д. 134, л. 7.
- ⁷⁷ Там же, ф. 52, оп. 38, д. 253, л. 93.
- ⁷⁸ Якутская АССР в условиях развитого социализма. Якутск, 1982
- C 79
- ⁷⁹ Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся РСФСР 1969 г. М., 1969. С. 11, 27, 175; Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР. 1987 г. М., 1987. С. 10, 22, 23, 40—45, 66, 94, 98.
- ⁸⁰ Тувинская правда. 1975. 18 февр; ЦГАРТ, ф. 2-1, оп. 8, д. 2, л. 236.
- ⁸¹ Бурятия славит Октябрь. Улан-Удэ, 1967. С. 64, 65.
- ⁸² Советская Хакасия. 1975. 26 авг.

- ⁸³ 3 мая Ленина 1975. 26 авг.
- ⁸⁴ См. сноску 79.
- ⁸⁵ НАРС (Якутия), ф. 3, оп. 237, д. 9, л. 21.
- ⁸⁶ ЦДНИРА, ф. 33, оп. 65, д. 115, л. 69, 73, 79, 91, 118
- ⁸⁷ Очерки истории Бурятской АССР периода развитого социализма. Новосибирск, 1983 С 123; Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. 1989. С. 201; Якутская АССР в условиях развитого социализма. Якутск, 1982. С. 112, 113.
- ⁸⁸ Правда Бурятии. 1976 12 авг.
- ⁸⁹ Местные Советы: Новый этап работы. Якутск, 1980. С. 15.
- ⁹⁰ См. сноску 79.
- ⁹¹ Текущий архив обкома профсоюза работников АПК Бурятской АССР Отчет за 1985 г. С. 27.
- ⁹² Политический собеседник (журнал Бурятского обкома КПСС). 1988 № 5 С. 8
- ⁹³ Звезда Алтая. 1988. 3 февр.; Правда Бурятии. 1988. 17 янв.
- ⁹⁴ ЦГАРХ, ф. 2, оп. 1, д. 2647, л. 224.
- ⁹⁵ Шакуров И. Ф. Профсоюзу работников сельского хозяйства 60 лет. М., 1979. С. 28.
- ⁹⁶ ЦГАРТ, ф. 2-1, оп. 7, д. 242, л. 14.
- ⁹⁷ ГАЧО, ф. 57, оп. 35, д. 8, л. 3.
- ⁹⁸ ГАРФ (ЦА ВЦСПС), ф. 1, оп. 44, д. 8240, л. 2.
- ⁹⁹ Звезда Алтая. 1969 22 янв.; Правда Бурятии 1976. 10 янв.; Социалистическая Якутия. 1976 14 янв.
- ¹⁰⁰ ГАЧО, ф. р-454, оп. 1, д. 491, л. 61, 63.
- ¹⁰¹ ГАРФ (ЦА ВЦСПС), ф. 1, оп. 44, д. 8441, р. 12, 14
- ¹⁰² Там же, л. 12, 14.
- ¹⁰³ ЦГАРТ, ф. 108, оп. 1, д. 963, л. 12, 13.
- ¹⁰⁴ Народное хозяйство Бурятской АССР в десятой пятилетке: Стат сб Улан-Удэ. 1981. С. 149.
- ¹⁰⁵ XXXV Горно-Алтайская областная конференция КПСС. Горно-Алтайск, 1988. С. 118; ГАРФ (ЦА ВЦСПС), ф. 1, оп. 44, д. 82, 40, л. 2
- ¹⁰⁶ ГАРФ (ЦА ВЦСПС), ф. 1, оп. 44, д. 8240, л. 2, 4, 7
- ¹⁰⁷ НАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 91, л. 134; ЦГАРХ, ф. 1, оп. 12, д. 7, л. 1; оп. 42, д. 9, л. 23; оп. 44, д. 12, л. 45; оп. 46, д. 44, л. 11.
- ¹⁰⁸ ЦГАРТ, ф. 376, оп. 1, д. 191, л. 13.
- ¹⁰⁹ ЦАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 91, л. 134, 135.
- ¹¹⁰ ЦГАРХ, ф. 12, оп. 44, д. 9, л. 23; оп. 46, д. 44, л. 12, 13.
- ¹¹¹ ГАЧО, ф. 57, оп. 36, д. 10, л. 19, д. 3, л. 54; Агинская правда. 1988. 9 янв.
- ¹¹² НАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 91, л. 134; оп. 22, д. 81, л. 23, 24
- ¹¹³ ЦГАРХ, ф. 2, оп. 1, д. 3155, л. 76.
- ¹¹⁴ НАРБ, ф. 1, оп. 22, д. 81, л. 6, 7.
- ¹¹⁵ ЦДНИИО, ф. 447, оп. 17, д. 26, л. 4, 5.
- ¹¹⁶ ЦГАРХ, ф. 2, оп. 3, д. 47, л. 26.
- ¹¹⁷ НАРС (Якутия), ф. 3, оп. 232, д. 369, л. 106
- ¹¹⁸ Там же, оп. 233, д. 1, л. 48, 49.
- ¹¹⁹ Комсомол Горного Алтая Горно-Алтайск, 1980. С. 154, 262.
- ¹²⁰ НАРС (Якутия), ф. 35, оп. 48, д. 17, л. 13; Очерки истории Читинской областной организации КПСС. Иркутск, 1986. С. 30.
- ¹²¹ Забайкальский рабочий. 1975. 6 нояб.
- ¹²² НАРБ, ф. 1, оп. 34, д. 9, л. 75, 76.
- ¹²³ НАРС (Якутия), ф. 1, оп. 249, л. 175, л. 1.
- ¹²⁴ ЦДНИРА, ф. 1, оп. 37, д. 28, л. 58.
- ¹²⁵ Павлов В. С. Общественно-политическая активность сельской молодежи//Сельская молодежь. Якутск, 1979. С. 19.

ПРЕТВОРЕНИЕ В ЖИЗНЬ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ КПСС

ПОВЫШЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО УРОВНЯ И УЛУЧШЕНИЕ БЫТОВЫХ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ СИБИРИ

К началу 60-х гг. в национальных автономиях Сибири, как и по стране в целом, продолжали существовать заметные социально-классовые различия. Реальные доходы колхозников по стране составляли только 70% от реальных доходов семей рабочих и служащих. При этом на единицу труда доходов колхозников приходилось еще меньше, так как значительную часть его давало личное подсобное хозяйство. Например, средняя оплата труда в колхозах СССР в 1960 г. составляла лишь 35% от среднемесячного заработка в народном хозяйстве¹. Положение сельского населения национальных автономий усугублялось, кроме того, климатическими и географическими условиями Сибири, требующими повышенных затрат на питание, жилье, одежду, транспорт и т. д.

В результате принятых партией и государством мер на рубеже 50—60-х гг. произошли значительные изменения источников доходов сельских жителей. Наиболее важной тенденцией в этом процессе являлся рост удельного веса в доходах крестьянина оплаты труда в колхозном производстве. Если в 1958 г. эта часть дохода составляла 36,9%, в 1963 г. — 45%, то в 1965 г. — 53,3%². Вместе с тем резко сократилась доля денежных средств, получаемых сельскими жителями от продажи на рынке продуктов сельского хозяйства. В целом размер платы за трудовую деятельность в колхозах и государственных, кооперативных организациях сельского населения Сибири, в том числе жителей национальных автономий, в 1965 г. составлял 60% от общего поступления денежных средств, тогда как в 1958 г. — 48%, а в 1953 г. менее 30%³. Таким образом, уже в начале рассматриваемого периода выплаты из колхозно-государственного сектора стали играть

определяющую роль в обеспечении крестьянских хозяйств.

Наряду с изменением структуры доходов сибирского крестьянства шел их абсолютный рост. В 1962 г. совокупный доход в расчете на одного члена семьи в Западной Сибири был выше, чем в 1953 г., на 70,6%, а в Восточной Сибири — на 81,8%. Однако отставание от среднероссийского уровня по размерам совокупного душевого дохода продолжало не только сохраняться, но и возросло. В 1953 г. его величина составляла в Западной Сибири 96,1% от уровня РСФСР, в 1962 г. — 94,3%; в Бурятии, например, соответственно, 97,7 и 93,3%⁴.

Курс на повышение денежных доходов сельского населения, начатый в 50-е — начале 60-х гг., продолжался в последующих пятилетках. Так, на год раньше срока, в 1969 г. удалось достичь намечавшегося на 1970 г. увеличения среднемесячной зарплаты и реальных доходов населения. Средняя заработная плата возросла на 26% против 20% плановых. Денежные и натуральные доходы колхозников от общественного хозяйства возросли на 42% против 35—40% по плану⁵.

Важным фактором в повышении материального благосостояния тружеников сельскохозяйственного производства национальных автономий Сибири явились меры по устранению исторически сложившегося отставания в уровне жизни. Решением сентябрьского (1967 г.) Пленума ЦК КПСС в районах Дальнего Востока и Европейского Севера были установлены районные коэффициенты к заработной плате работников тех отраслей, для которых они ранее не были введены. Кроме того, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г. и Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября того же года вся территория Якутии была отнесена к Крайнему Северу⁶, что значительно расширяло льготы для проживающих там людей, в том числе тружеников сельскохозяйственного производства. В Якутской АССР были введены более высокие расходы на оплату временной нетрудоспособности, на пенсии, санаторно-курортное лечение, содержание пионерских лагерей. Более 80% отдохавших и лечившихся получали льготные или бесплатные путевки. Кроме того, многие ежегодно отдыхали и бесплатно лечились в местных ведомственных здравницах и больницах⁷.

Повышение в масштабах России минимальных размеров зарплаты с 40—45 до 60 рублей в месяц, тарифных ставок и должностных окладов отдельным категориям работников до 70 рублей, а также введение районного коэффициента к зар-

плате позволили поднять доходы сельских тружеников всех автономий Сибири. Например, прирост зарплаты с 1960 по 1965 г. в Бурятии составил 20,9% против 19,7% и 19,1% в СССР и РСФСР в целом. Более того, районный коэффициент позволил в дальнейшем увеличивать ежегодную зарплату в этой республике на 5,4% против 4,9% в СССР и 5% в РСФСР⁸.

Рост зарплаты тружеников села национальных автономий Сибири был стабильным по годам и увеличивался от пятилетки к пятилетке. Так, в Тувинской АССР средняя зарплата сельскохозяйственного рабочего в 1965 г. составила 104, в 1970 г. — 118, в 1975 г. — 125, в 1980 г. — 132, в 1985 г. — 155 рублей⁹. В то же время сопоставление зарплаты работников сельскохозяйственного производства по годам с зарплатой в народном хозяйстве в целом показывает, что государство, местные органы власти, как правило, труд сельскохозяйственного рабочего ценили ниже труда промышленного рабочего, служащего и т. д. (табл. 15)¹⁰.

Таблица 15

Уровень месячной заработной платы трудящихся на конец 1980 г.

Территории	Зарплата в народном хозяйстве в целом (руб.)	Зарплата в сельскохозяй- ственном про- изводстве (руб.)
РСФСР	177,7	156,8
СССР	168,9	149,2
Бурятская АССР	189,5	156,8
Тувинская АССР	163	132
Якутская АССР	330	259
Горно-Алтайская а. о.	156,7	172,4
Иркутская область:		
В т. ч. Усть-Ордынский		
Бурятский авт. округ	209,2	170,3

Данные таблицы в целом подтверждают сделанный ранее вывод. Селяне за свой труд получали меньше не только в национальных автономиях, но и в целом по России и Союзу ССР.

Кроме того, простое сопоставление зарплат с затратами на питание, одежду, услуги и т. д. в национальных авто-

номиях и в центре показывает, что введение районного коэффициента, других доплат не перекрывало разницы в расходах жителей западных и восточных районов страны, вызванных географическим и климатическим факторами. Дотации были явно недостаточными.

В эти же годы государством были приняты меры по улучшению пенсионного обеспечения сельских жителей. Однако и в этом вопросе на протяжении всего рассматриваемого периода социально-классовые различия изжиты не были. Размер пенсионного пособия колхозников на 10 руб. в месяц был ниже, чем у работника совхоза. С 1975 г по 1985 г средний размер месячной пенсии в автономиях возрос с 27 до 40 руб., в то время как в целом по стране размер пенсии колхозников составил 54 руб., а минимальный — 40, у рабочих и служащих соответственно 86 и 56 рублей¹¹.

На протяжении всего рассматриваемого времени важное значение в уровне обеспечения сельского населения Сибири играли доходы, получаемые от личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Если в качестве натуральной оплаты в общественном производстве выдавалось в основном зерно, то всю другую сельскохозяйственную продукцию труженик села получал от ЛПХ. Причем доходы от ЛПХ были по годам неодинаковыми, но постепенно увеличивались, что было связано с изменением государственной политики по отношению к этому источнику доходов, от решительной борьбы за ограничение ЛПХ (начало 60-х гг.) до их стимулирования (вторая половина 70-х гг.). Так, в 1977 г. среднесопоставимые по величине ЛПХ давали доход примерно на 20% больший, чем в 1972 г.

Из-за суровых природно-климатических условий жители автономий вынуждены были ориентировать свое ЛПХ в основном на содержание скота и птицы, выращивание картофеля и овощей, чаще всего ограничиваясь потребностями семьи. Численность скота в ЛПХ национальных районов значительно превышала средние данные по РСФСР, а размер участка, занятого огородом, был меньше. Так, в ЛПХ колхозников Бурятии на 100 семей в 1984 г. приходилось 175 голов крупного рогатого скота, свиней — 165, овец и коз — 204, в РСФСР соответственно 115, 95 и 183¹².

Вместе с тем во всех автономиях происходило выравнивание по сумме доходов от ЛПХ у различных групп сельского населения. Если в 1972 г. от ЛПХ у колхозников были доходы выше, чем у рабочих совхозов, то к 1977 г. в связи с общим ростом заработков и переводом колхозников на гаран-

тированную оплату по ставкам совхозов разница в общих доходах перестала быть существенной.

Отмеченные положительные сдвиги в росте доходов жителей села позволили развернуть широкое общественное и индивидуальное строительство. В Бурятской АССР в течение 1961—1965 гг. капиталовложения в сельское жилищное строительство составили 132,6 млн рублей, в 1966—1970 гг. — 188,9 млн, в 1971—1975 гг. свыше 200 млн рублей¹³. В общем суммарном выражении в селах республики только за эти годы было возведено жилья площадью около 1 млн кв. м¹⁴. В Якутии в расчете на 1000 человек населения в 1965 г. ввод в действие индивидуальных жилых домов в сельской местности составлял 149 кв. м, в 1970 г. — 193 кв. м, в 1980 г. — 180 кв. м, в 1987 г. — 377 кв. м¹⁵.

Одним из важных условий расширения масштабов индивидуального строительства на селе, особенно в 80-е годы, наряду с ростом денежных доходов населения, стало предоставление государственных кредитов и оказание селянам помощи в строительстве жилья со стороны колхозов и совхозов.

Благодаря увеличению масштабов жилищного строительства за счет всех источников финансирования в годы одиннадцатой пятилетки (1981—1985 гг.) возросла обеспеченность сельского населения жильем. В 1980 г. на долю одного сельского жилья в Бурятии приходилось 11,1 кв. м общей площади, в 1986 г. — 14,3 кв. м; в Туве соответственно — 8,0 и 10,3 кв. м; в Якутии — 9,7 и 14,5 кв. м¹⁶.

Новое жилищное строительство сопровождалось значительным улучшением конструкции и качества домов, в частности, увеличением общего размера, а также полезной площади жилья, выделением функциональных зон: гостиной, спальни, детской комнаты, прихожей, кухни и т. д. Повсеместно основным строительным материалом оставалась древесина, а типом жилища — русский срубный бревенчатый дом. В то же время в ряде крупных сел появились жилые здания каменной или кирпичной кладки с центральным отоплением, водопроводом и другими удобствами. В более широких масштабах каменное строительство развивалось в сельских районах Якутии в условиях зоны вечной мерзлоты¹⁷. В сельские дома подводилось электричество и газ. В конце 70-х гг. в Якутской АССР более половины сельских семей, проживавших в частных квартирах, пользовались электрическими печами или газовыми плитами, свыше 40% квартир было подсоединено к сетям центрального отопления, около 10% обеспечены горячим водоснабжением и канализацией¹⁸.

В сельской местности Хакасии в 1979 г. насчитывалось 46,5 тыс. газифицированных квартир, в Горном Алтае в 1980 г. — 16,5 тыс., в Туве в 1986 г. — 20,6 тыс. квартир¹⁹. По уровню телефонизации квартир на селе из автономий Сибири наиболее высокий показатель имела Якутия. В этой республике в 1986 г. на 100 сельских семей приходилось 19,3 телефонных точек, что более чем в два раза превышало соответствующий среднестатистический показатель. В Бурятии на 100 семей приходилось 14,5, в Тувинской АССР — 7,6 телефонных точек²⁰.

Однако отмеченные достижения в благоустройстве сибирского села были еще далеки от полного удовлетворения сельского жителя жильем, коммунальными услугами, сферой обеспечения. Строительство в национальных автономиях охватывало прежде всего крупные населенные пункты. Небольшие по размеру села, объявленные в то время бесперспективными, обустраивались плохо. В трудном положении находились животноводческие стоянки, фермы, отделения, где проживало большое количество скотоводов, механизаторов, полеводов и др. В целом подобное положение приводило к отставанию жителей села национальных автономий по уровню благоустройства. Если, например, жилую площадь, приходившуюся на одного сельского жителя в 1987 г. в целом по РСФСР, принять за 100%, то в Бурятии она равнялась 81,25%, в Туве — 58,5%, в Якутии — 82,4%. По обеспеченности жильем сельского населения Бурятия стояла на 59-м месте в РСФСР (из 70 территорий), Тува — на 70-м, Якутия — на 54-м²¹.

Создавшееся положение с неизбежностью выдвигало перед партийными, советскими, хозяйственными органами национальных автономий острую задачу решения жилищных проблем для села. Вместе с тем не менее остро во всех автономиях стояла проблема улучшения бытового обслуживания сельского населения. Важность жилищных и бытовых проблем усугублялась тем, что она напрямую была связана с закреплением на селе рабочих рук, особенно молодежи.

В Горном Алтае один из выходов из создавшегося положения видели в совершенствовании работы потребительской кооперации, всей системы торгового обслуживания. Были приняты меры по улучшению кадрового состава учреждений торговли и кооперации. Учитывая особенности сельскохозяйственного производства (в Горно-Алтайской автономной области насчитывалось около 3 тыс. животноводческих стоянок, на которых трудилось более 15 тыс. человек), стали расши-

рять строительство культурно-бытовых животноводческих центров.

Оживление торговли привело к заметным сдвигам и переменам в самих жилищах животноводов и земледельцев. В большем количестве появились новые для них предметы домашнего обихода — кровати, зеркала, постельное белье и посуда фабричного изготовления. В постоянный обиход вошли мыло, умывальник, корыто для стирки белья, тазы, утюги, стиральные машины.

Разнообразнее и калорийнее стала пища сельского населения. Наряду с традиционными мясными и молочными блюдами, приготовленными в различных вариантах, стали постоянными рыбные консервы, маринады, фруктово-ягодные варенья, кондитерские изделия. В меню повседневного питания в значительных размерах вошли картофель, овощи и фрукты. Например, государственные закупки картофеля во всех категориях хозяйств Якутской АССР возросли с 5,3 тыс. т в 1965 г. до 17,6 тыс. т в 1980 г., овощей соответственно с 5,4 тыс. т до 22,5 тыс. т²².

Благодаря расширению перечня потребляемых продуктов, строительству в селах столовых, закусочных, кафе, организации совместного питания на сельскохозяйственных работах (уборка хлеба, заготовка кормов для общественного скота, проведение массовых работ на животноводческих стоянках с привлечением городского населения) народная кухня обогащалась путем заимствования национальных блюд других народов, создавались предпосылки более сбалансированного питания сельского населения национальных районов Сибири.

С повышением доходов сельских жителей возросли и их потребности в продуктах питания местного производства, а также предметах обихода, удовлетворение которых в значительной степени шло через сеть потребительской кооперации. Ряд национальных автономий сумели добиться в этом вопросе неплохих результатов. Так, в Эхирит-Булагатском районе Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в 1964 г. годовой план по торговле был выполнен к 20 декабря, в Баяндаевском районе этого же округа годовой план был выполнен на 106,5%²³. В Агинском Бурятском автономном округе товарооборот за 1960—1965 гг. в целом возрос на 58,6%, в том числе по общественному питанию на 74,6%²⁴. В Горно-Алтайской автономной области в 1966—1967 гг. было дополнительно открыто 13 пунктов бытового обслуживания, пущено в эксплуатацию 10 типовых быткомбинатов на селе,

введено 10 новых видов услуг. В среднем на одного жителя этой автономии в 1967 г. было оказано бытовых услуг на 7 руб. 63 коп. против 5 руб. 15 коп. в 1965 г.²⁵ Увеличивался объем бытовых услуг на душу сельского населения. Он возрос в Горном Алтае с 3,36 руб. в 1965 г. до 20,6 руб. в 1980 г., а всего по области, например, за годы одиннадцатой пятилетки (1981—1985 гг.) увеличился в суммарном выражении с 1,7 до 5,1 млн рублей²⁶.

Только за первые три года десятой пятилетки в Тувинской АССР на создание материально-технической базы торгового и коммунально-бытового обслуживания было вложено 21,5 млн рублей, построено и введено в эксплуатацию 25 сельских магазинов, 15 столовых, в 17 населенных пунктах построены комплексные приемные пункты, во всех аймачных (районных) центрах — комбинаты бытового обслуживания. В 1978 г. коммунально-бытовые услуги для сельских жителей Тувы против 1975 г. возросли на 21,1%, а в целом за годы только десятой пятилетки розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание, вырос со 193,6 млн руб. до 247 млн руб.²⁷ Всего же розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли увеличился с 57,6 млн руб. в 1960 г. до 288,4 млн руб. в 1985 г.²⁸

Улучшение бытового обслуживания сельского населения национальных районов Сибири шло за счет совершенствования как традиционных форм, так и путем расширения сферы услуг. Например, за годы девятой пятилетки перечень бытовых услуг в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе вырос на 60 наименований²⁹, в Горном Алтае получила распространение торговля через заказы и организацию посылок непосредственно на стоянки животноводов, через ларьки без продавцов и т. д.³⁰

Во всех автономиях Сибири значительно расширились возможности кооперативной торговли за счет увеличения количества автолавок, которые не только снабжали работников отдельных стоянок, отделений и бригад колхозов и совхозов товарами повседневного спроса, но и выполняли заказы на товары сложного ассортимента.

Немалую роль играла потребительская кооперация и в облегчении домашнего труда сельских жителей, особенно женщин. Этому служили кооперативные хлебопекарни и пункты проката бытовой техники, а также современные предприятия общественного питания. Так, в Бурятской АССР во всех ай-

мачных центрах, во многих других селах республики были построены механизированные хлебопекарни и хлебозаводы, подобраны и обучены кадры, решены вопросы с поставкой муки и других компонентов для хлебобулочной продукции. Все это привело к увеличению выпечки хлеба и хлебобулочных изделий на селе. В 1975 г. она составляла 33,6 тыс. т против 14,9 тыс. т в 1960 г. Практически печеным хлебом уже в годы девятой пятилетки обеспечивалось все обслуживаемое кооперацией сельское население республики³¹.

Повышение покупательской способности жителей села ставило перед торгующими организациями задачу систематического расширения ассортимента товаров, а перед кооперацией — увеличения количества бытовых услуг. Необходимо было учитывать не только традиционный спрос на садово-огородный инвентарь, рабочую одежду и обувь для механизаторов, полеводов и животноводов, в которой меньше нуждались горожане, поставлять, несмотря на значительный процесс интернационализации, национальные виды одежды или материалы для ее изготовления, обувь, предметы быта, но и решать вопросы постоянно растущего спроса на холодильники, телевизоры, мебельные гарнитуры, ковры, мотоциклы и т. д.

В ходе развития торговли и бытового обслуживания сельских жителей приходилось преодолевать имевшиеся трудности и упущения в работе партийных, советских, хозяйственных руководителей национальных автономий предшествующих лет. Так, на XX областной партконференции Хакасии, проходившей в феврале 1968 г., отмечалось, что 70 населенных пунктов этой автономии не пользовались вообще никакими видами услуг предприятий быта. В 1967 г. 36% торговых и 32% предприятий общественного питания не выполнили плана товарооборота. В ряде торговых организаций имели место растраты и хищения. Уровень обслуживания населения был низким³².

Потребовались значительные усилия для исправления создавшегося положения. Были проведены кадровые перестановки, провинившиеся коммунисты получили партийные взыскания, расхитители и воры — осуждены. Принятые меры имели положительные результаты, о чем было отмечено в январе 1971 г. на XXI областной партконференции Хакасской автономной области. В выступлениях делегатов конференции речь шла о положительных сдвигах в бытовом и торговом обслуживании населения. Произошло увеличение продажи

товаров широкого спроса на 20%, а объем бытовых услуг возрос на 49,6%³³.

В 1977 г. объем реализации бытовых услуг вырос по области за год в 1,7 раза, в том числе в сельской местности в 1,9 раза. Всего в Хакасии в 1978 г. оказывалось до 500 видов и форм бытового обслуживания³⁴. Вместе с тем в области продолжали оставаться в обслуживании населения крупные недостатки. Слабо учитывались национальные особенности. Предприятия общественного питания совершенно не использовали богатые возможности национальной хакасской кухни, в области не было ни одной мастерской по пошиву национальной одежды и обуви, плохо решались вопросы полной занятости сельского населения в зимний период.

Большую роль в деле улучшения бытового обслуживания сельского населения Хакасской автономной области в годы одиннадцатой пятилетки (1981—1985 гг.) сыграло совместное постановление бюро обкома КПСС, облисполкома и Красноярского крайпотребсоюза* от 27 февраля 1980 г. «О состоянии и мерах улучшения бытового обслуживания тружеников села»³⁵. В этом постановлении наряду с оценкой состояния обслуживания сельского населения области была разработана широкая программа дальнейшего развития и улучшения торгового обслуживания населения, предусматривавшая значительное укрепление материально-технической базы всех подразделений потребительской кооперации области.

В ходе претворения в жизнь этого постановления в Хакасии было расширено производство товаров народного потребления, для чего к решению этой проблемы были дополнительно привлечены 24 промышленных предприятия³⁶.

В целом за 1981—1985 гг. сеть предприятий службы быта в области увеличилась на 183 единицы. Вошел в строй Дом бытовых услуг в селе Таштыл, построен учебно-производственный комбинат в селе Бей. Вся областная служба быта в 1985 г. имела 459 подразделений, включая ателье, мастерские, комплексные приемные пункты и дома бытовых услуг. За годы одиннадцатой пятилетки розничный товарооборот в Хакасии вырос на 19%, на 28,9% увеличился объем бытовых услуг³⁷, что являлось заметным шагом вперед, но окончательно запросов тружеников села не решало.

Аналогичная картина имела место и в других автономиях. Быстрый рост спроса на бытовые услуги потребовал создания новых предприятий, оснащения их современными технически-

* До 1991 г. Хакасия входила в состав Красноярского края.

ми средствами, внедрения прогрессивных форм обслуживания. С 1980 по 1985 г. число предприятий бытового обслуживания в автономных республиках и областях с 3,1 тыс. возросло до 3,4 тыс., а объем реализованных ими услуг увеличился с 77,3 млн до 105,9 млн рублей³⁸.

За 1960—1987 гг. объем товарооборота государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание, увеличился в Горном Алтае в 4 раза, в Бурятии — в 4,6 раза, в Туве — в 5,3, в Хакасии — в 4,3, в Якутии — в 5,7 раза (в РСФСР — в 4 раза). Как видим, товарооборот в сельской местности национальных автономий развивался.

Положительно на развитие бытового обслуживания жителей села национальных автономий повлиял начавшийся с середины 1984 г. в системе Министерства бытового обслуживания населения РСФСР эксперимент по расширению хозяйственной самостоятельности и усилению заинтересованности производственных предприятий в более полном удовлетворении потребностей населения в бытовых услугах. Уже в 1985 г. на новые условия хозяйствования перешли все предприятия этого министерства. Это привело к росту объема бытовых услуг на одного жителя. Например, в сельской местности Бурятии с 1965 по 1987 г. с 3,3 руб. до 28,9 руб., в Туве — с 1,5 до 19,8 руб., в Якутии — с 1,5 до 53,1 руб. Причем за время проведения эксперимента прирост шел более быстрыми темпами. Только за 1985 и 1986 гг. он увеличивался ежегодно в Бурятии и Туве — на 5,5 руб., в Якутии — на 9 руб.³⁹

Относительно быстро в рассматриваемые годы в национальных автономиях Сибири рос объем товарооборота государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание. В Горном Алтае он увеличился в 4 раза, в Бурятии — в 5,7 раза (в РСФСР — в 4 раза). В то же время следует отметить, что товарооборот в сельской местности национальных автономий развивался более медленными темпами по сравнению с городом. Если в 1965 г. доля сельского товарооборота Бурятии в общереспубликанском его исчислении составляла 45%, то в 1985 г. — 33%, соответственно в Туве 42 и 39%; в Якутии — 32 и 24%⁴⁰.

Кроме того, набор услуг был прямо пропорционален размеру и отдаленности села, качество услуг оставалось низким, сроки выполнения заказов — длительными. Особенно в трудных условиях находились чабаны, пастухи, оленеводы, большую часть времени проводившие со скотом на высокогорных выпасах, тебеневке или со стадами оленей в бескрайних просторах тундры. Об уровне обслуживания этой категории сель-

ских тружеников убедительно высказался чабан совхоза «Табатский» Бейского района Хакасской автономной области С. П. Торопов. Выступая на XXV областной партийной конференции 12 декабря 1980 г., он отметил: «На животноводческих стоянках отсутствует электричество, чабаны не обеспечиваются спецодеждой, для них не строятся благоустроенные квартиры, у них не организован досуг. . транспортная связь с центром плохая или совсем отсутствует, не налажено медицинское обслуживание...»⁴¹.

Слова С. П. Торопова подтверждаются и таким фактом, как строительство в колхозах и совхозах национальных автономий внутрихозяйственных дорог. Задания по дорожному строительству выполнялись на 20—25%, а в 1985 г. в Бурятии было построено всего 77 км дорог, в Туве — 35, в Якутии — 103 км⁴².

В целом система службы быта, созданная в сельской местности и в основных своих параметрах переложенная на систему потребительской кооперации, в существовавших в рассматриваемые годы отношениях собственности, несмотря на рост в последние годы предприятий бытового обслуживания, справиться с поставленными задачами не могла. Необходимо было кардинальное расширение соответствующей инфраструктуры, нужен был принципиально новый подход к решению этой проблемы.

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ СЕЛА

Одной из основных характеристик культурного развития населения является его образовательный уровень. В нашей стране к пониманию этого положения в массовом порядке стали подходить в 50-е гг. Высокоподготовленных специалистов, и не только инженерно-технического состава, требовала промышленность, такие же проблемы стало выдвигать с увеличением поставок колхозам и совхозам техники сельскохозяйственное производство. Не случайно поэтому, что именно в 50-е гг. партия и советское правительство ставят задачу реформирования школьного образования.

Важную роль в этом сыграл Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования в СССР», принятый Верховным Советом СССР в декабре 1958 г.⁴³

Практически во всех национальных автономиях этот Закон был обсужден на пленумах, партийных активах или конференциях. Вопросы народного образования в свете закона

выносились на сессии республиканских, областных, окружных и районных Советов депутатов трудящихся, на которых рассматривались и утверждались планы и мероприятия по выполнению Закона и намечались конкретные меры по улучшению общего, политехнического и профессионального обучения школьников, охвата всех детей школьного возраста обучением, обеспечения выполнения планов строительства школ, развития системы вечернего и заочного обучения работающей молодежи, совершенствования руководства вузами и техникумами.

Столь всеобщее и заинтересованное внимание к народному образованию, в том числе национальных автономий Сибири, было неслучайным. В начале 60-х гг. занятое население сибирского села, ее национальных автономий уступало по этому параметру жителям города. Если на 1000 человек городского (занятого) населения в 1959 г. в Горно-Алтайской области приходилось 481 человека с высшим и средним (полным и неполным) образованием, Хакасской автономной области — 457 человек, в Тувинской АССР — 476 человек, то на 1000 человек сельского (занятого) населения соответственно приходилось 306, 318, 322, 214 человек⁴⁴.

К началу рассматриваемого периода в деревне национальных автономий Сибири функционировали школы трех основных типов: начальные, неполные средние и средние. На основании Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» в стране вводилось общес обязательное восьмилетнее образование. Перестройка школы началась и в национальных районах Сибири. Преобразование семилетних школ в восьмилетние было завершено к сентябрю 1962 г. Повсеместно шло укрупнение школ, чаще всего за счет ликвидации мелких начальных, что приводило не только к сокращению общего количества школ, но и нередко к исчезновению целых населенных пунктов, увеличению размера бросовых земель, переселению значительной массы крестьян, к ломке судеб десятков тысяч людей. Например, в Горно-Алтайской автономной области число общеобразовательных школ всех видов с 1960 по 1980 гг. сократилось с 273 до 190⁴⁵. В Якутской АССР процесс школьной реформы несколько отличался от других национальных автономий. Здесь с 1960 по 1965 гг. количество школ увеличилось с 668 до 737, а затем сократилось и в 1980 г. равнялось 658⁴⁶.

Одновременно с укрупнением школ шло укрепление их учебно-материальной базы. Началом этого в значительной

степени послужила реализация постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О школьном строительстве и мерах по укреплению материальной базы школ» (1960 г.)⁴⁷. В соответствии с ним колхозы и совхозы получили значительные ссуды на строительство школ, интернатов, учебных мастерских и т. д. Увеличилась помощь школам со стороны самих сельскохозяйственных предприятий и государства. Ежегодно, например, в Тувинской АССР свыше 7 тыс. учащихся — детей животноводов и многосемейных колхозников — воспитывались в интернатах на полном государственном обеспечении. Помимо общеобразовательных школ в республике была создана сеть специальных школ: 3 санаторно-лесных школы, а также школы для глухонемых, детские дома для детей-инвалидов, 2 детских дома для детей-сирот⁴⁸.

Наряду с интернатами, строительство которых осуществлялось исходя из учета огромных территорий с низкой плотностью населения и значительной удаленностью населенных пунктов, плохо развитой дорожной сетью, широкое распространение в сельской местности национальных автономий имели школы с группами продленного дня: в 1960/61 уч. г. их было единицы, в 1970/71 уч. г. они имелись в 41% сельских школ, в 1983/84 уч. г. — в 56%⁴⁹. Многие школы национальных автономий справляли новоселье. Так, в Хакасии за 1959—1965 гг. было построено 48 новых школьных зданий⁵⁰.

В Якутской АССР за эти же годы только по линии Министерства просвещения ЯАССР было введено новых школ на 24,2 тыс. ученических мест вместо запланированных 18,4 тыс. Строительство общеобразовательных школ продолжалось. За последующие 10 лет (1966—1975 гг.) в Якутии было введено общеобразовательных школ на 52,8 тыс. ученических мест. Строились детские дошкольные учреждения⁵².

Важное значение для определения направления развития школьного дела в национальных автономиях имели постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1966 г. «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы», в котором отмечалось, что впредь «советская школа должна развиваться как общеобразовательная, трудовая, политехническая»⁵³, и постановление этих же руководящих органов от 20 июня 1972 г. «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы»⁵⁴.

Меры, принятые по претворению в жизнь этих решений, способствовали улучшению учебной и воспитательной работы общеобразовательной школы, практическому осуществлению среднего образования. Специфической особенностью работы школ национальных автономий в эти же годы было сочетание программного материала с основами производства. Так, в Агинском Бурятском автономном округе в сельских школах учебная программа тесно переплеталась с основами сельскохозяйственного производства, чему во многом способствовали руководители колхозов и совхозов, предоставившие школам оборудование, машины, другую технику для оснащения учебных цехов, школьных учебно-производственных мастерских. В большинстве сельских школ было организовано изучение тракторов, автомобилей, комбайнов. Школьники овладевали специальностями электриков, токарей, слесарей и по окончании школы вместе с аттестатом зрелости получали удостоверение на право управления машинами или о знании технических специальностей⁵⁵.

Другой специфической особенностью в работе подразделений народного образования национальных автономий Сибири в рассматриваемые годы была организация обучения коренного населения на родном языке. Эта проблема сталкивалась сразу с несколькими трудностями. Одной из них было отсутствие школьных учебников на родном языке. Так, в Якутии перестройка системы народного образования потребовала за короткий срок составить и издать на якутском языке новые оригинальные и переводные учебники (более 40 названий). Аналогичные проблемы стояли перед всеми автономиями.

Для их решения в республиках и областях создавались специальные комиссии, методические объединения и коллективы. В Горно-Алтайской автономной области задача подготовки учебников на алтайском языке была поставлена как одна из главных перед Горно-Алтайским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы. Местные партийные и советские органы систематически контролировали выполнение поставленных задач. Например, 30 января и 18 марта 1966 г. бюро Якутского обкома КПСС рассматривало вопросы об издании новых учебников и сроках перехода якутских школ с четырехлетнего на трехлетний курс начального обучения по новым программам. 10 ноября 1966 г. на II пленуме этого обкома партии обсуждались итоги работы Всесоюзного съезда учителей. На пленуме присутствовал министр просвещения РСФСР А. И. Данилов⁵⁶.

Практические вопросы по переходу ко всеобщему среднему образованию, по преобразованию школы в общеобразовательную, трудовую и политехническую обсуждались на проходивших во всех автономиях Сибири съездах учителей, партийно-хозяйственных активах.

Усилились поиски более совершенных форм и методов обучения. В национальных школах создавались параллельные классы русских, алтайских, бурятских, тувинских, якутских учащихся, а также классы, смешанные по национальному составу. Была введена кабинетная система обучения. На уроках шире стали применяться технические средства обучения. Улучшилась краеведческая работа, интернациональное воспитание учащихся. Вместе с тем многие процессы перестройки сельской школы национальных автономий Сибири как в начале, так и в конце рассматриваемого периода встречались на своем пути с многочисленными препятствиями. Не был до конца решен вопрос по подготовке оригинальных и переводных учебников на языках коренных жителей национальных автономий. Переход обучения в начальной школе на родной язык автоматически приводил к понижению уровня знания выпускниками этих школ русского языка, что значительно затрудняло усвоение ими учебных программ в старших классах, а затем поступление в средние и высшие учебные заведения.

Большинство начальных школ национальных автономий Сибири в силу особенностей размещения и занятости сельского населения (разбросанность населенных пунктов, работа в отгонном животноводстве) были малокомплектными. Практически все они размещались в непригодных помещениях. Эти школы хуже других были обеспечены оборудованием. Крайне трудно решались вопросы с кадрами. В педагогических вузах при подготовке студентов особенности труда педагога в малокомплектной школе учитывались слабо. Молодые преподаватели в таких школах по причине профессионального одиночества, материальных трудностей, неустойчивости быта менялись практически ежегодно. Директор такой школы часто выступал как ведущий учитель, завуч, библиотекарь, пионервожатый. Он также обеспечивал материально-техническую базу школы и ее оснащение, был истопником, электриком и так далее.

Выпускники малокомплектных школ в силу частой смены учителей, низкой оснащенности учебного процесса оборудованием и учебными пособиями имели слабую общеобразовательную подготовку. На низком уровне велось препода-

вание родного языка. В связи с возможностями выбора языка обучения появились (нередко по требованию родителей) национальные школы с обучением на русском языке и преподаванием родного языка как учебного предмета.

Результатом приближения обучения к жизни в ряде школ явилось усиление профессионализации в ущерб качеству общеобразовательной и политехнической подготовки учащихся. Трудовое обучение стало отождествляться с профессиональным. Между тем очень мало выпускников средних школ шли работать по полученной в школе специальности, что приводило к неоправданным затратам. Например, в 1963 г. в Горно-Алтайской автономной области окончили среднюю школу 296 юношей и девушек. Из них только 18 человек, или 6% окончивших, поступили работать на производство по приобретенной в школе специальности, 79 человек поступили на работу, далекую от полученной специальности, 173 человека, или 58%, продолжили обучение в вузах или средних специальных учебных заведениях⁵⁷.

Наряду с общеобразовательными школами в рассматриваемые годы на селе национальных автономий Сибири молодежь получала среднее образование в вечерних и заочных школах сельской молодежи (ШСМ). Например, в 1965/66 уч. г. в них обучалось: в Бурятии — 9,3 тыс. человек, в Туве — 1,3 тыс., в Якутии — 2,2 тыс. человек. В 1980/81 уч. г. соответственно 8,1 тыс., 1,7 тыс. и 6,0 тыс. человек⁵⁸. Среди сельской молодежи возросла популярность профессионально-технических училищ, дававших одновременно с профессиональной возможностью получать среднее образование.

Все это, даже с учетом оставшихся трудностей и нерешенных проблем народного образования, позволило в значительной степени поднять образовательный уровень сельского населения национальных автономий Сибири. Так, согласно данным Всесоюзной переписи населения в 1970 г. количество лиц, имевших высшее и среднее (полное и неполное) образование, на 1000 человек сельского (занятого) населения составляло: в Горно-Алтайской автономной области — 479, в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе — 466, в Хакаской автономной области — 428, в Тувинской АССР — 439 человек против 306, 322, 318, 214 человек соответственно в 1959 г.⁵⁹ Изменился образовательный уровень коренного населения Сибири. Только в течение 70-х гг. доля лиц, имевших высшее и среднее (полное и неполное) образование, в составе занятого сельского населения воз-

росла у алтайцев, тувинцев и хакасов в 1,6 раза, у бурят и якутов соответственно в 1,4 и 1,5 раза⁶⁰.

Повышение образовательного уровня сельского населения национальных автономий Сибири в значительной степени расширило, с одной стороны, его потребности, с другой — возможности в приобщении к духовной культуре.

Развитие культуры народов национальных автономий в 60—80-е гг. характеризовалось значительным продвижением вперед как по содержанию, формам проявления, так и в плане укрепления материально-технической базы учреждений культуры. В ее содержании в полной мере проявились элементы взаимообогащения и сближения с культурой всего советского народа. Экономическую базу развития и сближения национальных культур составлял прежде всего единый народнохозяйственный комплекс, экономическая интеграция. Социально-политическими предпосылками сближения национальных культур служили единая государственность, союз всех классов и всех поколений СССР. Процессу взаимообогащения и сближения национальных культур способствовали проводимые фестивали, месячники культуры, отчеты и т. д., обмен культурными ценностями.

Все это, безусловно, приносило положительные результаты. Такая оценка присутствует практически во всех «Очерках...», обобщающих трудах, написанных на материалах той или другой автономии⁶¹. Однако эта оценка, на наш взгляд, неполна и недостаточна. Она, по известным причинам, носит однобокий характер, невольно сглаживая, затеняя происходящую нивелировку, в результате чего нередко терялся национальный колорит того или другого народа.

Не подлежит сомнению огромная заслуга советского государства по восстановлению исторической справедливости по отношению к культурам и языкам малочисленных народов: была создана письменность для 50 ранее бесписьменных языков. Много было сделано и для старописьменных языков, социальные функции которых значительно расширились, что создавало предпосылки для развития и совершенствования лексики, терминологии, функциональных стилей этих языков.

Однако мощный размах в языковом строительстве и развитии, начатый в конце 20-х—30-е гг., постепенно спал. Особенно трудным для языков народов национальных автономий Сибири стал период застоя (70—80-е гг.). Демагогические утверждения о полной разрешенности национального вопроса в нашей стране, о бесконфликтности межнациональ-

ных отношений, трактовка интернационализма в основном как приобщения к языку межнационального общения, нивелировка национальных культур привели к тому, что стали накапливаться негативные явления в языковой жизни страны, росло недовольство людей, говорящих на разных языках, сложившимся положением. Оказалось, что уровень функционального развития ряда языков не соответствует уровню национально-языкового сознания народа⁶². Все это привело к той напряженной и взрывоопасной обстановке в сфере национально-языковых отношений, которая наблюдается в настоящее время.

Конкретным подтверждением неоднозначного отношения партийно-советских органов к вопросам развития культуры коренных народов национальных автономий Сибири может быть ситуация по отношению к их языку. Во всех автономиях официально проводились научные конференции по вопросам языка, литературы, культуры, истории и т. д. В их работе принимали участие ведущие ученые страны, практические работники школ, средних и высших учебных заведений. На конференциях принимались интересные предложения, делались научные выводы и рекомендации. Например, в Горно-Алтайской автономной области начиная с 30-х гг. и по 1990 г. было проведено восемь областных научно-практических конференций по языку и культуре алтайцев. Однако из восьми конференций только по материалам одной (1951 г.) было принято постановление областных органов власти⁶³, хотя в решениях (материалах) всех конференций имелись конкретные предложения и рекомендации по вопросам языка, литературы, культуры, претворение в жизнь которых имело бы положительное влияние на работу школ, клубов, печати, даже на проведение политико-воспитательных мероприятий и тем самым на дальнейшее сближение народов, укрепление их дружбы, развитие взаимопонимания.

Наряду с перестройкой школьного образования, развитием языка, литературы коренного населения, в национальных автономиях Сибири в рассматриваемые годы шло заметное приобщение селян к культуре. Имело место оживление национальных традиций, сближение уровней в приобщении к культуре сельских и городских жителей.

Наиболее распространенными учреждениями, удовлетворявшими культурные запросы сельского населения, являлись сельские клубы (табл. 16)⁶⁴.

Клубы, как учреждения, удовлетворявшие культурные запросы населения национальных автономий, согласно дан-

Число клубных учреждений по автономным республикам, областям и округам (на начало года)

Автономии	Год					
	1961	1971	1981	1985	1986	
					Все-го	В том числе в сельской местности
Бурятская АССР	600	613	721	742	757	653
Тувинская АССР	156	188	209	195	196	167
Якутская АССР	647	669	714	748	762	585
Горно-Алтайская а. о.	200	241	254	258	258	247
Хакасская а. о.	273	314	282	279	278	244
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	195	209	172	181	182	178
Агинский Бурятский авт. о	54	52	63	63	63	61

ным за 1986 г. (такие же пропорции имели место на протяжении всех лет), были учреждениями преимущественно сельскими. Их количество постоянно росло во всех автономиях за исключением Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Кроме того, в Агинском Бурятском автономном округе, Хакасской автономной области имели место небольшие перепады количества клубных учреждений по годам, что прежде всего было вызвано перестройками сельскохозяйственного производства, укрупнением, разукрупнением колхозов и совхозов, сселением жителей из «неперспективных» сел и деревень на центральные усадьбы вновь создаваемых совхозов. В целом же динамика роста клубных учреждений позволяет сделать вывод, что клубы на селе автономных образований Сибири были устойчивой формой удовлетворения культурных потребностей селян. Они как бы аккумулировали всю культурно-просветительную, а часто и идейно-воспитательную работу на селе. Многие сельские клубы на протяжении всех рассматриваемых лет являлись такими центрами, имели добрые традиции и большой опыт работы. Так, Шаратский сельский клуб Нукутского района Усть-Ордынского Бурятского автономного округа еще в 1959 г. по уровню культурно-просветительной работы и охвату ею жителей села завоевал звание «Лучший клуб

РСФСР»⁶⁵. Сельскими клубами был накоплен опыт организации месячных, годовых, двухгодичных походов за культуру, организации художественной самодеятельности.

В начале рассматриваемого периода (1960—1965 гг.) большое распространение имели Всероссийские смотры сельской художественной самодеятельности. Они являлись большим стимулом развития творчества сельских жителей. Так, в Тувинской АССР только в 1962 г. в смотре сельской художественной самодеятельности участвовало свыше 4 тыс. колхозников, рабочих совхозов и сельской интеллигенции. В этой республике смотры значительно обогатили репертуар, было создано 56 новых самодеятельных коллективов. В сельских клубах активно занимались люди разных возрастов и профессий. Например, в активе сельского клуба колхоза «Большевик» Дзун-Хемчикского района Тувы была не только колхозная молодежь, но и люди среднего и старшего возрастов.

В самой структуре клубных учреждений национальных автономий произошли качественные изменения. Так, в годы семилетки повсеместно исчезли избы-читальни, как изжившие себя формы работы. В северных районах Якутской АССР в 1969 г. были упразднены «красные чумы», как утратившие значение с развитием стационарной сети медицинских и культурных учреждений. Для обслуживания производственных участков и оленеводческих бригад на их базе было создано 18 агитационно-художественных бригад⁶⁶.

Одной из форм активизации клубов, агитационно-художественных бригад, сельских Домов культуры были повсеместно проводимые общественные смотры учреждений культуры. Как правило, смотры художественной самодеятельности, работы сельских клубов, Домов культуры приурочивались к знаменательным датам. Активно, например, включились все работники культуры национальных автономий в подготовку встречи 50-летия Октябрьской революции, 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 50-летия образования СССР. Смотри показали повышение активности сельских учреждений культуры, художественного уровня сельской самодеятельности, улучшение материальной базы клубов, домов культуры, повышение влияния учреждений культуры на трудовую активность жителей села⁶⁷.

Разнообразными были формы работы учреждений культуры. Так, в Тес-Хемском районе Тувы только в 1966 г. в ходе подготовки к юбилею Советской власти было показано 127 концертов. В клубах, на фермах и в бригадах прочитано

156 лекций, проведено 20 тематических вечеров, во всех селах района были организованы праздники зимы и весны. Хорошо были подготовлены и проведены в районном Доме культуры вечер поэзии и вечер призывника⁶⁸.

В пяти районах Тувы были подготовлены и проведены дни литературы и искусства. Смотры художественной самодеятельности охватили почти все села Тувинской АССР. Повсеместными были выставки художников, отчеты композиторов. Только в первом туре смотра художественной самодеятельности, посвященной юбилею, приняло участие 567 коллективов художественной самодеятельности с охватом 14 тысяч человек. Шло укрепление материально-технической базы учреждений культуры⁶⁹. За годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.) в республике было введено в эксплуатацию 14 новых зданий клубных учреждений на 4160 мест. В центральных усадьбах всех колхозов и совхозов работали Дома культуры. Если в 1970 г. в селах республики их было 37, то в 1975 г. — 73. Кызыльское училище искусств готовило работников для сельских клубов⁷⁰.

Наряду с клубными учреждениями заметно активизировалась деятельность сельских библиотек, которые с клубами были связаны не только общим планом работы, крышей (библиотеки, как правило, размещались в помещении клуба), но и самим духом работы.

В Горно-Алтайской автономной области лучшими среди других были сельские библиотеки Усть-Канского и Шебалинского районов. Особенно активно трудились библиотеки сел Каспа, Улус-Черга, Дьектиек, Огневка, Талда, Теректа. Для этих библиотек характерным было стремление совершенствовать библиотечное обслуживание сельского населения, дифференцировать пропаганду литературы, устанавливать тесную связь с производственными коллективами. Они увеличивали книговыдачу, для чего первыми в своих районах стали использовать межбиблиотечный книгообмен⁷¹.

Активно работали среди тружеников колхозов и совхозов библиотеки Усть-Ордынского автономного округа, в фондах которых насчитывалось более миллиона томов книг. Библиотеки обслуживали 47,6% активного населения округа. Лучших результатов в труде добивались библиотеки Баяндаевская, Тараскинская Боханского; Зонская, Егоровская, Табарсукская Аларского; Куйтинская, Первомайская Нукутского районов. Эти библиотеки добились привлечения каждой семьи к активному чтению книг⁷².

В ряде районов Бурятской АССР была проведена централизация библиотечного дела. Например, в Хоринском районе она позволила увеличить число читателей с 10 до 15 тыс. человек, или на 43%. Книговыдача в районе на одного читателя за год выросла с 19 до 30 единиц. По итогам Всесоюзного социалистического соревнования за лучшую постановку библиотечного обслуживания в девятой пятилетке (1971—1975 гг.) Бурятская АССР в целом дважды награждалась переходящим Красным знаменем Совета Министров РСФСР и ВЦСПС⁷³.

Начиная с 1965 г. в национальных районах Сибири наряду с сельскими клубами получил прописку новый тип клубного учреждения — сельский Дом культуры (СДК), который показал себя как перспективное клубное учреждение на селе. СДК, как правило, создавались в крупных населенных пунктах. В ряде мест были построены сельские Дома культуры с крупными стационарными кинозалами, с большими возможностями для ведения кружковой и секционной работы. С помощью хозяйств СДК в своем большинстве были хорошо обеспечены музыкальными инструментами, оборудованием для настольных и спортивных игр и занятий.

Укрепление материальной базы клубных учреждений, особенно с началом строительства СДК, в значительной степени способствовало расширению числа кружков, объединений, численного состава художественной самодеятельности (табл. 17)⁷⁴.

Анализ данных табл. 17 показал, что число кружков, коллективов и объединений в клубных учреждениях Бурятской АССР в 1985 г. на 52,2% больше, чем в 1980 г. Кружки художественной самодеятельности составляли в 1985 г. 74,1% от их общего состава. При этом их количество по сравнению с 1980 г. увеличилось на 47%. По сравнению с 1980 г. число участников художественной самодеятельности в целом по Бурятской АССР возросло в 1985 г. на 68,5%, в сельской местности — на 63,5%.

Сопоставление клубного дела в Бурятской АССР с аналогичными показателями в Восточной Сибири и РСФСР в целом выявило следующие данные. В 1985 г. среднее число кружков художественной самодеятельности на одно клубное учреждение по РСФСР равнялось 4,5%; по Восточно-Сибирскому экономическому району — 4,1%; по Бурятской АССР — 4,9%. Число участников художественной самодея-

Динамика кружковой работы в клубных учреждениях Бурятской АССР

Показатели	Год					
	1980	1981	1982	1983	1984	1985
Число кружков, коллективов и объединений в клубн. учрежд. Бурятии:	2522	2825	3128	3228	3608	3838
в том числе число кружков худ. деятельности	1935	2143	2286	2429	2775	2844
Число участников худ. самодеятельности в клуб. учрежд. всего (тыс. чел.),	28,6	33,7	34,3	36,2	46,6	48,2
в том числе в сельской местности	25,2	28,5	29,1	31,2	39,1	41,2

тельности на 1000 жителей села соответственно составляло 76, 79, 107 человек ⁷⁵.

Наряду с эстетическим, физическим развитием сельских жителей, на клубы, СДК партийными органами возлагалось политическое воспитание колхозников и рабочих совхозов. С этой целью практически во всех клубах, СДК национальных автономий были созданы Ленинские залы, комнаты или уголки, в клубных библиотеках создавались стенды, посвященные жизни и деятельности В. И. Ленина.

Особенно активной эта работа стала в канун 100-летия со дня его рождения. В большинстве сельских клубов она была связана со значительным оживлением их деятельности по культурно-бытовому обслуживанию тружеников колхозов и совхозов. Так, сельский клуб колхоза им. Кирова Агинского Бурятского автономного округа в период подготовки к ленинскому юбилею усилил работу по культурно-бытовому, а совместно с другими организациями по медицинскому и торговому обслуживанию животноводов. По утвержденному на партийном бюро колхозной парторганизации графику-маршруту работники клуба вместе с медицинскими работниками обслуживали отдаленные животноводческие стоянки, помогали животноводам организовать социалистическое соревнование, оформить социалистические обязательства, выпус-

тить стенную газету, организовать встречу животноводов соревнующихся стоянок, ферм, гуртов⁴⁶.

Наряду с сельскими клубами, СДК, в национальных районах Сибири получили распространение своеобразные, специфические формы культурно-бытового обслуживания населения, особенно животноводов, проживающих на отдаленных животноводческих стоянках. В Горно-Алтайской автономной области центрами агитационно-массовой и культурно-бытовой работы среди животноводов в зимних условиях становились Дома животноводов. Впервые такой центр возник в Горном Алтае в 1956 г. в национальном Кош-Агачском районе. В урочище Чаган-Баргузы, где в зимнее время содержался скот, находилось большое количество тружеников села, был построен Дом животноводов. При нем имелся кинозал, комната для приезжих, медпункт, баня, магазин. В установленные дни, обычно раз в десять дней, сюда съезжались животноводы. Здесь проводились политзанятия, семинары по основам зоотехнии, обмен опытом. Пастухи и чабаны могли посмотреть кино, послушать лекцию, почитать книгу, свежие газеты и журналы. На Новый год в Доме животноводов для детей устраивалась елка. Опыт работы Чаган-Баргузинского Дома животноводов показал, что была найдена удачная форма культурно-бытового обслуживания людей, занятых в отгонном животноводстве. В 1970 г. в области работало 8 Домов животноводов, в 1980 г. — 9⁷⁷.

В Бурятской АССР наряду с общепринятыми во всех национальных районах формами культурно-массовой работы, значительное развитие получили культбазы и полевые станции, которые в дни весенне-полевых работ, уборочных и расплодных (в животноводстве) кампаний превращались в центры культурно-просветительной и агитационно-массовой работы⁷⁸.

Не менее важное значение в культурном обслуживании работников сельского хозяйства национальных районов Сибири вносили культпросветпередвижки. Их штат обычно состоял из заведующего, массовика, медицинского работника и киномеханика. С конца 60-х гг. в работе культпросветпередвижек стали широко применяться технические средства: магнитофоны, фотоаппараты, киносъемочная аппаратура. Это позволяло организовывать световые газеты, фотовитрины, записывать на магнитофонную пленку обязательства животноводов, рассказы об опыте их работы. Культпросветпередвижки принимали активное участие в подготовке Дней животноводов, полеводов, которые становились, с одной сто-

роны, праздниками для той или иной категории тружеников, а с другой — формой культурно-просветительной деятельности.

Результаты работы трудящихся сел автономных республик, областей, округов Сибири, определенный поворот партийных, советских и хозяйственных органов власти к вопросам быта и культуры села, укрепление материально-технической базы культурно-просветительных учреждений позволили поднять культурно-бытовое обслуживание сельского населения, сделать более привлекательным вид сел и деревень, в известной степени духовно обогатить повседневную жизнь колхозников и рабочих совхозов, в отдельных направлениях приблизить ее к уровню горожан. Например, в годы десятой пятилетки жители сел Бурятской АССР превосходили горожан по посещению кино в 1,7 раза. Колхозники и рабочие совхозов республики в 2,5 раза чаще бывали в клубах, почти вдвое активнее участвовали в художественной самодеятельности, чем жители городов этой республики⁷⁹.

Повышение уровня культурно-просветительной работы, улучшение условий быта и отдыха тружеников сел национальных автономий Сибири непосредственно были связаны с дальнейшим подъемом национальных культур, с созданием и распространением множества самобытных национальных художественных произведений в жанре прозы, поэзии, драматургии, живописи, музыкальных произведений, в том числе новых песен, орагорий, литературно-музыкальных композиций. Значительная часть из них популяризировалась по радио и телевидению, а также путем организации творческих отчетов городских профессиональных коллективов на сельской сцене.

Непосредственно на селе получили развитие новые объединения любителей национального самодеятельного творчества — народные театры, хоровые капеллы, ансамбли песни и пляски, оркестры народных инструментов, студии изобразительного искусства. Так, в Бурятии в 1960 г. было 5 народных театров, хоров, ансамблей, в 1973 г. их стало 34, в 1988 г. — 58. Широкой известностью пользовались Баргханский народный театр, Забайкальский фольклорный семейный хор, народный ансамбль «Ярууна» Баргузинского района⁸⁰. В Туве в 1983 г. насчитывалось 97 любительских объединений и клубов по интересам, 45 народных университетов, 38 агитбригад, 126 драматических и 156 хореографических коллективов, 18 народных театров и ТюЗов, 66 вокально-инструментальных ансамблей⁸¹.

В Хакасии в годы одиннадцатой пятилетки действовало 479 государственных учреждений культуры. В ходе движения «Превратим Сибирь в край высокой культуры» дальнейшее развитие получила национальная культура. Активным пропагандистом национальной музыкальной культуры выступал Хакасский народный ансамбль песни и танца «Жарки». В области насчитывалось 12 самостоятельных фольклорных групп. Традиционными стали слеты хайджи, чатханистов, выставки хакасских народных инструментов. Вышли сборники национальных песен «Хакасия поет» и «Хакасское народное творчество»⁸².

Традицией стало в рассматриваемые годы проведение спартакиад по национальным видам спорта. Народным праздником в Бурятской АССР, Агинском и Усть-Ордынском Бурятских автономных округах стало проведение «Сур-Харбана» — праздника спорта, силы и ловкости. Систематически проводились соревнования по стрельбе из лука с романтическим названием «Стрелы Самбажыка» в Тувинской АССР, на них приглашались лучшие лучники из Хакасии, Бурятии, краев и областей РСФСР, приграничных аймаков Монголии.

Физкультура и спорт играли важную роль в укреплении здоровья населения. Увеличилось количество значкистов ГТО и спортсменов-разрядников. Так, в 70-е гг. в Якутской АССР общее число постоянно занимавшихся спортом увеличилось в 3,5 раза по сравнению с 60-ми гг. и достигло в 1970 г. 200 тыс. Якутия постепенно выдвинулась в число лучших регионов в РСФСР по пропаганде физической культуры и внедрению ее в быт северян⁸³.

Спортсмены Якутии часто выступали на матчевых встречах в Узбекистане, Киргизии, Казахстане, Бурятии, Хакасии и т. д. Якутские борцы, боксеры, стрелки из лука, легкоатлеты успешно выступали на зональных, всероссийских и все-союзных соревнованиях. Особенно больших успехов добивались борцы вольного стиля, а Роман Дмитриев стал первым из спортсменов-якутов олимпийским чемпионом⁸⁴.

Однако, отмечая значительные успехи в повышении культурного уровня жизни села, следует иметь в виду большую его дифференциацию. Существовала значительная разница в развитии культуры и спорта в районных центрах, на центральных усадьбах колхозов и совхозов, с одной стороны, и в средних и особенно малых населенных пунктах, с другой. Кроме того, уровень культурно-бытовых услуг, получаемых сельскими жителями, несмотря на их безусловный рост, про-

**Расходы на культурно-бытовые услуги в среднем на одну семью
в Бурятской АССР в 1971 г. (руб.)**

Виды расходов	Город	Село
Всего	402,1	94,3
В том числе:		
посещение театров, кино и других культур- ных мероприятий	31,1	13,9
посещение парикмахерских, прачечных, бань и т. д.	4,8	0,6
оплата лечения в санаториях, путевок в до- ма отдыха, пионерские лагеря	33,9	6,2
оплата детских садов, яслей, площадок, му- зыкальных школ и т. д.	119,5	8,6
оплата жилищно-коммунальных услуг	88,2	16,5
оплата транспортных и почтово-телеграф- ных услуг	87,4	34,1

должал уступать тем же показателям городского населения (табл. 18)⁸⁵.

Приведенные в табл. 18 данные прежде всего требуют к себе пристального внимания. Более низкие расходы на культурно-бытовые услуги совсем не означают, что они на селе стоили дешевле. Главное состояло в другом. Очень часто в деревне эти услуги просто не предоставлялись.

Выходом из создавшегося положения, с одной стороны, была помощь государства. На решение проблемы повышения культурно-бытового обслуживания села были направлены постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания населения» (ноябрь 1977 г.) и «О мерах по дальнейшему развитию художественного творчества» (март 1978 г.)⁸⁶, которые не только содержали развернутую программу деятельности партийных, советских, хозяйственных органов по развитию культуры на селе, но и решали целый ряд материальных проблем.

С другой стороны, местные органы власти поддерживали начинания колхозов и совхозов, промышленных предприятий, творческих организаций города по повышению уровня культурно-бытового обеспечения колхозников и рабочих совхозов. Например, в Якутской АССР была поддержана ини-

циатива тружеников Орджоникидзевого района по принятию социалистических обязательств по развитию культуры на 1978—1980 гг. Своим девизом орджоникидзевцы сделали слова: «Селу — высокий уровень культурного обслуживания!»⁸⁷

Почин Орджоникидзевого района был поддержан по всей Якутской автономии. Он явился ответом на вышеназванные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. В апреле 1978 г. на V съезде работников культуры Якутии были разработаны комплексные планы культурного развития республики с учетом интересов и особенностей различных групп населения

В ходе претворения в жизнь поставленных задач библиотеки Якутии стали внедрять в жизнь новые формы и методы пропаганды книги. В целях ускорения научно-технического прогресса, обеспечения информационных потребностей специалистов и работников народного хозяйства в большинстве районных библиотек были созданы отделы производственно-технической и сельскохозяйственной литературы. Значительно расширился охват сельских тружеников библиотечным обслуживанием⁸⁸. Почти повсеместно в республике действовали университеты технических и сельскохозяйственных знаний, экономические школы. Помимо чтения цикловых и публичных лекций проводились радио- и телелекции, беседы. Дальнейшее развитие получили периодическая печать и книгоиздание. Почти каждая семья имела личную библиотечку, выписывала газеты и журналы. На каждые 1000 чел. населения республики в начале 1966 г. приходилось в среднем 1253 экземпляра газет и журналов — в 2 раза больше, чем в 1959 г. Якутия занимала седьмое место среди 73 краев, областей и автономных республик РСФСР по уровню распространения периодической печати⁸⁹. Разовый тираж газет только с 1965 по 1968 г. в этой республике возрос со 180 до 304 тыс. экземпляров⁹⁰.

Изучение хода развития культуры села национальных автономий выявило значительное сходство направленной работы республик, областей, округов. Для всех автономий было характерным увеличение количества сельских клубов, библиотек, выписываемых газет и журналов. В то же время формы работы подразделений культуры автономий отличались своей специфичностью и многообразием стилей. Так, в Бурятской АССР в 80-е гг. активно развивалась сеть любительских объединений и клубов по интересам. Их тематика и направленность были самыми разнообразными: общест-

венно-политические — «Ты и закон» (Еравнинский и Северобайкальский р-ны), «Комсомольский активист», «Дзержинец» (Прибайкальский р-н), «Планета», «Подвиг» (Селенгинский р-н), «Клуб молодого воина» (Иволгинский р-н);

художественно-искусствоведческие — «В мире прекрасного» (Бичурский, Кабанский р-ны), «Лира» (Кабанский р-н);

краеведческие — «Ая-ганга» (Заиграевский р-н), «Пою мою республику» (Селенгинский р-н), «Алтаргана» (Селенгинский р-н), «Понто» (Закаменский р-н), «Мунто-саридаг» (Тункинский р-н);

профориентационные — «Ориентир», «Ровесник» (Селенгинский, Закаменский р-ны).

В Прибайкальском, Кижингинском, Кабанском, Бичурском, Закаменском районах были организованы женские объединения «Хозяюшка», «Домашняя наука», «Дом и быт», «Сад и огород», а также детские «Малышок», «Чебурашка», «Сказочник», «Золотой ключик», «Красный галстук»⁹¹.

В Тувинской АССР работа по повышению уровня культуры и улучшению быта жителей села вылилась в массовое соревнование под девизом «За высокую культуру в быту!». Победителями в этом соревновании признавались люди, добившиеся лучших показателей в труде, активно участвовавшие в общественной жизни колхоза или совхоза, постоянно повышавшие свой профессиональный уровень и содержавшие свое рабочее место, свое жилье, приусадебный участок в чистоте и порядке.

В районах республики активизировалась работа женсоветов. С их помощью было организовано чтение циклов лекций на темы быта, нравственно-эстетического воспитания в семье, на многих фермах проведены дни доярок, в ходе которых проверялась чистота жилищ, проводились выставки моделей одежды и изделий кулинарии, устраивались конкурсы⁹².

Все это в целом повышало культурный уровень жизни села, в известной мере внедряло элементы эстетики в быт животноводов и механизаторов, полеводов и оленеводов. И если сравнить обстановку в жилье, потребляемые продукты питания, одежду, само жилище у отдельных категорий работников села, то они у сельской интеллигенции, квалифицированных рабочих (механизаторов) окажутся почти такими же, как у близких категорий горожан.

В то же время имелись и большие различия, которые благодаря радио и телевидению становились очевидными для

жителей села, вызывали у них стремление к бытовому комфорту.

Фактическое отставание уровня бытового и культурного обеспечения населения села преимущественно было связано с рассредоточением поселений, устаревшим в массе своей жилым фондом. В деревне, несмотря на значительный прогресс быта и культуры, о чем речь шла в главе, все еще почти отсутствовали такие объекты культуры, как театры, музеи и т. п., объекты бытового обслуживания, средние школы, больницы, спортивные сооружения часто находились далеко.

Недостаточное развитие материальной базы учреждений культуры и быта села существенно сказывалось прежде всего на населении с более высоким уровнем запросов — квалифицированных работников, молодежи со средним образованием. Противоречия между бытовыми потребностями и возможностями их удовлетворения в рассматриваемые годы в национальных автономиях нарастали, как это не парадоксально, по мере повышения образования сельских жителей, развития их культурного и бытового обслуживания. Они выступали одной из главных причин миграции указанных групп сельского населения в города.

¹ Правда. 1986. 9 марта.

² Майер В. Ф. Уровень жизни населения СССР. М., 1977. С. 213.

³ РГАЭ, ф. 374, оп. 32а, д. 11695, л. 207, оп. 35, д. 7896, л. 122.

⁴ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. С. 242.

⁵ XXIV съезд КПСС: Стеногр. отч. М., 1971. Т. 1. С. 59.

⁶ Справочник партийного работника. М., 1968. Вып. 8. С. 214, 215.

⁷ Якутская АССР в условиях развитого социализма. Якутск, 1982. С. 132.

⁸ Народное хозяйство Бурятской АССР в девятой пятилетке. Улан-Удэ, 1976. С. 154—155; Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977. С. 472; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. М., 1977. С. 212.

⁹ Народное хозяйство Тувинской АССР в одиннадцатой пятилетке: Стат. сб. Кызыл, 1986. С. 215.

¹⁰ См. сноску 4 гл. III.

¹¹ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. С. 413.

¹² Там же.

¹³ Бурятская АССР в цифрах. С. 135; Народное хозяйство Бурятской АССР в девятой пятилетке. С. 171, 172.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Показатели социального развития автономных республик, краев и областей РСФСР. М., 1986. С. 188; 1987. С. 157, 160.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Сосин А. А. Расцвет культуры в Якутии. Якутск, 1972. С. 141, 142.

¹⁸ Аргунов И. А. Социальное развитие якутского народа. Новосибирск, 1985. С. 232, 233.

¹⁹ Хакасской автономной области 50 лет. С. 76; Горно-Алтайской автономной области 60 лет. С. 61; Народное хозяйство Тувинской АССР в одиннадцатой пятилетке. С. 176.

²⁰ Показатели социального развития автономных республик, краев и областей РСФСР. С. 156.

²¹ Там же. С. 157.

²² Народное хозяйство Якутской АССР в десятой пятилетке (1976—1980): Стат сб Якутск, 1981. С. 42.

²³ Знамя Ленина. 1965. 5 янв.

²⁴ ГАЧО, ф 57, оп. 35, д 8, л 75.

²⁵ ЦДНИРА, ф. 1, оп. 17, д. 57, л. 16, 18.

²⁶ Горно-Алтайской автономной области 60 лет. С. 68, 70; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. Стат. ежегодник. М., 1986. С. 302

²⁷ Тувинская правда. 1979 9 авг., Народное хозяйство Тувинской АССР в одиннадцатой пятилетке: Стат сб. Кызыл, 1986. С. 149.

²⁸ Народное хозяйство Тувинской АССР: Стат. сб. Кызыл, 1971. С. 232, Народное хозяйство Тувинской АССР в одиннадцатой пятилетке: Стат сб. Кызыл, 1986. С. 152.

²⁹ ЦДНИИО, ф 447, оп. 18, д. 16, л. 2.

³⁰ ЦДНИГА, ф. 1, оп. 25, д. 7, л. 75.

³¹ Саганов В. Б. Забота о благе — высшая цель партии//Под знаменем Октября 1917—1977. Улан-Удэ, 1977. С. 94.

³² ЦГАРХ, ф. 2, оп. 1, д. 3263, л. 11.

³³ Там же, оп. 7, д. 160, л. 100; оп. 8, д. 30, л. 38

³⁴ Там же, оп. 9, д. 57, л. 93

³⁵ Там же, оп. 7, д. 160, л. 100.

³⁶ Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. Красноярск, 1987. С. 322

³⁷ Там же. С. 323.

³⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. С. 302, 303.

³⁹ Показатели социального развития автономных республик, краев и областей РСФСР М., 1986. С. 112, 114, 116, 118.

⁴⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. Стат. ежегодник. М., 1988. С. 389—392, Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке С. 118, Народное хозяйство Тувинской АССР в десятой пятилетке С. 158, Народное хозяйство Якутской АССР в одиннадцатой пятилетке С. 94.

⁴¹ ЦГАРХ, ф. 2, оп. 10, д. 20, л. 28.

⁴² Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. С. 418.

⁴³ Там же. С. 419.

⁴⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. V. Статистика М., 1973. С. 87, 88, 95, 114.

⁴⁵ Горно-Алтайской автономной области 60 лет. С. 72.

⁴⁶ Народное хозяйство Якутской АССР за 60 лет. С. 67

⁴⁷ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. 1917—1973; Сб. док. М., 1974. С. 528—530.

⁴⁸ История Тувы. М., 1964. Т. 2. С. 379

⁴⁹ Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке (1981—1985 гг.). С. 165

⁵⁰ Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. Красноярск, 1987. С. 278.

⁵¹ НАРС (Якутия), ф 70, оп. 73, д. 12, л. 114.

⁵² Там же.

⁵³ КПСС в резолюциях. М., 1972. Т. 9. С. 141.

⁵⁴ Там же. М., 1978. Т. 11. С. 94—102.

⁵⁵ Очерки истории Читинской областной организации КПСС. Иркутск, 1986. С. 267.

⁵⁶ Якутская АССР в условиях развитого социализма. Якутск, 1982. С. 137.

⁵⁷ Очерки по истории Горно-Алтайской авт. области. Горно-Алтайск, 1973. С. 506.

⁵⁸ Народное хозяйство Бурятской АССР в десятой пятилетке (1976—1980 гг.). С. 155; Народное хозяйство Тувинской АССР в десятой пятилетке. С. 191; Народное хозяйство Якутской АССР в одиннадцатой пятилетке. С. 121.

⁵⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. V. Статистика. М., 1973. С. 87, 88, 95, 114.

⁶⁰ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири... С. 429.

⁶¹ Очерки истории Горно-Алтайской автономной области. Горно-Алтайск, 1973; Очерки истории Тувинской организации КПСС. Кызыл, 1975; Очерки истории Бурятской АССР периода развитого социализма. Новосибирск, 1983; Якутская АССР в условиях развитого социализма. Якутск, 1982 и др.

⁶² Солнцев В. М. Языковой вопрос в многонациональных странах и языковая ситуация в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 5—20.

⁶³ Копытов Н. Ф. Научно-практические конференции по алтайскому языку и литературе. (Из истории развития науки Республики Алтай. 1935—1990 гг.) // Язык и культура алтайцев. Горно-Алтайск, 1993. С. 112—124.

⁶⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. ежегодник. М., 1986. С. 341, 342, 343.

⁶⁵ Заседание Верховного Совета Тувинской АССР первого созыва, восьмая сессия Кызыл, 1966. С. 7, 8.

⁶⁶ Якутская АССР в условиях развитого социализма. С. 146.

⁶⁷ ЦГАРТ, ф. 2, оп. 10, д. 46, л. 6.

⁶⁸ ЦГАРТ, ф. 2-1, оп. 8, д. 58, л. 33.

⁶⁹ ЦГАРТ, ф. 2, оп. 10, д. 31, л. 91, 92.

⁷⁰ Тувинская правда. 1976. 30 янв.

⁷¹ Звезда Алтая 1971. 13 февр.

⁷² ЦДНИИО, ф. 447, оп. 19, д. 13, л. 138.

⁷³ Правда Бурятии. 1978. 26 янв.

⁷⁴ Текущий архив Министерства культуры РСФСР. Аналитическая справка о работе учреждений искусства и культуры Бурятской АССР за 1980—1985 гг. М., 1986. С. 8.

⁷⁵ Там же. С. 7.

⁷⁶ ГАЧО, ф. 57, оп. 33, д. 13, л. 76, 77; Агинская правда. 1978. 3 янв.

⁷⁷ Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области. Горно-Алтайск, 1973. С. 521.

⁷⁸ Правда Бурятии. 1976. 13 февр.; 1977. 12 окт.

⁷⁹ Правда Бурятии. 1978. 26 янв.

⁸⁰ Правда Бурятии. 1988. 27 авг.

⁸¹ Очерки социального развития Тувинской АССР. Новосибирск, 1983. С. 189.

⁸² Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. С. 318.

⁸³ Якутия спортивная. Сб. материалов. Якутск, 1971. С. 39.

⁸⁴ Якутская АССР в условиях развитого социализма... С. 154.

⁸⁵ См. сноску 4 гл. III.

⁸⁶ КПСС в резолюциях... М., 1977. Т. 12. С. 507; 1981. Т. 13. С. 62.

⁸⁷ Социалистическая Якутия. 1978. 11 сент.

⁸⁸ Социалистическая Якутия. 1978. 13 сент.

⁸⁹ Якутская АССР в усл. развитого социализма. С. 145.

⁹⁰ Народное хозяйство Якутской АССР в десятой пятилетке (1976—1980 гг.). С. 110.

⁹¹ Клубы по интересам, любительские объединения тружеников сельскохозяйственного производства: Методические рекомендации для государственных и массовых библиотек. Улан-Удэ, 1986. С. 9, 10.

⁹² ГАЧО, ф. 57, оп. 37, д. 6, л. 2, 3; оп. 39, д. 5, л. 109, 110; д. 6, л. 184.

Заключение

В 60—80-е гг. социально-экономическое развитие села национальных образований Сибири, как и всего Сибирского региона, было сложным и противоречивым. Сельскохозяйственное производство национальных автономий, как и уровень жизни селян, безусловно сделало определенный шаг вперед. Выросло производство сельскохозяйственной продукции. Укрепилась материально-техническая база колхозов и совхозов. Лучшие из них в силу тех или других обстоятельств добивались устойчивых производственных показателей, опытом своего долголетнего существования и результатами труда подтвердили правомочность существования коллективных форм организации производства, особенно в сибирских условиях — с ее громадными пространствами, необустроенностью, относительно низкой плотностью населения, географическими и климатическими особенностями.

Вместе с тем в рассматриваемые годы здесь получили прописку и стали существенно влиять на результаты сельскохозяйственного производства свино- и птицекомплексы и фабрики. Набрали силу, окрепли и превратились в заметный фактор экономики села личные подсобные хозяйства (ЛПХ). Несколько повысился материальный и культурный уровень жизни села. В то же время на пути высокоэффективного развития сельского хозяйства стояли многочисленные препятствия.

Все сильнее и сильнее сказывалась обезличка и отчуждение тружеников села от колхозно-совхозной собственности. Существовавшая оплата за труд не стимулировала колхозников и рабочих совхозов к повышению производительности труда, умножению прибыли, сохранности средств производства. Из года в год национальные автономии от бескормицы,

стихийных бедствий, халатности и незаинтересованности, безответственности и слабой организации труда, из-за структурно-организационных неурядиц и многочисленных, плохо продуманных перестроек теряли десятки и сотни тысяч голов скота, оставляли под снегом тысячи гектаров необработанных посевов и посадок. Бесхозяйственность приводила к значительному сокращению амортизационного срока службы техники. Плановые поставки техники в колхозы и совхозы не всегда учитывали запросы хозяйств и нередко приводили к снижению эффективности ее использования.

Малоэффективная эксплуатация техники во многом зависела от излишней централизации и ограничения прав колхозов и совхозов на использование имевшихся у них средств. Выполняя указания сверху и полностью завися от поставщиков и строителей, хозяйства вынуждены были вкладывать средства в дорогостоящие, долгое время не окупавшие себя животноводческие комплексы, хотя во многих хозяйствах не было капитальных гаражей, мастерских, даже простых навесов для хранения техники. Сельскохозяйственный инвентарь зиму и лето находился под открытым небом. Самоходные комбайны, молотилки, тракторные сеялки зимовали под снегом. Естественно, срок службы инвентаря сокращался в 3—4 раза. Резко снижались производительность и качество работы таким образом перезимовавшей техники. Например, дисковую сеялку правильно наладить, по мнению специалистов, так же сложно, как настроить скрипку. Дождь, снег, жара, мороз делали свое дело. Дерево коробилось и гнило, высевающие аппараты ржавели. Все это приводило к высокочрезвычайно затратной экономике.

Другой из важнейших причин создавшегося положения в сельскохозяйственном производстве являлось несовпадение интересов государства, трудовых коллективов и отдельных работников. В течение многих лет коллективные и личные интересы отодвигались на второй план во имя достижения государственных целей. Инициатива и предприимчивость хозяйств и отдельных работников, поддерживаемые теоретически, на практике не поощрялись. Чтобы как-то компенсировать эти недостатки в хозяйственном механизме, широко применялись директивно-распорядительные методы и задания, а также моральные стимулы. Однако в силу ряда причин в рассматриваемые годы моральные стимулы работали слабо, директивные же методы все чаще давали сбой. Все это приводило к недостаточной заинтересованности в результатах своего труда рядовых работников и руководителей сельско-

хозяйственных предприятий. Подтверждением этому может служить высокая текучесть специалистов, слабая приживаемость на селе молодежи. Кроме того, о правомочности такого вывода говорят результаты социологического исследования группы академика Т. И. Заславской, проводившей опрос руководящих работников сельского хозяйства ряда краев, областей и районов Сибири, в том числе национальных. На вопрос «Достаточно ли заинтересованность работников в том, чтобы предприятия производили больше продукции, лучшего качества и с минимальными затратами?» — утвердительно ответили лишь 4% опрошенных; сообщили, что заинтересованность недостаточная, 75% и что ее практически нет — 21%. В основном такая же структура оценок получена при экспертном опросе руководителей среднего звена (21, 68 и 11%)¹.

Имели место падение стремления занять более высокое служебное положение и, наоборот, проявление желания работать на рядовой должности. Так, среди руководителей хозяйств высказали желание работать на более высоких должностях 9%, на должности рабочего или рядовых специалистов — 31%, на своем месте 60% опрошенных; среди главных специалистов соответственно — 20, 10 и 70%; руководителей среднего звена — 13, 72, 15%; рядовых специалистов соответственно — 10, 15, 75%; рабочих и колхозников 4, 0, 96%².

Все это свидетельствовало о недостаточной заинтересованности в труде как руководителей колхозов и совхозов, специалистов различных уровней, так и рядовых тружеников. Вместе с тем приведенные цифры говорят и о том, что речь здесь идет не о каких-то частных особенностях отдельных категорий работников, а об явлениях, носивших общий характер, требовавших перемен как в экономической, так и социально-политической структуре нашего сельского хозяйства.

Следует отметить, что партия и Советское правительство осознавали эту необходимость. Весь рассматриваемый период сельскохозяйственное производство то в целом, то по частям, то в структурном, то в техническом плане (специализация, мелиорация и т. п.) находилось в состоянии перестройки.

Однако суть ее не задевала основополагающих принципов социалистического хозяйства. Как в начале, так и в конце рассматриваемого периода оставались неприкосновенными формы собственности. Правда, их пропорциональное соотношение менялось. Большинство колхозов было преобразовано в совхозы. Возникли государственные птице- и свино-

комплексы. В какой-то степени легализовались и окрепли ЛПХ. До потери здравого смысла укрепились принцип демократического централизма и руководящая роль партии (КПСС). Она численно непомерно выросла. Партийные организации были образованы практически во всех колхозах и совхозах национальных автономий Сибири. Однако увеличение числа членов КПСС в пропорциональном отношении более быстрыми темпами шло за счет управленческого аппарата, что являлось существенным фактором усиления административно-командной системы. Вместе с тем шла формализация работы партийных организаций и органов. Повсеместно внедрялся единый, бумажно-телефонный стиль руководства селом. Постепенно на партийные методы и формы работы (заседания, совещания, оргвыводы, собрания, активы и т. д.) переходили советские, хозяйственные и общественные организации.

Во всех властных структурах складывалась своя система работы с кадрами. В ней отчетливо прослеживались значительные недостатки. Руководителя не учили чувству хозяина, чувству бережного отношения к делу. Часто из воспитательной программы выпадали проблемы экологии, вопросы личности, необходимости борьбы за ее права. В то же время деятельность по воспитанию специалистов сельскохозяйственного производства, сельских руководителей различных рангов, благодаря прежде всего выработанной системности и комплексности, имела некоторые положительные результаты. С пользой работали созданные во многих районах национальных автономий университеты (на общественных началах) и школы сельскохозяйственных знаний.

К важнейшим задачам, решаемым хозяйственными, советскими, партийными организациями национальных автономий Сибири в рассматриваемые годы, относилась подготовка кадров массовых профессий для села. Приведенные в исследовании данные подтверждают значительные усилия в этом направлении. Однако проделанного было явно недостаточно. Развитие профтехшколы отставало от роста требований жизни. Большинство школ, ПТУ, СПТУ имели слабую материальную базу. Оклады учителей отставали от роста заработка специалистов других профессий, что не могло не сказаться на составе учительского корпуса. Качество работы школы, СПТУ находилось на низком уровне. Выпускники сельских школ не могли на равных конкурировать со своими городскими сверстниками при поступлении в вуз. Упало качество работы работников массовых профессий и престиж

этой работы. Особенно в трудных условиях приходилось работать сельской начальной школе, обучавшей учащихся национальных автономий на языке коренных жителей. Повсеместно не хватало оригинальных и переводных учебников и опытных учителей. Материальная база таких школ находилась на низком уровне. Слабо решались проблемы изучения языков коренного населения автономий. В силу отмеченных причин, а также отсутствия речевой среды в восьмилетних и средних школах, молодых семьях, в национальных автономиях, особенно среди молодого поколения, уменьшилось число лиц, хорошо владеющих родным языком. В результате в автономиях наметилась тенденция к сужению функций языка коренного населения, заметно стала снижаться его социальная престижность³. Все это требовало более решительной перестройки всей системы народного образования, нового подхода к использованию школьных кадров, уделению большего внимания вопросам изучения языка коренных жителей автономий, углубления изучения культуры коренных этносов национальных образований Сибири.

Жизнь, кроме того, требовала компетентности в руководстве сельскохозяйственным производством, решении социальных проблем и вопросов культуры. Необходимо было переходить на новый уровень понимания отношений заинтересованности, с одной стороны, и ответственности за получаемые сельским хозяйством от государства капиталовложения, дотации, помощь и т. д., с другой. На практике же было нормой стремление местных партийных, советских, хозяйственных органов, руководства колхозов и совхозов получить как можно больше кредитов в надежде на дальнейшее их списание. Сопоставление, например, затраченных на мелиорацию земель средств и полученных от этого результатов показывает в буквальном смысле слова, какие несметные суммы зарывались в землю. И в то же время огромные площади пашен и естественных сенокосов со ссылкой на неудобицы, эрозию почв и т. д. выводились из оборота. Излишнее увлечение мелиорацией, не приводя к сколько-нибудь существенному увеличению запасов кормов и получения зерна, негативно сказалось на совершенствовании так называемого сухого земледелия и внедрении интенсивных технологий.

Стало нормой для всех, начиная с хозяйственных руководителей и заканчивая партийными органами, все негативные явления в хозяйственной деятельности валить на погоду. Персональную ответственность, тем более материальную, за впустую израсходованные государственные деньги, как

правило, никто не нес. Руководством партии и государства, в стремлении сохранить за собой власть, было «забыто» и отброшено как несущественное положение К. Маркса о том, что во всех случаях решающую роль в характере использования земли играют общественные условия, социально-экономический строй общества, определяющий земельные отношения. «Плодородие, — писал К. Маркс, — вовсе не в такой степени является естественным качеством почвы, как это может показаться, оно тесно связано с современными общественными отношениями»⁴.

Как видим, даже по Марксу, результаты сельскохозяйственного производства национальных автономий Сибири говорят прежде всего о несовершенстве существовавшей в рассматриваемые годы системы руководства сельским хозяйством. Подтверждением этому является также опыт лучших хозяйств автономий. Самостоятельность, помноженная на ответственность, были гарантией высоких производственных показателей лучших колхозов и совхозов, руководители которых сумели ее добиться. И напротив, командный стиль, инструкции и указания сверху по всем вопросам, в том числе по выполнению даже технологических процессов, в конечном итоге неизбежно приводили к низким производственным результатам.

Особым аспектом в исследовании, как и в жизни населения национальных автономий Сибири, выделяются бытовая и культурная стороны их развития. Приступая к изложению этого вопроса, автор учитывал специфические особенности сибирских автономий, где поселения были разбросаны, жилой фонд в массе своей устаревшим. В деревне было недостаточно, а часто вовсе отсутствовали современные жилищно-коммунальные удобства, не в каждом селе имелись объекты бытового обслуживания, средние школы, больницы, спортивные сооружения.

Архитектурная служба как в начале, так и в конце рассматриваемого периода была недостаточно подготовленной к проектированию сельских жилищ, учитывающих условия деревни. Чаще всего на селе распространялось строительство точно скопированных с городских образцов домов, с малым размером кухни, отсутствием подсобных и складских помещений и т. д. Часто в стремлении достичь экономии и в то же время как можно более широкой обеспеченности селян многие руководители хозяйств застраивали перспективные населенные пункты небольшими домами без элементарных

удобств. Но кажущаяся выгода оборачивалась моральными и в конечном счете и экономическими убытками.

В национальных автономиях не получила широкого развития практика строительства экспериментальных домов и целых поселков с целью апробации их приспособленности для конкретных условий Тувы и Якутии, Бурятии и Горного Алтая.

Значительные меры, принятые государством, колхозами и совхозами, по налаживанию бытового обслуживания на селе, полностью своих задач не выполнили, хотя уровень удовлетворения запросов селян за 25 лет заметно вырос. Только за годы восьмой и девятой пятилеток в Бурятии Министерством бытового обслуживания этой республики на развитие производственной базы было направлено более 11 млн руб. капитальных вложений. За этот период в республике построено свыше 40 новых предприятий, в том числе 26 комбинатов быта в сельской местности, 3 предприятия химчистки и крашения одежды, открыто 84 комплексных приемных пункта. В 1977 г. в Бурятии насчитывалось более 650 предприятий, мастерских, ателье, 165 стационарных приемных пунктов, которые оказывали населению свыше 500 видов услуг⁵. Расширился круг предоставляемых услуг и в других национальных районах. В Туве за девятую и десятую пятилетки оказываемых услуг стало на 78 видов больше, и в начале 80-х гг. их насчитывалось 350⁶. Однако как в 60-е, так и в 80-е гг. село национальных автономий по этому показателю значительно уступало городу. Особенно нетерпимым было положение в малых, удаленных от центральных усадеб селах. Даже то, что в некоторых из них были достигнуты показатели центральных районов России в потреблении продуктов питания, одежды, обуви, количества жилплощади, приходящейся на одного члена семьи, еще не означало реального выравнивания материальных и культурно-бытовых условий жизни. Проживание в Сибири постоянно требовало дополнительных денежных затрат — здесь были выше потребности в калорийном питании, теплых вещах, жилье.

Имевшиеся недостатки и годами не решаемые проблемы приводили к пассивности, неверию в поставленные партией задачи не только рядовых тружеников колхозов и совхозов, но и значительной части членов партии, прямо влияли на состояние сельскохозяйственного производства, приводили к застойным явлениям в экономике, вселяли сомнение в умы значительной части населения. В результате к 1985 г. социальная сфера жизни села в значительной степени характери-

зовалась такими негативными чертами, как массовый отток в города молодежи, уравнительное распределение оплаты труда и на этой основе расширение элементов тунеядства. В глубоком кризисе находились здравоохранение и народное образование, быт и культура. Возник феномен «несунов», массовый алкоголизм, и на этой основе стало прослеживаться сокращение продолжительности жизни селян⁷.

Отмеченные негативные черты с особой остротой проявились в национальных автономиях Сибири. Условия жизни сельского населения этих районов уступали по всем показателям не только городу, но и селам Украины, Молдавии, Грузии, Казахстана, многим сельским районам Российской Федерации. Они отставали от страны в целом по средним стандартам потребления жилья, платных услуг, использования общественных фондов, по уровню развития всех отраслей сферы обслуживания.

Создавшееся положение явилось одной из основных причин вспыхнувшего движения коренных народов национальных автономий Сибири за повышение своего суверенитета. Происходящие на рубеже 80—90 гг. XX в. перемены как в национальных автономиях, так и в стране в целом должны положительно решить назревшие проблемы, изменить в лучшую сторону условия жизни сибирского села.

¹ Социально-экономическое развитие сибирского села... С. 206, 207.

² Там же.

³ Политический собеседник (журнал Бурятского обкома КПСС). 1989. № 8. С. 27.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 272.

⁵ Под знаменем Октября. Улан-Удэ, 1977. С. 86, 87.

⁶ Очерки социального развития Тувинской АССР... С. 81.

⁷ Материалы Пленума ЦК КПСС. 15—16 марта 1989 г. М., 1989. С. 72.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
РГАЭ	— Российский государственный архив экономики
РЦХИИДНИ	— Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
ЦХДМО	— Центр хранения документов молодежных организаций
НАРБ	— Национальный архив Республики Бурятия
ГАРА	— Государственный архив Республики Алтай
ЦДНИРА	— Центр документации новейшей истории Республики Алтай
НАРС (Якутия)	— Национальный архив Республики Саха (Якутия)
ЦГАРТ	— Центральный государственный архив Республики Тува
ЦГАРХ	— Центральный государственный архив Республики Хакасия
ЦХСДГААК	— Центр хранения документации Государственного архива Алтайского края
ЦДНИГАЧО	— Центр документации новейшей истории Государственного архива Иркутской области
ГАЧО	— Государственный архив Читинской области
ЦХИИДНИКК	— Центр хранения и изучения документации новейшей истории Красноярского края

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I Организационно-хозяйственные и кадровые проблемы села	19
Изменения в организационной структуре сельскохозяйственного производства и социально-классовом составе самостоятельного населения национальных автономий	19
Кадры специалистов и руководящих работников села	41
Обеспечение колхозов и совхозов работниками массовых профессий	51
Глава II. Укрепление материально-технической базы колхозов и совхозов и развитие сельскохозяйственного производства	68
Успехи и недостатки в обеспечении села техникой	68
Деятельность тружеников колхозов и совхозов по повышению плодородия земель и укреплению кормовой базы для общественного животноводства	80
Количественные и качественные изменения поголовья скота. Динамика сельскохозяйственного производства	98
Глава III Общественно-политическая жизнь национальных автономий Сибири	119
Сельские партийные организации автономных республик, областей и округов	119
Партийное просвещение и массово-политическая работа на селе	139
Советы, профсоюзы, комсомол	150
Глава IV Претворение в жизнь социально-культурных аспектов аграрной политики КПСС	176
Повышение материального уровня и улучшение бытовых условий жизни сельского населения национальных автономий Сибири	176
Развитие культуры села	187
Заключение	210
Список сокращений	218

ИВАН ФЕДОРОВИЧ МЕДВЕДЕВ

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛА
НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ СИБИРИ (1960—1985 гг.)**

Редактор В. С. Сумарокова

Технический редактор Р. М. Подгорбунская

Корректор В. Г. Лихачева

Сдано в набор 06.05.94 г. Подписано в печать 23.10.94 г.
Формат 60×84¹/₁₆ Бумага типографская № 2 Гарнитура Литературная
Печать высокая. Печ. л. 13,75. Усл. печ. л. 12,8 Уч.-изд. л. 13,22.
Тираж 1000 экз. Заказ 2890.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Пикетина, 4
Типография изд-ва «Красное знамя»,
634050, Томск, ГСП, пр. Фрунзе, 103.

